

Гектор Мало Без семьи

Г. МАЛО И ЕГО ПОВЕСТЬ «БЕЗ СЕМЬИ»

Повесть «Без семьи» принадлежит перу известного французского писателя Гектора Мало (1830–1907). Г. Мало является автором многих книг. Некоторые из них были написаны для детей и юношества, но ни одна не принесла ему такой популярности и признания, как повесть «Без семьи», вышедшая в 1878 году.

В повести многое по праву привлекает внимание юных читателей: и занимательный сюжет, и необычность судьбы героев, и разнообразный общественный фон, и, наконец, живая, доходчивая речь автора. Книга эта давно стала популярным пособием при изучении французского языка в школах.

«Без семьи» – это рассказ о жизни и приключениях мальчика Реми, который долгое время не знает, кто его родители, и скитается по чужим людям как сирота.

Писатель с большим мастерством рассказывает о жизни Реми, о его друзьях доброй матушке Барберен, благородном Виталисе, преданном друге Маттиа, и врагах – жестоком Гарафоли, бесчестном Дрисколе, коварном Джеймсе Миллигане. Много внимания уделяет Г. Мало описанию животных – обезьянки Душки, собак Капи, Дольче и Зербино, которые также являются полноправными действующими лицами повести. Образы животных сразу же запоминаются. В первую очередь это относится к пуделю Капи.

Внимательно следя за судьбой Реми, мысленно путешествуя вместе с ним по стране, читатель многое узнает о жизни французского народа, о нравах и обычаях того времени. Крестьяне, шахтеры, бродячие актеры, мошенники и честные люди, богатые и бедные – все эти персонажи, составляющие пестрый фон, одновременно имеют большой самостоятельный интерес. «Без семьи» дает разнообразный материал, рисующий тяжелую жизнь народа в капиталистической стране. Именно эта сторона книги будет несомненно поучительна для советских ребят.

Г. Мало показывает, что в обществе, в котором живут Реми и его друзья, всем управляют деньги. Жажда наживы толкает людей на чудовищные преступления. Это обстоятельство во многом определило и судьбу героя книги. Родственные отношения, понятие долга, благородство – все это отходит на задний план перед стремлением овладеть богатством. Убедительный пример тому – фигура Джеймса Миллигана. Ни перед чем не останавливаясь, чтобы овладеть имуществом брата, он хочет любой ценой избавиться от его наследников – своих племянников. Один из них, Артур, – физически слабый ребенок, и дядя цинично надеется на его раннюю смерть. Больше беспокоит его другой – Реми. Поэтому Джеймс Миллиган с помощью негодяя Дрискола выкрадывает мальчика у родителей.

Писатель рассказывает, что в мире собственников, где все продается и покупается, детей покупают и продают, как вещи. Продан Реми, продан Маттиа. Хозяин, купивший ребенка, считает себя вправе морить его голодом, избивать, издеваться над ним. Вот почему для вечно голодного, постоянно избиваемого Маттиа – величайшее счастье попасть в больницу, а здоровый и сильный Реми завидует Артуру, больному, прикованному к постели, но всегда сытому и окруженному вниманием.

Семья в представлении Реми олицетворяет не только любовь и заботу родителей, она – единственно надежная опора, защита от превратностей суровой, несправедливой судьбы.

Многое в повести изобличает пороки капиталистической системы, характеризует тяжелую жизнь народа. Невыносимы условия труда шахтеров, зыбко и непрочно благополучие простых людей, живущих своим трудом. Потерявший трудоспособность Барберен не может и мечтать о каком-либо пособии: его судьбой не интересуется ни хозяин предприятия, ни государство. Когда честный труженик Акен оказывается разоренным, то и

ему неоткуда ждать помощи. Более того, он попадает в тюрьму, так как не в состоянии выполнить заключенное им ранее денежное соглашение. Полиция, суд, тюрьмы – все обращено против простых людей. Яркая иллюстрация этому – арест Виталиса: «блюститель порядка», полицейский вовлекает его в скандал, арестовывает, а суд присуждает ни в чем не повинного музыканта к тюремному заключению. Судьба Виталиса – убедительное подтверждение того, как мало в буржуазном обществе ценят людей по их настоящим заслугам; это еще одна история гибели таланта в мире наживы. Некогда знаменитый артист, всеми почитаемый певец, потеряв голос, он вынужден заняться бродяжничеством и умирает в нужде и безвестности.

Можно привести и другие примеры из повести, которые раскрывают перед читателем безрадостную картину жизни простых людей Франции и обличают нравы буржуазного общества, где судьбы людей определяют деньги и знатность, а не подлинные человеческие достоинства.

Г. Мало несомненно был внимательным наблюдателем жизни, но ему был свойствен недостаток, присущий многим буржуазным писателям. Обобщить увиденное, сделать должные выводы, до конца раскрыть затронутую им тему он не сумел. Многие правдиво рассказанные события, верно подмеченные факты не получают в повести правильного объяснения. В этом, конечно, сказалась узость общественных взглядов писателя, его неумение или нежелание выступить с последовательным обличением буржуазного мира. Г. Мало как бы опасается тех выводов, к которым может привести читателя поучительная история Реми.

Нередко, правдиво изображая тяжелую жизнь народа, вставая на защиту своего героя, явившегося жертвой мира наживы и стяжательства, Г. Мало стремится классовые пороки буржуазии приписать лишь отдельным «злым людям» – таким, как, например, Джеймс Миллиган, и, наоборот, с умилением вспоминает о таких «добрых» богачах, как госпожа Миллиган. Это определило и неправдоподобие отдельных черт характера героя. Так, Реми, неглупый, энергичный мальчик, никогда не задумывается над несправедливостью собственного положения и положения своих близких; он без малейшего протеста смиренно голодает и переносит все тяготы, которые выпадают на его долю. Пытаясь смягчить впечатление от нарисованной им самим картины, писатель стремится привести своих героев к благополучию, наградить добродетель и наказать порок во что бы то ни стало. В конце книги все препятствия, лежащие на их пути, устраняются при помощи тех же денег и богатых людей, от которых так много претерпели Реми и его друзья.

Но все эти недостатки не лишают книгу Г. Мало большой познавательной ценности. Прошло много лет со дня написания повести. За это время еще беспощаднее стал гнет капитала во Франции, еще тяжелее и несправдливее – жизнь народа. Но повесть «Без семьи» несомненно с интересом будет прочитана как правдивый рассказ о жизни и испытаниях одинокого ребенка, о тяжелом положении простых людей из народа в капиталистическом обществе.

Ю. Кондратьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I. В ДЕРЕВНЕ

Я – найденыш.

Но до восьми лет я этого не знал и был уверен, что у меня, как и у других детей, есть мать, потому что, когда я плакал, какая-то женщина нежно обнимала и утешала меня и слезы мои тотчас же высыхали.

Вечером, когда я ложился спать в свою постельку, эта же женщина подходила и целовала меня, а в холодное зимнее время согревала своими руками мои озябшие ноги,

напевая при этом песенку, мотив и слова которой я прекрасно помню до сих пор.

Если гроза заставляла меня в то время, когда я пас нашу корову на пустырях, она выбегала ко мне навстречу и, стараясь укрыть от дождя, набрасывала мне на голову и плечи свою шерстяную юбку.

Я рассказывал ей о своих огорчениях, о ссорах с товарищами, и немногими ласковыми словами она всегда умела успокоить и образумить меня.

Ее постоянные заботы, внимание и доброта, даже ее воркотня, в которую она вкладывала столько нежности, – все заставляло меня считать ее своей матерью. Но вот как я узнал, что я был только ее приемным сыном.

Деревушка Шаванон, где я вырос и провел свое раннее детство, – одна из самых бедных деревень центральной Франции. Почва здесь крайне неплодородна и требует постоянного удобрения, поэтому обработанных и засеянных полей в этих краях чрезвычайно мало, и повсюду тянутся огромные пустыри. За пустырями начинаются степи, где обычно дуют холодные резкие ветры, мешающие росту деревьев; оттого деревья встречаются тут редко, и то какие-то малорослые, чахлые, искалеченные. Настоящие, большие деревья – красивые, пышные каштаны и могучие дубы – растут только в долинах по берегам рек.

В одной из таких долин, возле быстрого полноводного ручья, стоял домик, где я провел первые годы своего детства. Мы жили в нем только вдвоем с матерью; муж ее был каменщиком и, как большинство крестьян этой местности, жил и работал в Париже. С тех пор как я вырос и стал понимать окружающее, он ни разу не приезжал домой. По временам он давал о себе знать через кого-либо из своих товарищей, возвращавшихся в деревню.

– Тетушка Барберен, ваш муж здоров! Он шлет привет и просит передать вам деньги. Вот они. Пересчитайте, пожалуйста.

Матушка Барберен вполне довольствовалась этими краткими весточками: муж здоров, работает, зарабатывает на жизнь.

Барберен жил постоянно в Париже, потому что там у него имелась работа. Он рассчитывал скопить немного деньжонок, а затем вернуться в деревню, к своей старухе. – На отложенные деньги он надеялся прожить те годы, когда они состарятся и не в силах будут больше работать.

Однажды в ноябрьский вечер какой-то незнакомый человек остановился у нашей калитки. Я стоял на пороге дома и ломал хворост для печки. Человек, не отворяя калитки, заглянул поверх ее и спросил:

– Здесь живет тетушка Барберен?

Я попросил его войти.

Незнакомец толкнул калитку и медленно направился к дому. Очевидно, он долго шел по скверным, размытым дорогам, так как с головы до ног был забрызган грязью.

Матушка Барберен, услышав, что я с кем-то разговариваю, тотчас же прибежала, и человек не успел переступить порог нашего дома, как она уже очутилась перед ним.

– Я принес вам вести из Парижа, – сказал он. Эти простые слова, какие нам не раз приходилось слышать, были, однако, произнесены совсем иным тоном, чем обычно.

– Боже мой! – воскликнула матушка Барберен, испуганно сжимая руки. – С Жеромом, верно, случилось несчастье?

– Ну да, только не следует терять головы и пугаться. Правда, ваш муж сильно пострадал, но он жив. Возможно, он останется теперь калекой. Сейчас он в больнице. Я тоже там лежал и был его соседом по койке. Узнав, что я возвращаюсь к себе в деревню, Барберен попросил меня зайти к вам и рассказать о случившемся. Прощайте, я очень тороплюсь. Мне надо еще пройти несколько километров, а скоро стемнеет.

Матушке Барберен хотелось, конечно, узнать обо всем поподробнее, и она начала уговаривать незнакомца остаться поужинать и переночевать:

– Дороги плохие. Говорят, появились волки. Лучше отправиться в путь завтра утром.

Незнакомец уселся возле печки и за ужином рассказал, как произошло несчастье.

На стройке, где работал Барберен, рухнули плохо укрепленные леса и придавили его

своей тяжестью. Хозяин, ссылаясь на то, что Барберену незачем было находиться под этими лесами, отказывался платить пособие за увечье.

– Не повезло бедняге, не повезло... Боюсь, что ваш муж ровно ничего не получит.

Стоя перед огнем и обсушивая свои брюки, заскорузлые от грязи, он повторял «не повезло» с таким искренним огорчением, которое говорило о том, что он охотно стал бы калекой, если бы за это можно было получить вознаграждение.

– Все же, – сказал он, заканчивая свой рассказ, – я посоветовал Барберену подать в суд на хозяина. – В суд? Но это будет стоить больших денег. – Зато, если выиграешь дело...

Матушке Барберен очень хотелось поехать в Париж, но такое далекое путешествие стоило бы очень дорого. Она попросила написать письмо в больницу, где лежал Барберен. Через несколько дней мы получили ответ, в котором говорилось, что матушке нет необходимости ехать самой, но ей надо выслать немного денег, потому что Барберен подал в суд на хозяина.

Проходили дни и недели, и время от времени прибывали письма с требованием новых денег. В последнем Барберен писал, что если денег нет, то следует немедленно продать корову.

Только тот, кто вырос в деревне, среди бедняков-крестьян, знает, какое большое горе – продать корову.

Корова – кормилица крестьянской семьи. Как ни многочисленна и бедна семья, она никогда не будет голодать, если у нее в хлеву есть корова. Отец, мать, дети, взрослые и маленькие – все живы и сыты благодаря корове. Мы с матушкой также питались неплохо, хотя мяса почти никогда не ели. Но корова была не только нашей кормилицей, она была и нашим другом.

Корова – разумное и доброе животное, отлично понимающее слова и ласку человека. Мы постоянно разговаривали с нашей Рыжухой, ласкали и холили ее. Словом, мы любили ее и она нас любила. И вот теперь приходилось с ней расставаться.

В дом пришел покупатель: с недовольным видом качая головой, он долго и внимательно осматривал Рыжуху со всех сторон. Затем, повторив раз сто, что она ему совсем не подходит, так как дает мало молока, да и то очень жидкое, он в конце концов заявил, что купит ее лишь по своей доброте и из желания помочь такой славной женщине, как тетушка Барберен.

Бедная Рыжуха, как будто поняв, что происходит, не захотела выйти из хлева и жалобно замычала.

– Подойди и хлестни ее, – обратился ко мне покупатель, снимая кнут, висевший у него на шее.

– Не надо, – возразила матушка Барберен. И, взяв корову за повод, ласково произнесла: – Пойдем, моя красавица, пойдем!

Рыжуха, не сопротивляясь, послушно вышла на дорогу. Новый хозяин привязал ее к своей телеге, и тогда ей поневоле пришлось следовать за лошадью. Мы вернулись в дом, но еще долго слышали ее мычанье.

Не стало ни молока, ни масла. Утром – кусок хлеба, вечером – картошка с солью.

Вскоре после того как мы продали Рыжуху, наступила масленица. В прошлом году на масленице матушка Барберен напекла превкусных блинов и оладий, и я их съел так много, что она осталась очень довольна. Но тогда у нас была Рыжуха. «Теперь, – печально думал я, – нет ни молока, ни масла, и мы не можем печь блины». Однако я ошибался: матушка Барберен и на этот раз решила меня побаловать.

Хотя матушка очень не любила брать у кого-нибудь в долг, она все же попросила у одной соседки немного молока, а у другой – кусок масла. Вернувшись в полдень домой, я увидел, что она высыпает муку в большой глиняный горшок.

– Мука? – удивленно воскликнул я, подходя к ней.

– Да, – ответила матушка. – Разве ты не видишь? Чудесная, пшеничная мука. Понюхай, как она вкусно пахнет.

Мне очень хотелось узнать, что она будет готовить из этой муки, однако я не решился спросить ее, не желая напоминать о том, что сейчас масленица. Но она заговорила сама:

– Что делают из муки?

– Хлеб.

– А еще что?

– Кашицу.

– Ну, а еще?

– Право, не знаю...

– Нет, ты прекрасно знаешь и отлично помнишь, что сегодня масленица, когда пекут блины и оладьи. Но у нас нет ни молока, ни масла, а ты молчишь, потому что боишься меня огорчить. Тем не менее я решила устроить тебе праздник и заранее обо всем позаботилась. Загляни-ка в ларь.

Я быстро приподнял крышку ларя и увидел там молоко, масло, яйца и три яблока.

– Подай мне яйца и очисти яблоки, – сказала матушка. Пока я чистил и резал тоненькими ломтиками яблоки, она разбила и вылила яйца в муку, а затем принялась месить ее, постепенно подливая в нее молоко. Замесив тесто, матушка поставила его на горячую золу, чтобы оно подошло. Теперь оставалось только терпеливо ждать вечера, так как есть блины и оладьи мы должны были за ужином.

Сказать по правде, день показался мне очень длинным, и я не раз заглядывал под полотенце, которым был накрыт горшок.

– Ты застудишь тесто, – говорила мне матушка, – оно плохо поднимется.

Но оно поднималось превосходно, и от бродившего теста шел приятный запах яиц и молока.

– Приготовь сухого хвороста – приказала матушка – Печь должна быть очень горячей и не дымить.

Наконец стемнело и зажгли свечу.

– Затопи печку.

Я с нетерпением ждал этих слов и потому не заставил себя дважды просить. Скоро яркое пламя запылало в очаге и озарило комнату своим колеблющимся светом. Матушка сняла с полки сковородку и поставила ее на огонь. – Принеси мне масло.

Кончиком ножа она взяла небольшой кусок масла и положила его на сковородку, где оно мгновенно растопилось.

Ах, какой восхитительный аромат разлился по всей комнате, как радостно и весело затрещало и зашипело масло! Я был всецело поглощен этой чудесной музыкой, но вдруг мне показалось, что на дворе раздались шаги. Кто мог потревожить нас в это время? Вероятно, соседка хочет попросить огонька. Однако я сейчас же отвлекся от этой мысли, потому что матушка Барберен погрузила большую ложку в горшок, зачерпнула тесто и вылила его на сковородку. Разве можно было в такой момент думать о чем-нибудь постороннем?

Внезапно раздался громкий стук, и дверь с шумом открылась.

– Кто там? – спросила матушка Барберен не оглядываясь.

Вошел человек, одетый в холщовую блузу, с большой палкой в руках.

– Ба, да здесь настоящий пир! Прошу вас, не стесняйтесь! – грубо произнес он.

– Ах, боже мой! – воскликнула матушка Барберен и быстро поставила сковородку на пол. – Неужели это ты, Жером?

Потом она схватила меня за руку и толкнула к человеку, стоявшему на пороге:

– Вот твой отец.

ГЛАВА II. КОРМИЛЕЦ СЕМЬИ

Я подошел, чтобы обнять его, но он отстранил меня палкой:

– Кто это?

– Реми.

- Ты же мне писала...
- Да, но... это была неправда, потому что...
- Ах, вот как, неправда!

И, подняв палку, он сделал по направлению ко мне несколько шагов. Я инстинктивно попятился.

Что такое? В чем я провинился? Почему он оттолкнул меня, когда я захотел его обнять? Но у меня не было времени разобраться в этих вопросах, теснившихся в моем взволнованном уме.

- Я вижу, вы справляете масленицу, – сказал Барберен.
- Отлично, я очень голоден. Что ты готовишь на ужин?
- Блины.

– Но не блинами же ты будешь кормить человека, который прошел пешком столько километров!

- Больше ничего нет. Мы тебя не ждали.
- Как? Ничего нет на ужин? Он огляделся по сторонам:
- Вот масло.

Затем поднял глаза к тому месту на потолке, где мы обычно подвешивали свиное сало. Но уже давно там ничего не висело, кроме пучков чеснока и лука. – Вот лук, – сказал он, сбивая палкой одну из связок. – Четыре-пять луковиц, кусок масла – и получится хорошая похлебка. Сними-ка блин и поджарь лук.

Снять блин со сковороды! Однако матушка Барберен ничего не возразила. Наоборот, она поспешила сделать то, что ей приказал муж, а он уселся на скамью, стоявшую в углу, возле печки.

Не решаясь сойти с того места, куда он загнал меня палкой, я, опершись на стол, смотрел на него.

Это был человек лег пятидесяти, с некрасивым, суровым лицом. После увечья голова у него была наклонена набок, что придавало ему какой-то угрожающий вид. Матушка Барберен снова поставила сковороду на огонь.

– Неужели ты думаешь сделать похлебку с таким маленьким кусочком масла? – спросил Барберен. И, взяв тарелку, где лежало масло, он вывалил его на сковороду. – Нет масла – значит, не будет и блинов!

В другой момент я, наверно, был бы потрясен такой катастрофой, но сейчас я уже не мечтал ни о блинах, ни об оладьях, а думал только о том, что этот грубый, суровый человек – мой отец.

– Отец, мой отец... – мысленно повторял я.

– Вместо того чтобы сидеть как истукан, поставь-ка на стол тарелки! – обратился он ко мне спустя некоторое время.

Я поспешил выполнить его приказание. Суп был готов Матушка Барберен разлила его по тарелкам. Барберен подсел к столу и начал жадно есть время от времени останавливаясь, чтобы посмотреть на меня. Я был так расстроен, что не мог проглотить ни одной ложки, и тоже смотрел на него, но украдкой, опуская глаза, когда встречался с ним взглядом. – Что, он всегда так мало ест? – неожиданно спросил Барберен, указывая на меня.

– Ах нет, он ест хорошо.

– Жаль! Было бы лучше, если б он ничего не ел. Понятно, что ни я, ни матушка Барберен не имели ни малейшего желания разговаривать. Она ходила взад и вперед вокруг стола, стараясь услужить мужу.

– Значит, ты не голоден? – спросил он меня.

– Нет.

– Тогда отправляйся спать и постарайся сию же минуту заснуть, иначе я рассержусь.

Матушка Барберен сделала мне знак повиноваться, хотя я и не думал противиться.

Как это бывает обычно в большинстве крестьянских домов, кухня одновременно служила нам и спальней. Рядом с печкой находилось все необходимое для еды: стол, ларь

для провизии, шкафчик с посудой; на другой стороне в одном углу стояла кровать матушки Барберен, а в противоположном – моя, занавешенная красной материей.

Я поспешно разделся и лег, но заснуть, конечно, не мог. Я был чрезвычайно взволнован и очень несчастлив. Неужели этот человек – мой отец? Тогда почему же он обошелся со мной так грубо? Отвернувшись к стене, я напрасно старался прогнать эти грустные мысли. Сон не приходил. Через некоторое время я услышал, что кто-то приближается к моей кровати.

По шагам, медленным и тяжелым, я тотчас же узнал Барберена. Горячее дыхание коснулось моих волос.

– Ты спишь? – услышал я приглушенный голос. Я ничего не ответил. Страшные слова «я рассержусь» еще звучали в моих ушах.

– Спит, – заметила матушка Барберен. – Он засыпает сразу же, как только ляжет. Можешь спокойно говорить обо всем, он тебя не услышит. Чем кончился суд?

– Дело проиграно! Судьи решили, что я сам виноват в том, что находился под лесами, и потому хозяин ничего мне не должен платить. – Тут он стукнул кулаком по столу и произнес несколько бессвязных ругательств. – Деньги пропали, я искалечен, нас ждет нищета! Мало того: возвращаюсь домой и нахожу здесь ребенка. Объясни, пожалуйста, почему ты не сделала так, как я велел?

– Потому что я не могла...

– Не могла отдать его в приют для подкидышей?

– Трудно расстаться с ребенком, которого сама выкормила и которого любишь, как родного сына.

– Но ведь это не твой ребенок!

– Позднее я хотела отдать его в приют, но он заболел. – Заболел?

– Да, он болел, и если бы я его отдала в это время в приют, он бы там умер.

– А когда выздоровел?

– Он долго не поправлялся. За одной болезнью последовала другая. Прошло много времени. И я решила, что раз я могла кормить его до сих пор, то смогу прокормить и в будущем.

– Сколько ему теперь лет?

– Восемь.

– Ну что ж, он пойдет в восемь лет туда, куда должен был отправиться раньше.

– Жером, ты не сделаешь этого!

– Не сделаю? А кто мне помешает? Неужели ты думаешь, что мы будем вечно держать его у себя?

Наступило молчание, и я смог перевести дух. От волнения у меня так сжалось горло, что я чуть не задохнулся. Матушка Барберен продолжала:

– Как тебя изменил Париж! Раньше ты не был таким жестоким.

– Париж не только изменил меня, но и сделал меня калекой. Работать я не могу, денег у нас нет. Корова продана. Можем ли мы теперь кормить чужого ребенка когда нам самим нечего есть?

– Но он мой.

– Он такой же твой, как и мой. Этот ребенок не приспособлен для жизни в деревне. Я рассмотрел его во время ужина: он хрупкий, худой, у него слабые руки и ноги.

– Но он очень хороший, умный и добрый мальчик. Он будет работать на нас.

– Пока что нам нужно работать на него, а я не могу больше работать.

– А если найдутся его родители, что ты тогда им скажешь?

– Пошлю их в приют. Однако хватит болтать, надоело! Завтра я отведу его к мэру.¹ А сегодня хочу еще зайти к Франсуа. Через час я вернусь.

¹ Мэр – лицо, стоящее во главе сельской общины или городского самоуправления.

Дверь отворилась и захлопнулась. Он ушел. Тогда я живо вскочил и стал звать матушку Барберен:

– Мама, мама!

Она подбежала к моей кровати.

– Неужели ты отправишь меня в приют?

– Нет, мой маленький Реми, нет!

И она нежно поцеловала меня, крепко сжимая в своих объятиях. Эта ласка ободрила меня, и я перестал плакать.

– Так ты не спал? – спросила она меня нежно. – Я не виноват.

– Я тебя не браню. Значит, ты слышал все, что говорил Жером? Мне следовало бы давно рассказать тебе правду. Но я привыкла считать тебя своим сыном, и мне трудно было признаться, что я не твоя родная мать. Кто твоя мать и жива ли она, ничего не известно Ты был найден в Париже, и во г как это случилось. Однажды ранним утром, идя на работу, Жером услышал на улице громкий детский плач. Пройдя несколько шагов, он увидел, что на земле, у калитки сада, лежит маленький ребенок. В то же время Жером заметил какого-то человека, который прятался за деревьями, и понял, что тот хотел посмотреть, поднимут ли брошенного им ребенка. Жером не знал, что делать; ребенок отчаянно кричал, как будто поняв, что ему могут помочь. Тут подошли другие рабочие и посоветовали Жерому отнести ребенка в полицейский участок. Там ребенка раздели. Он оказался здоровым, красивым мальчиком пяти-шести месяцев Больше ничего узнать не удалось, так как все метки на его белье и пеленках оказались вырезанными Полицейский комиссар сказал, что придется отдать ребенка в приют для подкидышей. Тогда Жером предложил взять тебя к себе, пока не найдутся твои родители. У меня в это время только что родился ребенок, и я могла кормить обоих. Так я стала твоей матерью. О мама!

– Через три месяца мой ребенок умер, и тогда я еще больше привязалась к тебе. Я совсем забыла, что ты мне не родной сын. Но Жером этого не забыл и, видя что твои родители не находятся, решил отдать тебя в приют Ты уже знаешь, почему я его не послушалась. – О, только не в приют! – закричал я, цепляясь за нее. – Умоляю тебя, мама, не отдавай меня в приют! Нет дитя мое, ты туда не пойдешь. Я это устрою. Жером вовсе не злой человек. Горе и боязнь нужды заставляют его так поступать. Мы будем работать, ты тоже будешь работать.

– Да, я буду делать все, что ты захочешь. Только не отдавай меня в приют.

– Хорошо, не отдам, но с условием, что ты сейчас же заснешь. Я не хочу, чтобы Жером, вернувшись, увидел, что ты не спишь.

Крепко поцеловав, она повернула меня лицом к стене. Я очень хотел заснуть, но был настолько потрясен и взволнован, что долго не мог успокоиться.

Значит, матушка Барберен, такая добрая и ласковая, не была моей родной матерью! Но тогда кто же моя настоящая мать? Еще лучше и нежнее? Нет, это невозможно.

Зато я очень хорошо понял и почувствовал, что родной отец не мог быть таким жестоким, как Барберен, не мог смотреть на меня такими злыми глазами и замахиваться на меня палкой. Он хочет отдать меня в приют! Я знал, что такое приют, и видел приютских детей, на шее у них висела металлическая пластинка с номерком, они были грязны, плохо одеты, над ними смеялись, их преследовали и дразнили А я не хотел быть ребенком с номерком на шее, я не хотел, чтобы за мною бегали с криками: «Приютский, приютский!» От одной этой мысли меня бросало в дрожь и начинали стучать зубы.

К счастью, Барберен вернулся не так скоро, как обещал и я заснул раньше его прихода.

ГЛАВА III. ТРУПША СИНЬОРА ВИТАЛИСА

Всю ночь я находился под впечатлением перенесенного мной горя. Проснувшись, я первым делом ощупал свою постель и огляделся вокруг, желая убедиться в том, что меня куда-то не унесли.

Барберен молчал, и я стал надеяться, что матушка уговорила его оставить меня у них.

Однако в полдень Барберен велел мне надеть фуражку и идти с ним. Я с испугом посмотрел на матушку, умоляя ее о помощи. Она украдкой сделала мне знак, что бояться нечего. Тогда ничего не возразив, я пошел следом за Барбереном.

От нашего дома до деревни не меньше часа ходьбы. В продолжение этого часа Барберен, ничего не говоря, тихо шел впереди, время от времени оборачиваясь, чтобы посмотреть, иду ли я за ним.

Куда он меня вел? Сильно обеспокоенный, я стал думать, как бы избежать угрожающей мне опасности. Поэтому я начал отставать, решив спрятаться от Барберена в ближайшей канаве. Но Барберен отгадал мое намерение: он взял меня за руку и заставил идти рядом с ним. Так мы и вошли в деревню. Встречные оборачивались и с любопытством смотрели на нас, потому что у меня был вид злой собаки, которую тянут на поводке. Когда мы проходили мимо харчевни, стоявший на пороге хозяин окликнул Барберена и пригласил его войти. Барберен взял меня за ухо и, пропустив вперед, закрыл за собою дверь.

Я успокоился: деревенская харчевня отнюдь не пугала меня. Наоборот, мне уже давно хотелось в ней побывать. Не раз проходя мимо дверей, я слышал, как из харчевни раздавались крики и песни, от которых дрожали стекла. Что там делали? Что происходило за этими красными занавесками? Теперь я это узнаю!

Барберен уселся за стол вместе с хозяином, а я поместился возле очага и стал смотреть по сторонам.

В противоположном от меня углу сидел старик с большой белой бородой, одетый в такой странный костюм, какого я еще никогда не видывал. На голове у него была высокая фетровая шляпа с зелеными и красными перьями, из-под которой спускались на плечи длинные пряди волос. меховая безрукавка из овчины плотно облегла его фигуру. шерстяные чулки доходили почти до колен и были крест-накрест перевязаны красными лентами. Он неподвижно сидел на стуле, опершись подбородком на правую руку, и был похож на деревянную статую. Под его стулом лежали и грелись два пуделя: белый и черный, и маленькая серая собачка с лукавой, ласковой мордочкой. На белом пуделе было надето старенькое кепи полицейского, державшееся под подбородком на кожаном ремешке.

В то время как я с любопытством рассматривал старика, Барберен и хозяин харчевни разговаривали вполголоса. Я понимал, что речь шла обо мне.

Барберен рассказал ему, что пришел в деревню для того, чтобы просить мэра выхлопотать из приюта пособие на мое содержание. Значит, матушка Барберен кое-чего добилась, и я тотчас же сообразил, что если Барберен будет получать пособие, мне нечего будет бояться, что меня отдадут в приют. Старик, казалось, не слушал их разговора, но вдруг он протянул по направлению ко мне правую руку и, обращаясь к Барберену, спросил:

– Так этот мальчик вам в тягость?

– Да!

– И вы думаете, что администрация приюта согласится платить вам за его содержание?

– Черт возьми, но раз у него нет родителей, а я кормлю его и одеваю, должен же кто-нибудь платить мне за него! По-моему, это справедливо.

– Не возражаю. А вы уверены, что всегда делается то, что справедливо?

– Конечно, нет.

– Поэтому-то вы никогда и не получите денежного пособия, о котором хлопчете.

– Тогда он отправится в приют. Нет такого закона, чтобы заставить меня держать его, раз я этого не хочу.

– Вы в свое время согласились взять ребенка – значит, приняли на себя обязательство его содержать.

– Ну, а я его держать не намерен и так или иначе от него отделаюсь.

– Мне кажется, я могу вам указать средство отделаться от него и притом кое-что заработать, – сказал старик после минутного размышления.

– Укажите мне это средство, и я поставлю вам бутылочку с величайшей охотой.

– Заказывайте бутылку. Ваше дело в шляпе.

– Наверняка?

– Наверняка!

Старик поднялся со своего места и уселся напротив Барберена. В тот момент, когда он встал со стула, его овчина как-то странно оттопырилась, словно под левой его рукой находилось какое-то живое существо.

– Вы хотите, чтобы этот ребенок не ел больше вашего хлеба или чтобы его содержание вам оплачивалось, не так ли? – спросил он.

– Правильно, потому что...

– Почему вы этого желаете, меня совсем не интересует. Мне достаточно знать только то, что вы не хотите держать у себя ребенка. Если это так – отдайте его мне, я буду его содержать.

– Отдать его вам?

– Ну да, черт возьми! Ведь вы же хотите от него отделаться?

– Отдать вам ребенка, такого милого, славного мальчика? Посмотрите-ка на него.

– Я его видел.

– Реми, подойди сюда!

Дрожа от страха, я приблизился к столу.

– Полно, не бойся, малыш! – произнес старик.

– Ну, смотрите, – продолжал Барберен.

– Разве я говорю, что мальчик некрасив? Я вовсе не желаю иметь урода.

– Ах, если бы он был уродом с двумя головами или хотя бы карликом...

– Тогда бы вы не думали об отправке его в приют. Вы прекрасно знаете, что урод – это ценность, из которой можно извлечь большую выгоду. Но этот мальчик не карлик и не урод, он вполне нормален и потому ни на что не годен.

– Как ни на что? Он может работать.

– Нет, такой ребенок не годится для сельских работ. Поставьте его за плуг – и вы увидите, долго ли он протянет.

– Десять лет.

– И месяца не протянет.

– Да посмотрите на него...

– Посмотрите на него сами!

Я стоял между Барбереном и стариком, которые толкали меня друг к другу.

– Все равно, – заявил старик, – я беру его таким, каков он есть. Только, разумеется, я его у вас не покупаю, а нанимаю. И даю за него двадцать франков² в год.

– Двадцать франков!

– Цена хорошая, плата вперед. Вы получаете всю сумму сразу и освобождаетесь от ребенка.

– Из приюта мне будут платить за него не меньше десяти франков в месяц.

– Вернее, семь или восемь, но вам еще придется его кормить.

– Он станет работать.

– А если администрация приюта не оставит мальчика у вас, а передаст его другому, тогда вы ровно ничего не получите. В то время как сейчас вам стоит только протянуть руку...

Старик пошарил в кармане, достал оттуда кожаный кошелек, вынул из него несколько серебряных монет и со звоном выбросил их на стол.

– Давайте сорок.

– Нет, та работа, которую он будет у меня выполнять, этого не стоит.

² Франк – французская монета, равнявшаяся в те времена 37, 5 коп. В одном франке двадцать су, или 100 сантимов.

– А что он будет делать? Ноги у него крепкие, руки тоже. Но все-таки: на что он, по-вашему, годен?

Старик насмешливо посмотрел на Барберена и, попивая маленькими глотками вино из стакана, ответил:

– Он мне нужен для компании. Я становлюсь стар; по вечерам, после тяжелого дня, и во время дурной погоды у меня бывает грустное настроение. Он будет меня развлекать.

– Ну, для этого-то, уж наверное, его ноги достаточно крепки!

– Неизвестно. Он должен танцевать, прыгать, много ходить, а затем, после ходьбы, снова прыгать и танцевать. Словом, он будет артистом в труппе синьора Виталиса.

– Где же она, ваша труппа?

– Синьор Виталис – это я, как вы, вероятно, уже сами догадываетесь, а мою труппу, если вы желаете с нею познакомиться, я вам сейчас представлю.

Сказав это, он распахнул овчину и достал оттуда какого-то странного зверька.

«Что это за животное? Да и животное ли это?» Я не знал, как назвать зверька, которого видел впервые.

На нем была надета красная куртка, обшитая золотым галуном, но руки и ноги его оставались голыми. Это были не лапы, а настоящие руки и ноги, только кожа их была не телесного цвета, а черная. Черной также была и его голова величиной почти с мой кулак; личико у него было широкое и короткое, нос курносый, с большими ноздрями, губы коричневые. Но больше всего поразили меня его глаза: близко поставленные друг к другу, невероятно подвижные, блестящие, как зеркало.

– Какая противная обезьяна! – закричал Барберен. Теперь я все понял. Я никогда не видел обезьян, но, разумеется, слышал о них. Значит, передо мной была обезьяна, а не черный ребенок.

– Вот первый артист моей труппы – синьор Душка. Душка, друг мой, приветствуй собравшееся здесь общество!

Душка приложил руку к губам и послал нам воздушный поцелуй.

– А вот и второй, – продолжал Виталис, указывая на белого пуделя. – Синьор Капи сейчас представит почтенному обществу своих друзей.

Белый пудель, который до этого момента лежал неподвижно, быстро вскочил на задние лапы, скрестил передние на груди и так низко поклонился, что почти коснулся головой пола.

Затем он повернулся к другим собакам и лапой сделал им знак приблизиться.

Те тотчас же вскочили и, протянув друг другу лапы так, как люди протягивают руку, с серьезным видом сделали шесть шагов вперед, потом три шага назад и поклонились.

– Тот, кого я называю Капи, от итальянского слова «капитан», является старшим среди собак. Он умнее других и передает им мои приказания. Молодой франт с черной шерстью зовется Зербино, что значит «любезный». А прелестная юная особа с такой смиренной мордочкой – синьора Дольче; она вполне заслуживает свое прозвище «кроткая». С этими замечательно талантливыми артистами я путешествую по белому свету и зарабатываю на жизнь в зависимости от того, как нам повезет. Капи, подойди сюда!

Пудель скрестил лапы.

– Мои артисты прекрасно воспитаны, и я с ними всегда очень вежлив. Капи, будь любезен и скажи, пожалуйста, этому мальчику, который смотрит на тебя с таким изумлением, который теперь час.

Капи подошел к своему хозяину, раздвинул овчину, порылся в его жилетном кармане и достал оттуда большие серебряные часы. Посмотрев на циферблат, он громко и отчетливо тьякнул два раза, а затем тьякнул три раза, но уже более слабо. В самом деле, было два часа и три четверти.

– Очень хорошо! – сказал Виталис. – Благодарю тебя, Капи. Теперь попроси синьору Дольче немного попрыгать через веревочку.

Капи начал шарить в кармане хозяина и достал оттуда веревку. Затем он сделал знак Зербино, который быстро встал напротив него. Капи бросил ему конец веревки, и тот

схватил се зубами.

Тогда Дольче принялась прыгать через веревку, не сводя красивых и нежных глаз с хозяина.

– Вы видите, как умны мои ученики, – заметил Виталис. – Но ум оценивается по достоинству только при сравнении. Вот почему я и приглашаю мальчика в мою труппу. Он будет играть роль дурачка и тем еще больше подчеркивать необычайный ум животных. – О, чтобы играть дурака... – перебил Барберен.

– ...для этого надо быть очень умным, – продолжал Виталис. – Я уверен, что у мальчика ума достаточно. Впрочем, мы это сейчас увидим. Произведем небольшое испытание. Если мальчик умен, он поймет, что с синьором Виталисом у него будет возможность обойти всю Францию и увидеть много других различных стран. А если он глуп, он начнет плакать, кричать, и синьор Виталис, который не любит капризных детей, не возьмет его с собой. Тогда этому бедному мальчику придется идти в приют, где его заставят много работать и где его будут плохо кормить.

Я был достаточно умен, чтобы понять его слова. Конечно, воспитанники синьора Виталиса очень забавны; очень интересно было бы всегда путешествовать. Но для этого надо расстаться с матушкой Барберен. Если же я откажусь идти с ними, то, по всей вероятности, не останусь и у матушки, так как меня отправят в приют.

Видя, что я стою взволнованный, со слезами на глазах, Виталис ласково потрепал меня по щеке:

– Ну вот, мальчик все понял и не плачет, а потому завтра...

– Оставьте меня у матушки, – закричал я, – умоляю вас!..

Прежде чем я успел что-либо прибавить, меня прервал отчаянный лай Капи. Собака кинулась к столу, на котором сидел Душка. Обезьянка, улучив момент, когда все обернулись ко мне, тихонько взяла стакан с вином и уже собралась его выпить. Но Капи заметил проделку обезьянки и решил ей помешать. – Синьор Душка, – сурово сказал Виталис; – ты лакомка и вор. Встань в угол, носом к стене, а ты, Зербино, посторожи его. Если он не будет стоять спокойно, шлепни его. Капи, ты хороший пес! Дай мне твою лапу, я пожму ее.

В то время как обезьянка, тихо ворча, выполняла приказание, счастливый и гордый Капи протянул свою лапу хозяину.

– Теперь, – продолжал Виталис, – перейдем к делу. Даю вам тридцать франков.

– Нет, сорок.

Торг возобновился, но вдруг Виталис прервал его:

– Мальчику скучно Пусть он пойдет во двор харчевни и там поиграет.

В то же время он сделал знак Барберену.

– Верно, – ответил тот, – ступай во двор и никуда не уходи, пока я тебя не позову, не то я рассержусь.

Мне осталось только повиноваться.

Я пошел во двор, но, конечно, играть не мог. Я сел на камень и стал размышлять. Судьба моя решалась в этот момент. Что-то будет? Зубы у меня стучали от холода и волнения. Спор между Виталисом и Барбереном продолжался очень долго, и прошло больше часа, прежде чем Барберен пришел за мной. Он был один.

– Идем домой! – крикнул он мне.

«Домой! Значит, я останусь у матушки?» Но я не посмел его об этом спросить, потому что он был сильно не в духе.

Мы возвращались домой в глубоком молчании.

Приблизительно за десять минут до прихода домой Барберен, шедший впереди, остановился.

– Помни, – грубо сказал он, схватив меня за ухо, – если ты скажешь хоть одно слово из того, что сегодня слышал, тебе не поздоровится. Итак, берегись!

ГЛАВА IV. РОДНОЙ ДОМ

– Что же сказал мэр? – спросила нас матушка Барберен, когда мы вернулись. Мы его не видели.

– Почему?

– Я встретил друзей и зашел с ними в харчевню, а когда мы оттуда вышли, идти к мэру было уже поздно. Ничего, сходим к нему завтра.

Последние слова Барберена успокоили меня. Раз мы завтра должны снова идти к мэру, значит он не согласился на предложение Виталиса.

Несмотря на угрозу Барберена, я бы, конечно, сказал матушке о моих подозрениях. Но, как нарочно, Барберен весь вечер не уходил из дому и не оставлял нас ни на одну минуту вдвоем. Я лег спать, так и не найдя возможности поговорить с ней.

Засыпая, я решил, что расскажу ей все завтра утром. Но когда я проснулся, матушки Барберен уже не было дома. – Где мама?

– Она пошла в деревню и вернется только после полудня. Не знаю почему, но ее отсутствие сильно встревожило меня. Накануне вечером она никуда не собиралась. Не отдавая себе отчета в угрожающей мне опасности, я смутно ее предчувствовал.

Барберен посматривал на меня как-то загадочно, что меня еще больше тревожило. Желая избежать этих взглядов, я вышел в сад. В этом небольшом садике росло все необходимое для нашего хозяйства: картошка, бобы, капуста, морковь и репа. В нем, казалось, не было ни одного свободного местечка. Однако матушка отвела для меня маленький уголок. Здесь я посадил много разных растений, трав, мхов, выкопанных мною в тех местах, где я пас корову.

В нашем саду не было ни аллей, посыпанных песком, ни длинных клумб, выровненных по шнурочку и засаженных редкими цветами. Прохожие не останавливались, чтобы полюбоваться на него поверх изгороди подстриженного терновника. Но я сам трудился над ним, я устроил его по своему желанию и когда говорил о нем, то с гордостью называл его «моим садом».

Прошлым летом я собрал и посадил в нем различные цветущие растения, которые должны были скоро распуститься. На жонкилиях уже появились бутоны, начинавшие желтеть. У фиалок показались маленькие лиловые лепестки, а в середине сморщенных листов примулы уже виднелись бутоны. Как они будут цвести? Меня это очень интересовало.

Но был один уголок моего сада, за которым я наблюдал с чувством большим, чем простое любопытство, – можно сказать, даже с некоторым волнением.

В этой части сада я посадил земляные груши;³ мне сказали, что они гораздо вкуснее картофеля. Не говоря ничего матушке Барберен, я посадил в моем саду эти корнеплоды. Когда они пустили ростки, я уверил ее, что это цветы. В один прекрасный день, когда они созреют, я в отсутствие матушки выкопаю земляные груши и сварю их. Как я это сделаю, я сам не знал хорошенько, но в моем воображении эта подробность меня мало смущала.

Как будет изумлена матушка! Как она будет довольна! Ведь вместо надоевшей картошки у нас будет новое, вкусное блюдо, и матушка не будет так грустить о продаже бедной Рыжухи. А кто изобрел это новое блюдо?

Я, Реми. Значит, и я могу принести какую-то пользу.

Понятно, что я с большим вниманием следил за ростом моих земляных груш. Ежедневно я приходил взглянуть на тот уголок, где они были посажены. От нетерпения мне казалось, что они никогда не вырастут.

Я стоял на коленях, уткнувшись носом в землю, когда услышал, что кто-то нетерпеливо окликнул меня. Это был Барберен. Что ему нужно? Я поспешно вернулся в дом. Каково же было мое изумление, когда я увидел перед собой синьора Виталиса и его собак!

³ Земляная груша – травянистое растение, клубни которого употребляются в пищу.

Я мгновенно понял все. Виталис пришел за мной, и для того чтобы матушка Барберен не могла за меня заступиться, Барберен уснул ее с утра в деревню.

Чувствуя, что мне нечего ждать сочувствия от Барберена, я подбежал к Виталису.

– Умоляю вас, не уводите меня! – закричал я и зарыдал.

– Слушай, малыш, – сказал он ласково, – тебе не будет плохо со мной. Я не бью и не обижаю детей, а мои воспитанники, с которыми тебе придется жить, чрезвычайно милы и забавны. О чем тебе жалеть?

– Матушка, матушка!

– Во всяком случае, здесь ты не останешься, – заявил Барберен, грубо хватая меня за ухо. – Выбирай сам: этот человек или приют.

– Нет, я хочу только матушку!

– В конце концов, ты мне надоел! – закричал Барберен в сильнейшем гневе. Если тебя нужно гнать отсюда палкой, то я так и сделаю.

– Мальчику тяжело расставаться с матерью, за что же его бить? У него есть сердце – и это хорошо.

– Если вы начнете его жалеть, он заревет еще пуще.

– Теперь перейдем к делу.

Сказав это, Виталис выложил на стол несколько серебряных монет, которые Барберен мгновенно сунул в карман.

– Где его вещи? – спросил Виталис.

– Вот они, – ответил Барберен, показывая на голубой бумажный платок, завязанный узлом.

Виталис развязал его и посмотрел, что там находится. В узле оказались две рубашки и холщовые штаны.

– Это не то, о чем мы с вами условились. Вы должны были отдать его вощи, а я вижу здесь только лохмотья. – Других у него нет.

– Если бы я спросил у ребенка, он ответил бы мне, что это не так. Но я не хочу спорить. У меня нет времени, пора отправляться в путь. Пойдем, малыш. Как тебя зовут?

– Реми.

– Идем, Реми. Возьми узелок и ступай впереди Капи. Шагом марш!

Я умоляюще посмотрел на него, потом на Барберена. Оба они отвернулись, а Виталис взял меня за руку. Надо было уходить. Когда я переступил через порог нашего бедного домика, мне показалось, что я оставил в нем частицу самого себя.

Я быстро огляделся вокруг, но мои глаза, затуманенные слезами, не увидели никого, к кому бы я мог обратиться за помощью: ни на дороге, ни в поле не было ни одного человека.

Я начал звать:

– Мама! Матушка!

Мне никто не ответил, и я горько разрыдался. Пришлось следовать за Виталисом, который не выпускал моей руки.

– Счастливого пути! – крикнул Барберен и вернулся в дом.

Все было кончено.

– Ну, Реми, пойдем же! – ласково потянул меня за собой синьор Виталис.

Дорога, по которой мы шли, поднималась зигзагами в гору, и на каждом повороте я мог видеть домик матушки Барберен, который постепенно становился все меньше и меньше. Я часто бегал по этой дороге и знал, что, когда мы дойдем до верхнего поворота, я увижу домик в последний раз, а затем, как только мы пройдем несколько шагов по ровному месту, его уже больше не будет видно.

Мы поднимались довольно долго и наконец добрались до вершины горы. Виталис по-прежнему не выпускал моей руки.

– Позвольте мне немного отдохнуть, – попросил я. – С удовольствием, мой мальчик.

Он опустил мою руку и в то же время многозначительно взглянул на Капи, который, очевидно, понял его. Тотчас же, как это делают пастушьи собаки, Капи встал позади меня. Я

понял, что Капи мой сторож и если я попытаюсь сделать хотя бы одно движение, чтобы удрать, он схватит меня за ногу.

Я уселся на краю дороги, обсаженной дерном. Капи улегся рядом.

Внизу расстиралась долина, по которой мы только что шли. А еще дальше одиноко стоял тот домик, где протекло мое детство. Его нетрудно было отыскать среди деревьев, потому что в это время небольшая струйка дыма выходила из трубы и поднималась вверх, почти достигая нас. Мне показалось, что с этим дымом до меня донесся запах сухих дубовых листьев, что я сижу у нашего очага, на маленькой скамеечке, а ветер, забравшись в печную трубу, выбивает дым мне прямо в лицо. Несмотря на далекое расстояние и большую высоту, все предметы, хотя и в уменьшенном виде, были отчетливо видны. Единственная курица, которая у нас еще осталась, ходила взад и вперед по навозной куче. Отсюда ее можно было принять за маленькую птичку. За углом дома я видел грушевое дерево с искривленным стволом, на котором я любил кататься верхом. Дальше, рядом с ручьем, протекавшим светлой ленточкой по зеленой траве, находился мой отводной канал. Я выкопал его с огромным трудом, для того чтобы приводить в движение колесо мельницы, которую я сам сделал. Колесо это, увы, ни разу не повернулось, несмотря на все мои старания. Все там было по-прежнему, все находилось на своих обычных местах: и тачка, и плуг, сделанный из кривого сучка, и ящик, где я растил кроликов, и садик, мой дорогой садик...

Кто увидит, как зацветут мои милые цветочки? Кто будет ухаживать за моими земляными грушами? Конечно, Барберен, противный и злой Барберен.

Один только шаг – и все исчезнет навсегда...

Вдруг на дороге, ведущей от деревни к дому, я заметил белый чепчик. Он исчез за деревьями, потом быстро появился снова. На таком далеком расстоянии я мог различить только белый чепчик, который, подобно светлой весенней бабочке, мелькал среди ветвей. Но в иные моменты сердце видит лучше и дальше, чем самые зоркие глаза. Я узнал матушку Барберен. Это она, я был в этом уверен, я это чувствовал.

– Ну что, – спросил меня Виталис, – идем дальше?

– Подождем еще, прошу вас!

– Значит, мне сказали неправду, и ноги у тебя слабые. Ты уже устал. Это сулит нам мало хорошего.

Но я ничего не ответил, а все глядел и глядел.

Да, это была матушка Барберен: ее чепчик, ее синяя юбка.

Она быстро шла, словно торопилась как можно скорее вернуться домой. Подойдя к калитке, она толкнула ее и быстро вошла во двор.

Я тотчас же вскочил, забыв о Капи, который прыгал вокруг меня.

Матушка Барберен недолго оставалась в доме. Она тотчас же вышла оттуда и принялась бегать по двору взад и вперед, протягивая руки. Несомненно, она искала меня.

Я рванулся вперед и громко закричал:

– Мама! Мама!

Но мой крик не долетал до нее и не мог заглушить журчанье ручья.

– Что с тобой! Ты сошел с ума? – спросил меня Виталис.

Я молчал, не отрывая глаз от матушки Барберен. Но она не знала, что я нахожусь так близко от нее, и не думала о том, что ей следует только взглянуть наверх, чтобы увидеть меня. Она пробежала через двор, вернулась на дорогу и стала повсюду искать меня. Я закричал еще сильнее, но и на этот раз безуспешно.

Тогда Виталис понял, в чем дело, и подошел ко мне. Он сразу заметил белый чепчик.

– Бедный малыш! – пробормотал он вполголоса.

– Умоляю вас, позвольте мне вернуться! – закричал я, ободренный его словами.

Но он взял меня за руку и заставил спуститься на дорогу:

– Ты уже отдохнул. Идем!

Я хотел вырваться, но он крепко держал меня. – Капи, Зербино! – позвал Виталис.

Собаки окружили меня. Пришлось следовать за Виталисом.

Пройдя несколько шагов, я обернулся, но мы уже перевалили через вершину горы, и я не увидел больше ни нашей долины, ни нашего домика. Одни голубоватые холмы, казалось, поднимались до самого неба.

ГЛАВА V. В ДОРОГЕ

На вершине горы, которая разделяет бассейны рек Лауры и Дордони, Виталис взял меня за руку, и мы тотчас же начали спускаться по склону, обращенному на юг. Только после того как мы прошли около четверти часа, Виталис выпустил мою руку.

– Теперь иди тихонько возле меня и помни, что если ты вздумаешь бежать, Капи и Зербино мигом тебя схватят. А зубы у них очень острые.

Бежать! Я прекрасно понимал, что бежать невозможно и, следовательно, не стоит даже пытаться. В ответ я тяжело вздохнул.

– Тебе очень грустно, – продолжал Виталис, – я вполне это понимаю. Если хочешь, можешь поплакать. Но постарайся понять одно, то, что произошло, не является для тебя несчастьем. Что тебя ожидало? Вероятно, ты бы попал в приют. Люди, воспитавшие тебя, – не твои родители. Мать, как ты мне сказал, была к тебе очень добра. Ты любишь ее, тебе тяжело с ней расставаться, все это так, но подумай, разве она могла оставить тебя против воли мужа? С другой стороны, муж ее, может быть, вовсе не такой плохой, как ты о нем думаешь. Ему не на что жить, он калека, работать не может и вполне справедливо рассуждает, что нельзя же ему умирать с голоду для того, чтобы тебя кормить. Пойми, мой мальчик: жизнь – тяжелая борьба и не всегда приходится поступать так, как хочется.

Без сомнения, это были мудрые слова, во всяком случае, – слова человека, имевшего житейский опыт. Но в настоящий момент я чувствовал такое сильное горе, что никакие слова не могли меня утешить.

Я никогда больше не увижу ту, которая меня растила, ласкала, ту, которую я любил, как родную мать. При этой мысли у меня сжималось горло и я задыхался от слез. Тем не менее, идя рядом с Виталисом, я невольно думал о том, что он мне только что сказал. Конечно, он был прав, Барберен мне не отец, и у него нет оснований терпеть нужду ради меня. Он добровольно приютил меня, хотел воспитать. Если теперь он от меня отделался, то только потому, что не имел средств меня содержать. И я всегда должен с благодарностью вспоминать о годах, проведенных в его доме.

– Хорошенько подумай о том, что я тебе говорил, малыш, – закончил Виталис. – Тебе не будет плохо со мной.

После довольно крутого спуска мы очутились на большой равнине. Нигде ни домика, ни деревца – всюду ровная поверхность, покрытая рыжеватым вереском и то там, то сям заросшая диким терновником, колыхавшимся от ветра.

Долго мы шли по этой пустынной и печальной дороге.

Кругом ничего не было видно, кроме холмов с голыми вершинами.

Я совсем иначе представлял себе путешествия. И то, что я видел теперь, нисколько не походило на те чудесные страны, которые я рисовал себе в моем детском воображении.

Виталис шел большими ровными шагами и нес Душку на плече или в мешке, а собаки бежали мелкой рысью возле него.

По временам Виталис ласково обращался к ним иногда на французском, а иногда на каком-то непонятном мне языке. Ни он, ни собаки, по-видимому, совсем не устали. Не то было со мной: физическая усталость и нравственное потрясение довели меня до полного изнеможения. Я едва волочил ноги и с трудом брел за моим хозяином. Однако я не смел просить его остановиться.

– Ты, вероятно, сильно устал от своих сабо,⁴ – сказал он. – В Юсселе я куплю тебе

⁴ Сабо – башмаки на деревянной подошве или целиком сделанные из дерева, которые носили обычно во Франции крестьяне.

башмаки.

Слова эти меня ободрили. Я давно мечтал иметь настоящие башмаки. В нашей деревне только сыновья мэра и хозяина харчевни носили башмаки.

– А далеко еще до Юсселя?

– Тебе, наверно, очень хочется иметь башмаки, – засмеялся Виталис. Хорошо, я куплю тебе башмаки на гвоздях, кроме того, куплю бархатные штаны, куртку и шляпу. Надеюсь, что это подбодрит тебя и поможет пройти те несколько километров, которые нам остались.

Какой добрый человек мой хозяин! Разве бы злой обратил внимание на то, что меня утомляют тяжелые сабо?

Башмаки, башмаки на гвоздях! Бархатные штаны, куртка, шляпа! Ах, если б матушка Барберен увидела меня, как бы она была счастлива, как гордилась бы мною... Как жаль, что до Юсселя еще так далеко!

Несмотря на обещанные мне башмаки и бархатные штаны, я чувствовал, что не в силах больше идти.

К счастью, мне на помощь пришла погода. Небо, бывшее с утра ясным, к вечеру покрылось серыми тучами, и вскоре начался мелкий дождь, который не прекращался.

Виталис был хорошо защищен от дождя своей овчиной, так же как и Душка, который при первых каплях дождя проворно спрятался к нему на грудь. Но собакам и мне нечем было покрыться, и мы вскоре промокли до костей. Я совсем закованел от холода.

– Ты легко простужаешься? – спросил меня хозяин.

– Не знаю. Я не помню, чтобы когда-нибудь был болен.

– Отлично, отлично. Положительно, в тебе есть кое-что хорошее. Однако я не хочу напрасно рисковать твоим здоровьем. Вон видна деревня, там мы и переночуем.

Но в этой деревне не оказалось харчевни, и никто не хотел принять к себе бродягу, за которым тащились еще ребенок и три собаки, с головы до ног покрытые грязью.

«Здесь нельзя ночевать», – говорили нам и перед самым носом запирали дверь.

Что было делать? Идти в Юссель, до которого оставалось еще несколько километров? Ночь надвигалась, холодный дождь пронизывал нас, и я чувствовал, что мои ноги стали как деревянные.

Наконец один крестьянин, более сострадательный, чем его соседи, согласился пустить нас в сарай. Но он взял с нас слово, что мы не будем зажигать огня.

– Отдайте мне спички, – обратился он к Виталису. – Завтра утром, когда вы будете уходить, я их вам верну.

Мы охотно согласились, так как были счастливы уже тем, что нашли кров и не мокли больше под дождем. Виталис, как человек предусмотрительный, никогда не пускался в путь без запаса провизии. В его солдатском мешке, который он нес за плечами, хранилась большая краюха хлеба, этот хлеб он разделил на четыре части. Тут я впервые увидел, каким образом поддерживал он дисциплину и послушание в своей труппе.

Пока мы ходили по деревне в поисках убежища, Зербино вбежал в один дом и быстро выскочил оттуда с куском хлеба в зубах, Виталис сказал ему только: «До вечера, Зербино».

Я уже забыл об этой краже: но когда хозяин стал делить хлеб я увидел, что Зербино поджал хвост и съежился.

Мы сидели на двух охапках сена, Виталис и я рядом, Душка – посередине. Собаки лежали перед нами: Капи и Дольче – устремив глаза на своего хозяина, а Зербино – с опущенным хвостом и насторожившись. – Пусть вор уйдет отсюда и отправится в угол, – строго произнес Виталис. – Он ляжет сегодня без ужина.

Тотчас же Зербино покинул свое место и пополз в указанный ему угол. Он весь зарылся в сено, так что мы его не видели, а только слышали его жалобные вздохи и слабое тьяканье.

Наказав Зербино, Виталис протянул мне кусок хлеба, а другой взял себе. Порции, предназначенные для Душки; Капи и Дольче, он разломил на маленькие кусочки.

Хотя за последнее время у матушки Барберен я был мало избалован едой, перемена, происшедшая в моей жизни, была весьма ощутительной.

Каким вкусным казался мне теперь горячий суп, который варила по вечерам матушка Барберен, даже когда она варила его без масла! Как приятно сидеть в уголке у печки! Какое наслаждение лечь в постель и укрыться одеялом до самого носа!

Но, увы! Об этом не могло быть и речи. Хорошо еще, что у нас было сено. Разбитый усталостью, с ногами, натертыми сабо, я дрожал от холода в своей насквозь промокшей одежде.

Было уже очень поздно, а я все еще не мог уснуть.

– Ты дрожишь. Тебе, верно, холодно? – спросил меня Виталис.

– Немного.

Я слышал, как он развязал мешок.

– У меня нет большого запаса белья и одежды, – сказал он, – но вот тебе сухая рубашка и жилет. Сними все мокрое и надень их. Затем заройся в сено, постарайся согреться и уснуть.

Но мне все-таки было страшно холодно, и я долго ворочался с боку на бок. Я был так огорчен и несчастлив, что не мог спать. Неужели теперь всегда мне придется идти без отдыха под дождем, ночевать в сарае, дрожать от холода, получать на ужин сухую корку хлеба и не иметь никого, кто бы любил меня и жалел? Милая моя, дорогая матушка!

Я предавался этим печальным мыслям, и слезы неудержимо текли из моих глаз. Вдруг я почувствовал на своем лице теплое дыхание.

Протянув руку, я нащупал пушистую шерсть. Это был Капи. Осторожно пробираясь по сену, он тихонько подполз ко мне и обнюхал меня. Затем Капи улегся рядом со мной и принялся нежно лизать мою руку. Растроганный этой лаской, я немного приподнялся и поцеловал его в холодный нос. В ответ он слабо твякнул.

Я забыл про усталость и горе. Слезы перестали душить меня, и я свободно вздохнул. Теперь я не чувствовал себя одиноким – у меня появился друг.

ГЛАВА VI. МОЕ ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

На следующий день мы пустились в путь очень рано. Дождь перестал, небо было ясное, благодаря ветру, который дул ночью, грязь почти высохла. Птички весело щебетали в придорожных кустах, и собаки резвились вокруг нас. Время от времени Капи становился на задние лапы и, лаял мне в лицо. Я очень хорошо понимал значение этого лая. «Не падай духом, смелее!» – казалось, говорил он мне.

Я еще нигде не бывал, кроме нашей деревушки, и потому мне очень хотелось посмотреть на настоящий город. Но должен признаться, что Юссель не произвел на меня большого впечатления. Его старинные дома с башенками, представляющие, без сомнения, ценность для археологов, оставили меня совершенно равнодушным. По правде сказать, я меньше всего интересовался красотой этих домов. Я думал только об одном: о кожаных башмаках, обещанных мне Виталисом, Наступал час, когда я должен был их надеть. Где находится эта чудесная лавка, в которой они продаются? Я искал ее глазами, а все остальное: башенки, арки, колонны ничуть не занимало меня.

Поэтому единственное, что запомнилось мне в Юсселе, была темная, закопченная лавка, расположенная возле рынка. На витрине ее были выставлены старые ружья, какая-то одежда с серебряными эполетами, обшитая по швам галуном, множество ламп и старых железных изделия, главным образом замков и ржавых ключей. Спустившись на три ступеньки вниз, мы попали в большую комнату, куда, по-видимому, никогда не проникал дневной свет.

Как могла такая чудесная вещь, как башмаки, продаваться в этом ужасном месте?

Однако Виталис знал, что делал. Очень скоро я уже был обут в башмаки на гвоздях, которые были по крайней мере раз в десять тяжелее моих сабо. Щедрость Виталиса этим не ограничилась. Кроме башмаков, он купил мне синюю бархатную курточку, шерстяные

штаны и фетровую шляпу – словом, все то, что обещал.

Я одет в бархат: я, который никогда не носил ничего, кроме холста! У меня есть башмаки, шляпа! До сих пор у меня на голове никогда ничего не было, кроме собственных волос. Положительно Виталис – самый лучший человек на свете, самый щедрый и самый богатый.

Правда, бархат куртки был сильно помят, а штаны потертые; очень трудно было также определить первоначальный цвет фетра, настолько он выгорел от дождя и пыли, – но я был так ослеплен всем этим великолепием, что не замечал никаких недостатков.

Мне не терпелось поскорее надеть на себя эту красивую одежду, но Виталис сначала занялся ее переделкой, что меня крайне огорчило.

Вернувшись в харчевню, он достал из своего мешка ножницы и обрезал штаны до колен. Так как я растерянно глядел на него, он сказал:

– Кто мы такие? Артисты, не так ли! Комедианты, которые одним своим видом должны вызывать интерес. Если мы будем одеты как обычные горожане или крестьяне, на нас никто не обратит внимания.

Вот почему из француза, каким я был утром, к вечеру я сделался итальянцем.

Виталис обрезал мои штаны до колен, а чулки перевязал крест-накрест красными лентами. Фетровую шляпу он тоже украсил различными лентами и прикрепил к ней букетик шерстяных цветов.

Не знаю, какого мнения были обо мне окружающие, но должен признаться, что сам себе я страшно нравился. Капи, по-видимому, вполне одобрил мой новый костюм, потому что, оглядев меня, протянул мне лапу. Зато Душка все время, пока я переодевался, стоял передо мной и всячески передразнивал меня.

– Теперь примемся за работу, – обратился ко мне Виталис. – Завтра базарный день, и я намерен устроить большое представление, в котором ты будешь участвовать. Сейчас мы прорепетируем твою роль.

По моему удивленному взгляду он увидел, что я его не понял.

– Под ролью я подразумеваю то, что тебе придется делать во время нашего представления. Я взял тебя с собою не ради твоего развлечения, для этого я недостаточно богат. Ты должен работать. Твоя работа будет состоять в том, что ты будешь участвовать в комедии вместе с Душкой и собаками.

– Но я не умею играть! – испуганно воскликнул я.

– Вот потому-то я и должен тебя научить. Ты прекрасно понимаешь, что Капи не мог сам научиться ходить на задних лапах, а Дольче не ради своего удовольствия прыгает через веревку. Прежде чем Капи стал ходить на задних лапах, а Дольче – прыгать через веревку, им пришлось много и долго учиться. Вот теперь и тебе придется работать, чтобы выучить те различные роли, которые ты будешь исполнять вместе с ними. Итак, начинаем!

Я был поражен. До сих пор я думал, что работать это значит копать землю, рубить деревья, тесать камень; другой работы я не мог себе представить.

– Пьеса, которую мы будем играть, называется «Слуга генерала Душки» Вот ее содержание: генерал Душка до сегодняшнего дня имел слугу Капи, которым был очень доволен. Но Капи стал стар, и генерал пожелал нанять нового слугу. Капи нашел ему деревенского мальчика, по имени Реми.

– Его зовут так же, как меня?

– Да это ты и есть. Ты прибыл из деревни для того, чтобы сделаться слугой генерала Душки.

– У обезьян не бывает слуг.

– В комедиях они бывают. Ты являешься к генералу, и он находит, что у тебя глупый вид.

– Мне это совсем не нравится!

– Не все ли тебе равно, если это делается ради смеха! Представь себе, что ты на самом деле приходишь к хозяину, чтобы наняться слугой, и что тебе приказывают, например,

накрыть на стол. Вот стол, который будет служить нам во время представления. Подойди к нему и накрой его к обеду.

На столе находились тарелки, стакан, нож, вилка и белая салфетка. Как же все это нужно разложить? Задав себе этот вопрос, я остановился на месте, вытянув вперед руки и раскрыв рот, не зная с чего начать.

Мой хозяин захолопал в ладоши и громко расхохотался:

– Bravo, bravo, превосходно! Ты просто бесподобен. Мальчик, который у меня был до тебя, корчил хитрую мину и всем своим видом говорил: «Сейчас вы увидите, как я здорово изображу дурака». Ты ничего не хочешь изобразить, остаешься самим собой, и твоя наивность восхитительна.

– Я просто не знаю, что мне делать. – Этим-то ты и хорош. Завтра или через несколько дней ты прекрасно будешь знать, что делать. Тогда тебе уже придется припоминать то замешательство, которое ты испытываешь теперь, и изображать то, чего ты больше не чувствуешь. Если ты сможешь по своему желанию принимать это выражение лица и эту позу, я предсказываю тебе большой успех. Кого ты изображаешь в моей комедии? Молодого крестьянина, который ничего в жизни не видел и нигде не бывал. Ты нанимаешься к обезьяне, и, оказывается, ты меньше знаешь и умеешь, чем она. Твоя роль заключается в том, что ты должен быть глупее Душки. Чтобы хорошо сыграть эту роль, тебе надо оставаться таким, каков ты сейчас.

«Слуга генерала Душки» была небольшая комедия, представление которой продолжалось не больше двадцати минут. Репетиция же наша длилась около трех часов, так как Виталис заставлял меня и собак по нескольку раз начинать все сначала. Я был крайне удивлен терпением и кротостью нашего хозяина. Виталис в продолжение всей длинной репетиции не только ни разу не вышел из себя, но даже ни разу не выругался.

– Начнем сначала, – строго говорил он, если то, что он требовал, не выполнялось. – Капи, это плохо! Душка, ты невнимателен, я на тебя рассержусь.

Это было все, и этого было достаточно.

– Ну, как ты думаешь, сможешь ты участвовать в представлении? – спросил он меня после окончания репетиции.

– Не знаю.

– Тебе не надоело?

– Нет, мне очень понравилось.

– Значит, все в порядке. У тебя есть смекалка, а что еще более ценно, ты внимателен. Если ты будешь и впредь внимателен и послушен, ты многого достигнешь. Посмотри на собак и сравни их с Душкой. У Душки больше ума и живости, но у него нет послушания. Он легко заучивает все, что ему показывают, но тотчас же все и забывает. К тому же он часто неохотно выполняет то, что от него требуют. Он с удовольствием бы не послушался и всегда любит делать наперекор. Таков его характер, и потому я на него не сержусь. Будь внимателен, мой мальчик, будь послушен. Исполняй добросовестно свои обязанности. В жизни это залог успеха!

Тогда я осмелился сказать ему, что во время репетиции меня сильно поразило его безграничное терпение.

В ответ он кротко улыбнулся:

– Очевидно, ты до сих пор жил среди людей, которые жестоко обращались с животными.

– Нет, матушка Барберен была очень ласкова с нашей коровой Рыжухой, заметил я.

– Из твоих слов видно, что матушка Барберен очень хорошая женщина. Она понимала, что грубостью от животных ничего не добьешься. Я многому научил своих животных только потому, что никогда не сердился на них. Если бы я стал их бить, они сделались бы пугливыми, а страх парализует ум. Кроме того, если бы я раздражался, то не был бы таким терпеливым, как сейчас, потому что, воспитывая других, воспитываешь самого себя. Мои собаки дали мне не меньше уроков, нежели я им. Я развил их ум, а они – мой характер.

Это показалось мне настолько странным, что я засмеялся.

– Тебе кажется смешным, что собака может чему-то научить человека? Тем не менее это так. Представь себе, что я, обучая Капи, начал бы злиться и раздражаться. Капи тоже бы стал злым и бешеным, то есть, подражая мне, он испортился бы. У сдержанного и ласкового хозяина собака всегда воспитанная и ласковая.

Мои новые друзья – собаки и обезьяна – привыкли к выступлениям перед зрителями и потому могли не бояться завтрашнего дня. Им предстояло делать то, что они проделывали уже много раз, тогда как я выступал впервые. Поэтому я сильно волновался, когда на следующий день утром мы шли на городскую площадь, где должно было состояться наше представление.

Виталис открывал шествие. Высоко подняв голову и выпрямив грудь, он играл на флейте, отбивая такт ногами. За ним бежал Капи, на спине которого с независимым видом сидел Душка, одетый в костюм английского генерала; на нем были сюртук и штаны красного цвета, обшитые золотым галуном, и шляпа, украшенная огромным пером. На расстоянии нескольких шагов от него бежали рядом Зербино и Дольче. Я шел позади всех. Таким образом наше шествие растянулось по улице.

Жители Юсселя подходили к дверям, чтобы посмотреть на нас; занавески во всех окнах быстро приподнимались. Ребятишки бежали за нами, удивленные горожане присоединялись к ним, и когда мы пришли на площадь, сзади и вокруг нас образовалась целая толпа. Мы очень быстро соорудили сцену. Обмотав веревкой четыре дерева, мы отгородили четырехугольник, в середине которого и поместились.

В первой части нашего представления мы показывали различные фокусы, проделываемые собаками. В чем они состояли, я бы не мог теперь сказать, так как был занят повторением своей роли и слишком взволнован предстоящим выступлением. Припоминаю только то, что Виталис сменил флейту на скрипку и на ней аккомпанировал собакам, наигрывая то танцы, то какие-то нежные, тихие мелодии. Толпа зрителей все увеличивалась, и я видел множество блестящих глаз, устремленных на меня.

Когда первая половина представления окончилась, Капи взял в зубы деревянную чашечку и, встав на задние лапки, начал обходить «почтенную публику». Если кто-нибудь не бросал в чашку монеты, Капи останавливался, относил чашку в сторону, а затем клал свои передние лапы на скупого зрителя и несколько раз ударял его лапой по карману. Тогда среди присутствующих раздавались крики, веселые замечания и насмешки:

- Хитрый пудель! Знает, у кого карманы полны.
 - Ну-ка, раскошеливайся!
 - Ни за что не даст!
 - Не бойся, покроешь убыток из дядюшкиного наследства!
- И монеты в конце концов все-таки сыпались в чашечку.

Виталис в это время молча следил глазами за сбором, наигрывая на скрипке веселые мелодии.

Скоро Капи вернулся к хозяину, гордо неся в зубах полную чашечку.

Настала пора мне и Душке появиться на сцене.

– Уважаемая публика, – обратился к зрителям Виталис, – продолжаем наше представление. Сейчас вы увидите интересную комедию под названием «Слуга генерала Душки». Я не такой человек, чтобы заранее хвалить свою пьесу и своих актеров. Скажу вам только одно: слушайте во все уши, раскрывайте пошире глаза, готовьте руки для аплодисментов.

То, что он называл «интересной комедией», в сущности являлось пантомимой.⁵ Иначе и не могло быть по той простой причине, что два главных актера, Душка и Капи, совсем не умели говорить, а третий, то есть я, был не в состоянии вымолвить и двух слов. Но чтобы

⁵ Пантомима – представление, в котором действующие лица объясняются не словами, а жестами и мимикой.

сделать игру актеров понятной, Виталис сопровождал пьесу объяснениями. Так, тихо наигрывая военный марш, он объявил о выходе английского генерала Душки, получившего чины и нажившего состояние во время войны с Индией. До сегодняшнего дня генерал Душка имел только одного слугу – Капи, но теперь он захотел иметь у себя в услужении человека. Животные слишком долго были рабами людей – отныне пусть будет наоборот. В ожидании прихода слуги генерал прогуливался взад и вперед, куря сигару. Надо было видеть, как он пускал дым в лицо зрителям!

Но вот генерал потерял терпение, он начал гневно вращать глазами, кусать губы и топтать ногами. В этот момент на сцене появился я в сопровождении Капи. Если бы я забыл о выходе, Капи напомнил бы мне о нем. Он протянул мне лапку и подвел меня к генералу. Генерал, увидев меня, огорченно всплеснул руками. Как! Это тот слуга, которого ему предлагают? Поглядев мне прямо в лицо, он обошел вокруг меня, пожимая плечами. Его мордочка была настолько забавна, что зрители разразились громким хохотом. Все поняли, что генерал счел меня сущим дураком, и таково же было впечатление зрителей.

Пьеса была именно так построена, чтобы подчеркнуть мою глупость со всех сторон. В каждой сцене я должен был совершать новую нелепость, тогда как Душка, наоборот, выказывал свой ум и ловкость.

После долгого осмотра генерал приказал мне накрыть стол к завтраку.

– Генерал думает, что после того как мальчик поест, он станет умнее, объяснил Виталис. – Посмотрим!

Я сел за небольшой столик перед накрытым прибором с салфеткой, лежащей на тарелке.

Что делать с салфеткой? Я этого не знал и решил в нее высморкаться.

Генерал покатился со смеху, а Капи опрокинулся на спину, подняв лапы вверх, как бы сраженный моей глупостью. Видя свою оплошность, я снова принялся за салфетку. Тут мне пришла в голову мысль: я повязал салфетку на шею как галстук. Опять смех генерала, снова возмущение Капи. В таком роде продолжалось и дальше; наконец генерал, выведенный из терпения, столкнул меня со стула, сам сел на мое место и съел завтрак, предназначавшийся мне.

Ах, как ловко умел пользоваться салфеткой этот генерал! С каким изяществом заткнул он ее за петлицу своего мундира и разложил на коленях. Как красиво ломал хлеб и пил из стакана. Но он вызвал настоящую бурю восторга, когда после завтрака попросил зубочистку и стал чистить ею зубы.

Аплодисменты загремели со всех сторон, и представление закончилось полным триумфом. Как умна обезьяна и как глуп слуга!

Возвращаясь обратно в харчевню, Виталис именно так и сказал, но я уже настолько чувствовал себя актером, что счел это за похвалу.

ГЛАВА VII. Я УЧУСЬ ЧИТАТЬ

Хотя артисты труппы синьора Виталиса были очень талантливы, но репертуар их был весьма однообразен, и после трех-четырех представлений приходилось повторять все снова. Поэтому мы были вынуждены постоянно переходить с места на место.

Пробыв в Юсселе три дня, мы снова отправились в путь.

– Куда мы пойдем? – Я уже настолько освоился с Виталисом, что мог задать ему подобный вопрос.

– Ты разве знаешь страну? – спросил он. – Нет.

– Тогда почему же ты меня спрашиваешь – куда?

– Ну, а вы? Вы знаете эти края?

– Я тоже никогда здесь не был.

– Однако вы знаете, куда мы идем. Виталис внимательно посмотрел на меня:

– Ты, по-видимому, не умеешь читать?

– Не умею.

– А ты знаешь, что такое книга?

– Да.

– В книге, которую я тебе покажу, когда мы сядем отдыхать, есть названия и описания тех мест и стран, где мы будем проходить. Люди, побывавшие или жившие в этих местах, написали в книге то, что они видели и знали о них. Поэтому мне стоит только открыть книгу и прочесть ее, чтобы все узнать. Я могу представить себе эти места так же хорошо, как если бы видел их собственными глазами.

Я рос дикарем, и слова Виталиса были для меня настоящим откровением. Хотя я и посещал школу, но мое ученье продолжалось всего один месяц. За этот месяц я ни разу не держал в руках книги, меня ничему не учили: ни читать, ни писать.

То, что я говорю, может показаться невероятным. Однако в то время, о котором я рассказываю, во многих деревнях Франции вовсе не было школ. А там, где они имелись, нередко встречались учителя, которые по той или иной причине ничему не учили детей. Они только присматривали за ними, считая это своей главной обязанностью. Так происходило и в нашей деревенской школе. Знал ли наш учитель сам что-нибудь? Вероятно, знал, я не хочу обвинять его в невежестве. Только за время моего пребывания в школе он не дал ни мне, ни моим товарищам ни одного урока. По профессии он был сапожник. С утра до вечера он изготавливал деревянные башмаки и работал так усердно, что вокруг него грудями лежали стружки букового и орехового Дерева. Мы разговаривали только о погоде и о наших домашних делах. О чтении или арифметике не было и помину. Обучать нас этим предметам он поручил своей дочери-портнихе. Та поступала точно так же, как ее отец. В то время как тот усердно работал рубанком, она не менее усердно работала иглой.

Нас, учеников, было двенадцать человек, за каждого из нас платили по 50 сантимов, что составляло в месяц шесть франков. Прожить на эти гроши двоим было невозможно. То, чего не могла дать школа, приходилось возмещать шитьем платьев и изготовлением сабо. Неудивительно, что я ничему не научился в школе, даже не знал букв.

– А очень трудно выучиться читать? – спросил я у Виталиса после долгого размышления.

– Для того, у кого нет способностей и желания учиться, конечно, трудно. А ты понятлив?

– Не знаю, но думаю, что если вы станете меня учить, я буду учиться с охотой.

– Посмотрим! У нас много времени впереди. «Много времени!» А почему не начать сейчас же? Мне казалось, что стоит только открыть книгу – и уже можно прочесть, что в ней написано.

На следующий день, во время пути, Виталис наклонился и поднял лежавший на дороге запыленный кусок доски.

– Вот книга, по которой ты будешь учиться читать, – объявил он мне.

Эта доска – книга? Я взглянул на него, думая, что он шутит. Но Виталис, по-видимому, говорил совершенно серьезно, и я внимательно посмотрел на его находку. Это действительно была доска, обыкновенная гладкая доска из букового дерева длиной с человеческую руку, шириной в две ладони. На ней не было ничего: ни надписи, ни рисунка.

– Вы смеетесь надо мною?

– Ничуть, мой мальчик. Насмеяться над человеком, который чего-нибудь не знает, нехорошо и глупо. Подожди, пока мы не дойдем до тех деревьев. Там мы сядем отдыхать, и ты увидишь, как я буду учить тебя читать при помощи этого кусочка дерева.

Мы скоро пришли к указанному месту и, положив на землю мешки, уселись на зеленую траву, в которой там и сям уже цвели маргаритки. Душку отвязали; он проворно взобрался на одно из деревьев и принялся трясти ветки, как бы стряхивая с них орехи. Собаки спокойно улеглись рядом с нами.

Тогда Виталис достал перочинный нож и вырезал из доски небольшую тонкую пластинку. Затем, обстругав пластинку с обеих сторон, он разрезал ее на маленькие

четыреугольники. Получилось двенадцать одинаковых плоских кусочков.

Я очень внимательно следил за ним, но, сознаюсь, не мог понять, как он делает книгу из этих маленьких кусочков дерева. Несмотря на мое невежество, я все же знал, что книга состоит из какого-то количества листов бумаги, на которых напечатаны черные знаки. А где же листы? Где эти черные знаки?

– На каждой стороне этих деревянных кусочков я вырежу завтра одну из букв алфавита, – сказал Виталис. – Таким образом ты научишься различать буквы. А когда будешь безошибочно узнавать их, ты сможешь составлять слова. Научившись составлять слова, ты сумеешь читать и книги.

Мои карманы были полны теперь маленькими деревянными кусочками, и скоро я знал все буквы алфавита.

Но научиться читать было не так просто, и я не раз пожалел о том, что захотел учиться.

Прошло немало времени, прежде чем я смог читать по книге.

– Теперь ты умеешь читать, – сказал Виталис. – А хочешь научиться играть по нотам?

– Если я буду знать ноты, то смогу петь, как вы? Виталис иногда пел. Он и не предполагал, что я с огромным наслаждением слушаю его пение.

– Ты хочешь петь так, как я?

– Конечно, не так – я прекрасно знаю, что это невозможно. Но я хочу научиться петь.

– Тебе нравится мое пение?

– Очень. Соловей поет чудесно, но, по-моему, вы поете лучше. Слушая вас, я могу плакать, смеяться. А когда вы поете что-нибудь грустное или нежное, я вспоминаю свою дорогую мамушку и вижу ее в нашем домике, хотя и не понимаю слов, потому что вы поете по-итальянски.

Я посмотрел на него и увидел, что глаза его полны слез. Тогда я спросил, не огорчили ли его мои слова?

– Нет, дорогой, – ответил он растроганным голосом, – ты не огорчаешь меня. Напротив, ты напоминаешь мне о моей юности, о прошедшем хорошем времени. Будь спокоен, я научу тебя петь, а так как у тебя доброе сердце, ты тоже будешь заставлять людей плакать и радоваться, вот увидишь...

Он внезапно остановился, и я понял, что он не хочет больше говорить на эту тему. Почему? На этот вопрос я не мог найти ответа. Много позднее я узнал о причинах, заставлявших его молчать.

На следующий день Виталис сделал мне ноты так же, как он сделал азбуку, то есть вырезал их на маленьких деревянных квадратиках.

Разлиновав каждый квадратик на пять параллельных линеек, он вырезал на одной стороне скрипичный ключ, а на другой басовый.

Когда все было готово, начались уроки, и я должен сознаться, что они оказались еще труднее, чем уроки грамоты. Не раз Виталис, всегда такой терпеливый с животными, приходил от меня в отчаяние.

– С животными я сдерживаюсь, потому что знаю, что это только животные, но ты способен уморить меня! – И, подняв руки к небу, он затем с силой хлопал себя по ляжкам.

Душка, любивший передразнивать все, что ему казалось забавным, перенял этот жест, а так как он почти всегда присутствовал на моих уроках, то стоило мне запнуться, как он немедленно поднимал руки к небу и хлопал себя по ляжкам, подражая Виталису.

– Даже Душка смеется над тобой! – восклицал Виталис.

Если бы я посмел, я бы возразил ему, что Душка смеется не только над учеником, но и над учителем. К счастью, какое-то смутное опасение и уважение к учителю удерживали меня от подобного замечания.

Наконец первые трудности были преодолены, и я смог пропеть сольфеджио,⁶

⁶ Сольфеджио – певческие упражнения для приобретения навыка читать ноты и для обработки голоса.

написанное Виталисом на листке бумаги.

В этот день он не хлопал себя руками по ляжкам, но, ласково потрепав меня по щеке, объявил, что если я буду так стараться и дальше, то сделаюсь хорошим певцом.

Понятно, что наши уроки продолжались не один день. В течение многих недель и даже месяцев мои карманы были набиты маленькими деревянными квадратиками. К тому же Виталис мог заниматься со мной только в часы досуга. Много времени уходило на переходы; они были длиннее или короче в зависимости от того, как далеко отстояли друг от друга деревни. Нам нужно было давать представления там, где мы рассчитывали на хороший сбор; репетировать роли с собаками и Душкой; готовить себе еду, и только после всех этих дел можно было думать о чтении или музыке. Чаще всего наши занятия происходили во время привала, у подножия дерева или на куче камней. Обычно я раскладывал свои кусочки дерева прямо на траве или на дороге.

И все же я многому научился. Кроме того, я привык делать большие переходы, что было для меня не менее полезно, чем уроки Виталиса. Пока я жил у матушки Барберен, я был довольно слабым ребенком. Но от бродячей жизни и постоянного пребывания на воздухе мои руки и ноги окрепли, легкие развились, кожа огрубела, и я легко переносил холод и жару, солнце и дождь, лишения и усталость. Такая закалка помогла мне противостоять жестоким ударам судьбы, которые неоднократно обрушивались на меня в продолжение всей моей юности.

ГЛАВА VIII. СУД

Однажды вечером мы пришли в город, расположенный на берегу реки. Его дома, большей частью довольно некрасивые, были выстроены из красного кирпича, а улицы вымощены маленькими острыми булыжниками, мало приятными для ног усталых путешественников. Виталис сказал мне, что город этот называется Тулуза, и что проживем мы здесь долго.

Как обычно, мы прежде всего позаботились о том, чтобы найти подходящие места для наших представлений. Их оказалось достаточно, в особенности в той части города, которая находится по соседству с Ботаническим садом. Там есть красивая лужайка, окруженная большими деревьями, и на эту лужайку выходит много бульваров. На одном из таких бульваров мы и расположились. Первое же представление собрало много зрителей.

К несчастью, стоявший на посту полицейский с явным неудовольствием встретил наше появление. Оттого ли, что он не любил собак, оттого ли, что мы нарушили порядок в его участке, но он приказал нам немедленно уйти отсюда.

Было бы, конечно, гораздо разумнее не связываться с полицейским и уступить ему. Однако Виталис, несмотря на свое скромное положение, был очень горд. Кроме того, он считал, что в его поступках нет ничего противозаконного, и потому отказался повиноваться полицейскому.

Когда Виталис хотел сдержать свой гнев, он обращался с людьми с преувеличенной вежливостью.

– Может ли глубокоуважаемый представитель власти указать мне правило, запрещающее таким жалким комедиантам, как мы, заниматься своим ремеслом в общественном месте? – спросил Виталис, с низким поклоном снимая шляпу.

Полицейский ответил, что Виталис обязан его слушаться, а не рассуждать.

– Безусловно. И я обещаю подчиниться вашему приказанию немедленно, как только вы укажете, на основании каких постановлений вы его отдаете.

В этот день полицейский повернулся и ушел, а Виталис со шляпой в руках, смиренно согнувшись, проводил его преувеличенно почтительным взглядом.

Но на следующий день полицейский снова подошел к нам, перескочил через веревки и накинулся на нас как раз в середине представления.

– Извольте надеть намордники на собак! – грубо крикнул он Виталису.

– Надеть намордники на моих собак?

– Существует такое постановление полиции, и вы обязаны его знать.

Мы только что начали пьесу, которая называлась:

«Больной принимает слабительное». Так как мы впервые исполняли эту пьесу в Тулузе, то зрители смотрели ее с большим интересом.

Вмешательство полицейского вызвало недовольные восклицания:

– Не перебивайте! Дайте окончить представление! Виталис жестом попросил всех замолчать. Сняв свою фетровую шляпу и поклонившись так низко, что перья ее коснулись земли, он подошел к полицейскому:

– Я не ослышался? Почтеннейший представитель власти действительно приказал надеть намордники на моих артистов?

– Да, наденьте намордники на собак, и как можно скорее.

– Надеть намордники на Капи, Зербино и Дольче! – воскликнул Виталис, больше обращаясь к публике, чем к полицейскому. – Но что думает ваша милость! Как может всемирно известный врач Капи лечить больного, если на нем будет намордник? Позвольте обратить ваше внимание, синьор, что больной принимает лекарство через рот. Иного способа доктор Капи никогда не решился бы применить перед такой изысканной публикой. При этих словах раздался взрыв сильнейшего хохота. Было ясно, что зрители одобряли поведение Виталиса. Смеялись над полицейским: в особенности потешались над Душкой, который гримасничал за спиной у «представителя власти», скрестив, как тот, руки, упершись кулаком в бок и откидывая назад голову с выражением и жестами поистине уморительными.

Раздосадованный речью Виталиса и смехом зрителей, полицейский резко обернулся. Тут он увидел обезьяну, которая явно его передразнивала. Несколько секунд человек и животное смотрели в упор друг на друга, словно выжидая, кто из них первым опустит глаза. Новый взрыв смеха прекратил эту сцену.

– Если завтра ваши собаки не будут в намордниках, – закричал полицейский, угрожая нам кулаком, – я подам на вас в суд!

– До завтра, синьор! – сказал Виталис. – До завтра.

Я думал, что Виталис купит намордники для собак, но он этого не сделал и вечером ничего не говорил о своем столкновении с полицейским.

Тогда я сам решил напомнить ему об этом:

– Чтобы Капи не скинул завтра во время представления намордник, надо приучить его к нему заранее.

– Неужели ты думаешь, что я надену на Капи железный намордник?

– Но ведь полицейский не отстанет от нас.

– Не беспокойся. Я устрою так, что полицейский ничего не сможет нам сделать и в то же время мои питомцы не пострадают. К тому же пускай публика немного потешится. Благодаря полицейскому у нас будет хорошая выручка. Он, сам того не зная, тоже будет участвовать в пьесе и сыграет комическую роль, которую я для него приготовил. Это внесет некоторое разнообразие в наш репертуар. Ты отправишься завтра на площадку один и возьмешь с собой Душку. Протянешь веревки и сыграешь несколько песенок, а когда соберется достаточно народа и придет полицейский, появлюсь я с собаками. Тут-то и начнется потеха.

Я был на этот счет другого мнения. Мне совсем не хотелось идти без хозяина и одному готовиться к нашему представлению. Но, зная характер синьора Виталиса, я понимал, что возражать бесполезно. Он ни за что не откажется от своего намерения разыграть задуманную им сценку.

На следующее утро я отправился на наше обычное место один и быстро протянул веревки. Едва я сыграл несколько тактов, как со всех сторон сбегались зрители и стали плотной стеной вокруг отгороженного мною пространства.

В последнее время Виталис стал учить меня играть на арфе, и я уже недурно исполнял несколько вещей. Одну неаполитанскую песенку я пел, аккомпанируя себе на арфе, и она

всегда нравилась слушателям.

Я уже чувствовал себя настоящим артистом и нередко приписывал успех нашей труппы своему таланту. Но сегодня я прекрасно понимал, что люди собрались совсем не для того, чтобы слушать мое пение. Присутствовавшие накануне при столкновении с полицейским явились снова и привели с собой своих друзей. В Тулузе не очень-то любят полицию, и всех разбирало любопытство узнать, как старый итальянец выпутается из вчерашней истории. Хотя Виталис сказал только: «До завтра, синьор», – все отлично поняли, что предстоящее представление будет интересным зрелищем, где можно будет посмеяться над придирчивым и злым полицейским. Многие зрители, увидев меня с Душкой, были заметно разочарованы и без конца спрашивали меня: «Придет ли старый итальянец?»

– Он скоро будет, – отвечал я и продолжал петь дальше.

Но первым явился не хозяин, а полицейский. Душка тотчас же заметил его. Тогда, подражая полицейскому, он, упершись рукой в бок и откинув назад голову, стал прогуливаться взад и вперед с надменным видом и уморительной осанкой.

Зрители разразились смехом и аплодисментами. Полицейский растерялся и бросил на меня яростный взгляд. Разумеется, это удвоило восторг присутствовавших.

Я был сильно обеспокоен. Чем все это кончится? Что ответить полицейскому, если он обратится ко мне?

Полицейский, по-видимому, был страшно разозлен. Он расхаживал вдоль веревок и так свирепо поглядывал на меня, что я стал опасаться дурной развязки. Душка, не понимавший серьезности нашего положения, потешался над полицейским. Он тоже прогуливался вдоль веревок, но с внутренней стороны отгороженного пространства, и так забавно передразнивал полицейского, что смех зрителей не прекращался.

Не желая выводить полицейского из себя, я позвал Душку. Но тот не послушался и бросился от меня прочь, и когда я захотел его схватить, вырвался из моих рук.

Не знаю, как это получилось, но, очевидно, полицейский, ослепленный гневом, вообразил, что я подстрекаю обезьяну и быстро перескочил через веревку. В два прыжка он очутился возле меня и пощечиной сшиб меня с ног.

Когда я поднялся. Виталис, который вырос точно из-под земли, стоял между нами и держал полицейского за руку.

– Как вы смеете бить ребенка! – воскликнул он.

Это низость! Полицейский хотел освободиться, но Виталис крепко держал его за руку. В продолжение нескольких секунд оба в упор смотрели друг на друга. Полицейский был вне себя от бешенства. Виталис был прекрасен. Он высоко поднял свою красивую седую голову; лицо его выражало возмущение и пылало гневом.

Мне казалось, что от одного его вида полицейский должен провалиться сквозь землю, но ничего подобного не случилось; резким движением он вырвал свою руку, схватил Виталиса за шиворот и грубо толкнул его.

Возмущенный Виталис выпрямился и, желая освободиться, сильно ударил полицейского по руке.

– Чего вы хотите от нас? – спросил Виталис.

– Я должен вас арестовать. Идемте в полицию!

– Разве для этого необходимо бить ребенка? – возмущенно сказал Виталис.

– Молчать! Ступайте, за мной! Виталис вновь обрел свое хладнокровие; он ничего не возразил и, повернувшись ко мне, сказал:

– Иди в харчевню и оставайся там с собаками. Я сообщу тебе о дальнейшем.

Он не мог продолжать, так как полицейский грубо потащил его за собой.

Я вернулся на постоянный двор огорченный и сильно обеспокоенный.

Уже давно прошло то время, когда Виталис внушал мне страх. Я искренне привязался к нему, и моя привязанность возрастала с каждым днем. Мы не только с утра до вечера были вместе, но иногда не расставались и ночью, так как часто спали рядом на соломе. Родной отец не мог бы больше заботиться о своем ребенке, чем он заботился обо мне. Виталис

выучил меня читать, писать, считать, петь. В холодные дни отдавал мне свои одеяла, в жару помогал нести вещи, которыми я был нагружен. За столом, или, точнее говоря, во время еды, потому что мы не часто обедали за столом, Виталис никогда не выбирал себе лучшие куски, а всегда делил поровну плохие и хорошие. Правда, иногда он драл меня за ухо или давал подзатыльник, но я на это не обижался, так как всегда помнил его заботу, добрые слова и трогательное внимание. Словом, он любил меня, а я любил его.

Разлука сильно огорчила меня. Что я буду без него делать? Как и чем жить?

Виталис обыкновенно носил деньги при себе, и при уходе у него не было времени передать их мне. У меня в кармане оставалось всего несколько мелких монет. Ясно, что на них я не могу прокормить всех: Душку, собак, себя.

Я провел два дня в ужасной тревоге, не смея никуда уйти со двора харчевни. Наконец на третий день какой-то человек принес мне письмо от Виталиса.

Он писал, что находится в тюрьме и в ближайшую субботу предстанет перед судом по обвинению в сопротивлении власти и оскорблении полицейского. «Дав волю своему гневу, я сделал большую ошибку, за которую придется, вероятно, дорого расплатиться. Приходи на суд, это послужит тебе хорошим уроком». Затем шли советы о том, как мне следует вести себя. В заключение он обнимал меня и просил приласкать за него Капи, Душку, Дольче и Зербино.

Я узнал, что судебное заседание начинается в десять часов утра. В субботу с девяти часов я уже стоял у дверей суда и первым проник в зал. Постепенно зал наполнился людьми, и я увидел нескольких человек, присутствовавших во время нашего столкновения с полицейским.

Я понятия не имел о том, что такое суд, но инстинктивно питал к нему непреодолимое отвращение. Хотя судился не я, а Виталис, мне казалось, что и мне угрожает опасность. Я спрятался за большую печку и, прижавшись к стене, съезжился насколько было возможно.

Сначала судили каких-то посторонних людей: одних за кражу, других за драку, причем все они не признавали себя виновными, но все были осуждены. Наконец на скамью подсудимых между двумя жандармами сел Виталис.

Что говорилось, о чем его спрашивали и что он отвечал – не помню. Я был слишком взволнован, чтобы слушать и понимать. Впрочем, я и не думал слушать, а только смотрел. Я смотрел на хозяина, который стоял, откинув назад свои длинные седые волосы, пристыженный и удрученный. Я смотрел на судью, который его допрашивал.

– Итак, – говорил судья, – вы сознаетесь в том, что нанесли удары полицейскому, который вас задержал?

– Не удары, господин председатель, а один удар, для того только, чтобы освободиться. Подходя к месту, где должно было состояться наше представление, я увидел, как полицейский дал пощечину мальчику из моей труппы.

– Но это не ваш ребенок?

– Да, не мой, господин председатель, но я люблю его, как сына. Когда я увидел, что полицейский ударил мальчика, я был возмущен и схватил его за руку, боясь, как бы он не ударил ребенка вторично.

– Но вы сами ударили полицейского.

– Полицейский взял меня за шиворот, и я инстинктивно, желая освободиться, ударил его.

– В вашем возрасте нельзя давать волю своим чувствам.

– Верно, но, к несчастью, не всегда поступаешь так, как нужно.

– Выслушаем полицейского.

Тот рассказал о случившемся, напирая больше всего на насмешки, а не на полученный им удар.

Во время его показаний Виталис смотрел по сторонам. Я понял, что он ищет меня. Тогда я решил выбраться из своего убежища и, проскользнув среди любопытных, пробрался в первый ряд.

Он увидел меня, и его грустное лицо просветлело. Я почувствовал, что он рад видеть меня, и мои глаза невольно наполнились слезами.

– Больше ничего вы не можете сказать в свое оправдание? – обратился к нему судья.

– Нет, и для себя лично я ничего не прошу. Но ради ребенка, которого я нежно люблю и который теперь остается один, я прошу суд о снисхождении и о том, чтобы нас разлучили на возможно меньший срок.

Я был убежден, что Виталиса освободят. Но этого не случилось.

Другой судейский чиновник говорил в продолжение нескольких минут. Затем председатель строгим голосом объявил, что человек, именуемый себя Виталисом, обвиняется в оскорблении полицейского словами и действием и приговаривается к двум месяцам тюрьмы и ста франкам штрафа.

Два месяца тюрьмы!

Сквозь слезы я видел, как закрылась дверь, через которую жандарм увел Виталиса.

ГЛАВА IX. Я ОСТАЮСЬ ОДИН

Когда я, глубоко опечаленный, с покрасневшими от слез глазами, вернулся на постоянный двор, меня остановил у ворот трактирщик:

– Ну, как твой хозяин? – Осужден. – На сколько? – На два месяца тюрьмы.

– А какой штраф?

– Сто франков.

– Два месяца, сто франков... – повторил он несколько раз. Я хотел идти, но он снова удержал меня:

– Хорошо, а что ты теперь будешь делать?

– Не знаю.

– Надеюсь, у тебя есть деньги на то, чтобы прокормить себя и животных? Нет. – Значит, ты рассчитываешь жить у меня?

– Нет, я ни на кого не рассчитываю. – В этом ты прав, – продолжал трактирщик – Твой хозяин и так уже задолжал мне немало. Я не могу содержать тебя целых два месяца, не зная, сможет ли он расплатиться. Тебе придется отсюда уйти – Уйти? Но куда же? – Это меня не касается. Я тебе не отец и не хозяин.

На мгновение я остоленел. Но потом решил, что он прав: с какой стати ему заботиться обо мне!

– Итак, забирай собак, обезьяну и уходи. Но мешок твоего хозяина ты мне, конечно, оставишь. После тюрьмы он явится за ним, и мы рассчитаемся.

– Раз вы уверены в том, что хозяин, вернувшись, отдаст вам долг, то позвольте мне остаться до его прихода! Он заплатит вам за мое содержание.

– Ты так полагаешь, голубчик? Но одно дело заплатить за несколько дней, а другое – платить за два месяца.

– Я постараюсь есть как можно меньше.

– А животные? Нет, уходи! Ты сможешь прокормиться и заработать, давая представления по деревьям.

– Но как же хозяин найдет меня по выходе из тюрьмы?

– Послушай, ты мне надоел! Убирайся прочь, и как можно скорее! Даю тебе пять минут на сборы. Если я вернусь во двор и увижу, что ты еще здесь, тебе не поздоровится.

Я прекрасно чувствовал, что настаивать бесполезно. Войдя в конюшню, я отвязал собак и Душку, взял свой мешок и, повесив арфу на плечо, вышел из харчевни.

Трактирщик, стоя у ворот, наблюдал за мною.

– Если тебе будет письмо, – закричал он, – я его сохранию!

Я спешил уйти из города, так как у моих собак не было намордников. Что я скажу, если встречу полицейского? Что у меня нет денег на покупку намордников? И действительно, в кармане у меня оставалось всего несколько жалких монет. А вдруг он арестует и меня?

Виталис в тюрьме, я тоже, что станется с собаками и Душкой? Теперь я был хозяином труппы, главой семьи и сознавал всю лежавшую на мне ответственность.

Собаки быстро бежали вперед, но время от времени они поднимали головы и жалобно смотрели на меня. Я понимал, что они голодны. Душка, сидевший у меня на мешке, то и дело хватал меня за ухо, заставляя обернуться к нему; тогда он начинал выразительно тереть свой живот. Я и сам был страшно голоден. Но на имевшиеся у нас деньги мы могли поесть только один раз, и я считал, что благоразумнее сделать это попозже.

Мы прошли уже около двух часов, а я все еще боялся остановиться. Собаки бросали на меня все более умоляющие взгляды, а Душка все чаще дергал меня за ухо и все сильнее тер живот.

Наконец я решил, что мы достаточно далеко отошли от Тулузы и можем теперь не бояться полицейского.

Войдя в первую попавшуюся булочную, я попросил отвесить полтора фунта хлеба.

– Вот хороший хлеб, здесь ровно два фунта, – сказала булочница. – Для вашего зверинца это не много. Их надо накормить, бедных зверюшек!

Конечно, для нас это было не много, но если бы я купил два фунта, то от моих денег ничего не осталось бы на завтра.

Быстро сделав в уме подсчет, я сказал булочнице, что мне вполне достаточно полутора фунтов хлеба и я прошу ее не отрезать мне больше.

– Хорошо, хорошо, – ответила она.

От чудесного шестифунтового хлеба, который мы прекрасно съели бы целиком, она отрезала требуемое мною количество и положила его на весы, слегка подтолкнув их.

– Здесь на два сантима больше, – заметила она и бросила в ящик мои деньги.

Я нередко встречал людей, которые не брали сдачи мелкие деньги, говоря, что они им не нужны. Но для меня эти два сантима имели огромное значение, и я ни за что бы от них не отказался.

Однако я не посмел потребовать их обратно и молча вышел из булочной. Собаки, увидя хлеб, радостно запрыгали, а Душка повизгивал и дергал меня за волосы. Мы не пошли далеко. У первого попавшегося по дороге дерева я прислонил арфу к стволу и растянулся на траве. Собаки уселись передо мной: Капи посередине, Дольче – с одной стороны. Зербино – с другой. Только Душка, менее утомленный, чем все, стоял, готовясь стянуть тот кусок, который ему понравится.

Разделить краюху хлеба было делом нелегким. Я разрезал ее на пять по возможности равных частей и раздавал их маленькими ломтиками. Каждый по очереди получал свой кусок. Душка, которому требовалось меньше, чем нам, быстро насытился. Тогда я спрятал три куса из его доли в мешок, решив отдать их позже собакам.

После небольшого отдыха я дал сигнал к отправлению. Теперь нам во что бы то ни стало нужно было заработать на еду для следующего дня.

Приблизительно через час мы пришли в деревушку, которая казалась вполне подходящей для выполнения моих планов.

Я одел своих артистов для представления, и мы в полном порядке вошли в деревню. К несчастью, с нами не было Виталиса с флейтой. Обычно его представительная фигура привлекала к себе все взгляды. Я был мал, худ, и на моем лице отражались беспокойство и неуверенность.

Во время нашего шествия я смотрел по сторонам, желая видеть, какое впечатление мы производим. Увы, люди смотрели на нас, но за нами никто не последовал.

Придя на небольшую площадь, посреди которой находился фонтан, осененный тенью платанов, я взял арфу и заиграл вальс. Музыка была веселая, пальцы мои легко бегали по струнам, но на сердце было тяжело и нерадостно.

Я приказал Зербино и Дольче протанцевать вальс. Они послушно принялись кружиться в такт.

Несколько женщин вязали и разговаривали между собой, сидя у порога своих жилищ,

но никто из них не двинулся, чтобы подойти к нам.

Я продолжал играть, Зербино и Дольче продолжали танцевать.

Вдруг один маленький ребенок, такой крошечный, что он едва мог ходить, отошел от своего дома и направился к нам. Я стал играть тише, чтобы не напугать, а, наоборот, привлечь его.

Протянув ручки и покачиваясь, ребенок медленно приближался. Через несколько шагов он очутился возле нас. Его мать подняла голову и с испугом увидела, что его нет рядом. Но вместо того чтобы подбежать к нему, на что я надеялся, она позвала его, и малыш послушно вернулся обратно.

Быть может, местные жители не любят танцев? Я приказал Зербино и Дольче лечь и запел мою неаполитанскую песенку. Никогда, вероятно, я не исполнял ее с таким старанием.

Я начал петь второй куплет, когда заметил человека в куртке и в фетровой шляпе, который быстрыми шагами направлялся к нам.

Наконец-то! Я запел с еще большим одушевлением. – Э! – закричал он, – что ты тут делаешь, негодяй? Я замолчал, ошеломленный таким обращением.

– Ответишь ли ты мне наконец? – заорал он.

– Пою, сударь.

– А есть у тебя разрешение петь на площади нашего округа?

– Нет, сударь.

– Тогда уходи прочь, пока я не забрал тебя.

– Но, сударь...

– Изволь называть меня сельским стражником и убирайся вон, скверный попрошайка!

Сельский стражник! На опыте моего хозяина я уже знал, что нельзя противоречить ни полицейским, ни сельским стражникам. Я круто повернулся и быстро пошел по той дороге, откуда пришел: Попрошайка! Это неверно, я не просил милостыни. Я пел, танцевал – зарабатывал свой хлеб. Разве я делал что-нибудь дурное?

Через пять минут я уже вышел из этой мало гостеприимной, но хорошо охраняемой деревни. Собак бежали за мной, печально опустив головы, понимая, очевидно, что нас постигла неудача.

– Теперь придется ночевать под открытым небом и без ужина, – обратился я к ним.

При упоминании об ужине раздалось общее ворчанье. Я показал им оставшиеся у меня деньги.

– Вот все, что у меня осталось. Если мы истратим эти деньги сегодня вечером, нам не на что будет поесть завтра утром. А так как сегодня мы уже ели, благоразумнее подумать о завтрашнем дне. – И я положил деньги обратно в карман.

Капи и Дольче молча наклонили головы, но Зербино, который был не очень послушным, продолжал ворчать.

Решив таким образом вопрос о еде, я должен был теперь позаботиться о ночлеге. К счастью, погода стояла прекрасная, и спать под открытым небом было даже приятно. Надо только найти такое место, где бы можно было спрятаться от волков, если они водятся в этой местности, и от сельских стражников. Последних я боялся гораздо больше, чем волков.

Дорога тянулась бесконечно. Последние лучи заходящего солнца исчезли, а мы все еще не находили ночлега.

Теперь мы шли в большом лесу, который там и сям перемежался прогалинами. Посреди этих прогалин возвышались гранитные глыбы. Место было печальное и заброшенное, но я подумал, что эти глыбы гранита могут послужить нам на пользу и защитить от ночного холода. Свернув с дороги, я стал пробираться среди камней. Вскоре я увидел большую гранитную глыбу, образующую как бы пещеру. Ветер нанес туда много сухих сосновых игл. Ни о чем лучшем мы не могли и мечтать. У нас была постель, где мы могли растянуться, и крыша, которая нас укрывала. Не хватало только куска хлеба на ужин. Но об этом следовало забыть.

Прежде чем лечь, я приказал Капи сторожить нас. И верный пес остался снаружи, на

посту часового. Я мог спать совершенно спокойно: Капи предупредит, если кто-нибудь подойдет к нам близко.

Я завернул в свою куртку Душку и растянулся на ложе из сухих игл; Зербино и Дольче свернулись у моих ног. Но заснуть я не мог: беспокойство мое было сильнее усталости.

Первый день нашего путешествия был весьма неудачен. Каков-то будет завтрашний? У меня оставалось всего-навсего три су. Как я прокормлю животных и себя, если не смогу давать представления? Намордники, разрешение петь, откуда я их возьму? Неужели нам придется умереть с голоду где-нибудь в лесу, под кустом?

Размышляя обо всем этом, я смотрел на звезды, которые сверкали в темном небе. Стояла полная тишина: ни шелеста листьев, ни крика птиц, ни скрипа повозки на дороге. Как я был одинок и заброшен! Глаза мои наполнились слезами, и я горько заплакал. Милая матушка Барберен! Бедный Виталис!

Вдруг я почувствовал на своих волосах легкое дыхание, влажный и теплый язык лизнул меня в лицо. Это был Капи. Услыхав, что я плачу, он пришел утешить меня. Тогда я крепко поцеловал его мордочку. Он жалобно заскулил, и мне показалось, что он плачет вместе со мной.

ГЛАВА X. ПЛАВУЧИЙ ДОМИК

Когда я проснулся, было уже поздно. Птицы щебетали в листве. Где-то вдали звонил церковный колокол. Солнце высоко стояло в небе. Его горячие, живительные лучи согревали и тепло и душу.

Быстро приведя себя в порядок, мы направились в ту сторону, откуда слышались звуки колокола. Там находилась деревня, там несомненно была и булочная. Когда ложишься спать без обеда и ужина, голод дает себя знать спозаранку. Я решил: истрочу последние деньги, а там видно будет.

Мне не пришлось спрашивать, где находится булочная. Мое обоняние стало почти таким же тонким, как у собак, и я издали почувствовал вкусный запах горячего хлеба. Завтрак мы съели мгновенно, так как каждому досталось только по очень маленькому кусочку. Ведь на наши деньги мы не могли купить даже одного фунта хлеба.

Теперь нужно было подумать о заработке. Я пошел по деревне в поисках подходящего места для представления, приглядываясь к людям, стараясь угадать, как они отнесутся к нам.

Я не собирался устраивать представление тотчас же: было слишком рано; но я хотел подыскать удобную площадку и вернуться сюда среди дня. Я был всецело поглощен этой мыслью, как вдруг услышал позади себя громкий крик. Быстро обернувшись, я увидел, что Зербино удирает от какой-то старухи. Воспользовавшись тем, что я не обращал на него внимания, он вбежал в чужой дом и стащил кусок мяса.

– Держите вора! – кричала старуха. – Держите его, держите их всех!

Чувствуя себя в известной мере виновным за поступок моей собаки, я бросился бежать. Что я буду делать, если старуха потребует от меня деньги за украденное мясо?

Платить мне нечем, и меня могут задержать. Капи и Дольче не отставали от меня, а Душка, сидевший у меня на моем плече, крепко вцепился мне в шею, чтобы не упасть. Нас, вероятно, не догнали бы, но могли остановить идущие навстречу люди. К счастью, на нашем пути попала поперечная улочка. Я кинулся туда, и мы помчались со всех ног, пока не очутились в открытом поле. Я остановился только тогда, когда мне уже нечем было дышать. Мы пробежали не меньше двух километров. Я оглянулся – сзади никого не было. Капи и Дольче бежали следом за мной, а Зербино отстал, по-видимому, для того, чтобы съесть украденный кусок мяса.

Я позвал его. Но он, отлично понимая свою вину, бросился от меня прочь. Я должен был строго наказать Зербино, иначе и другие собаки могли последовать его примеру. Но как заставить его вернуться? Пришлось обратиться за помощью к Капи.

– Приведи ко мне Зербино! – приказал я ему. Капи послушно отправился выполнять

мое приказание. В ожидании собак я решил передохнуть и собраться с мыслями. К тому же местечко, где я остановился, как нельзя лучше располагало к отдыху.

Совершенно неожиданно мы очутились на берегу Южного канала. Вода, зеленые деревья, свежая трава, маленький ручеек, вытекающий из расселины скалы, заросшей цветущими растениями, – все радовало глаз, и ждать здесь возвращения собак было чудесно.

Однако прошел час, а собаки не появлялись. Я начал уже беспокоиться. Наконец прибежал Капи, один, с опущенной головой.

– А где же Зербино?

Капи с виноватым видом улегся у моих ног, и тут я заметил, что одно ухо его окровавлено. Значит, Зербино не послушался. Приходилось ждать, когда он добровольно явится с повинной.

Я растянулся под деревом и привязал Душку, опасаясь, как бы ему не вздумалось последовать за Зербино. Капи и Дольче легли возле меня.

Время шло. Зербино не показывался, и я незаметно для себя уснул.

Когда я проснулся, солнце стояло высоко над моей головой. Но, и не глядя на солнце, я знал, что уже поздно и прошло много времени с тех пор, как я съел последний кусочек хлеба. Видно было, что собаки и Душка тоже очень проголодались. Капи и Дольче сидели с унылым видом, Душка гримасничал. А Зербино так и не появлялся.

Я его звал, свистел, но он не шел. Хорошо позавтракав, он спокойно спал где-нибудь под кустом.

Положение мое становилось критическим: если я уйду, он может потеряться и не найти нас; если останусь ждать, то не смогу ничего заработать нам на пропитание. А голод давал себя чувствовать все сильнее и сильнее. Собаки в отчаянии не сводили с меня глаз, Душка тер живот и недовольно ворчал.

Быть может, животным станет легче, если я сыграю что-нибудь веселое? Во всяком случае, если я буду играть, а собаки и Душка – танцевать, то время пройдет быстрее.

Я взял арфу и, став спиной к каналу, заиграл вальс. Сначала мои актеры, по-видимому, совсем не были расположены к танцам – кусок хлеба их устроил бы больше, но мало-помалу они оживились, музыка начала производить надлежащее действие, они забыли о голоде. Я играл, а собаки танцевали.

– Bravo! – внезапно раздался позади меня звонкий детский голос.

Я быстро обернулся и увидел небольшую баржу, которую тянули на буксире две лошади, находившиеся на противоположном берегу. Такой странной баржи я еще никогда не встречал. Она была гораздо короче тех, которые обычно плавают по каналам, а на ее палубе находилась веранда, увитая вьющимися растениями. На веранде стояла молодая женщина с красивым, но печальным лицом, а возле нее лежал мальчик моих лет. Очевидно, это он и крикнул «bravo».

Оправившись от изумления и решив, что здесь мне как будто ничего не угрожает, я приподнял шляпу, чтобы поблагодарить за аплодисменты.

– Вы играете для собственного удовольствия? – спросила меня молодая женщина; она говорила с иностранным акцентом.

– Мои артисты должны ежедневно упражняться, а кроме того, я хотел немного развлечься.

Мальчик сделал знак, и дама нагнулась к нему.

– Не сыграете ли вы еще что-нибудь? – спросила она меня, подняв голову.

Разве я мог отказаться сыграть для публики, так кстати появившейся?

– Что вам угодно: танец или комедию?

– Конечно, комедию! – закричал мальчик.

Но дама перебила его, сказав, что предпочитает танец.

– Танец – это будет слишком коротко, – возразил мальчик.

– После танца мы можем, если пожелает почтеннейшая публика, показать различные фокусы, которые исполняют в лучших цирках Парижа.

Так говорил Виталис, и я старался произнести эти слова с неменьшим достоинством, чем он.

Как хорошо, что они отказались от комедии! Мне было бы очень трудно устроить представление без Зербино, к тому же у меня не было необходимых вещей и костюмов.

Я снова взял арфу и заиграл вальс. Тотчас же Капи обнял лапками Дольче, и они принялись кружиться. Затем Душка протанцевал один. После этого мы показали все свои фокусы и совсем забыли об усталости. Мои артисты, очевидно, поняли, что за свои труды они получают обед, и не щадили сил, так же как я не щадил себя.

Во время одного из номеров неожиданно вылез из-за куста Зербино. Когда его товарищи поравнялись с ним, он как ни в чем не бывало стал на свое обычное место и начал исполнять свою роль.

Играя на арфе и наблюдая за моими артистами, я в то же время поглядывал на мальчика. Меня удивляло, что он совсем не двигается, хотя ему, по-видимому, очень нравилось наше представление. Он лежал вытянувшись неподвижно, поднимая только руки, чтобы нам аплодировать. Казалось, он был привязан к доске, на которой лежал.

Ветер незаметно пригнал баржу к нашему берегу, и я мог теперь хорошо его разглядеть.

У мальчика были светлые волосы и такое бледное личико, что сквозь тонкую кожу на лбу просвечивали голубые жилки. Выражение его лица было болезненным, кротким и грустным.

– Сколько мы должны заплатить за представление? – спросила меня молодая женщина.

– Это зависит от того, насколько вам понравилось наше представление.

– Тогда, мама, нужно заплатить очень дорого, – заявил мальчик.

Потом он добавил еще несколько слов на непонятном мне языке.

– Артур хочет поближе посмотреть на ваших артистов, – обратилась ко мне молодая женщина. Я сделал знак Капи, и он прыгнул на палубу.

– А другие? – закричал Артур.

Зербино и Дольче последовали за своим товарищем.

– А обезьянка?

Но я не решился пустить туда Душку: я не был уверен в нем. Я боялся, что, очутившись на палубе, он начнет выкидывать такие штучки, которые могут не понравиться молодой женщине.

– Разве ваша обезьянка злая? – спросила она.

– Нет, но Душка большой проказник, и я боюсь, что он будет себя плохо вести.

– Тогда идите с ним вместе.

При этих словах она сделала знак человеку, который стоял у руля, и тот, пройдя на нос лодки, перебросил на берег мостки. Теперь я мог, взяв арфу на плечо и Душку на руки, спокойно войти на палубу.

– Обезьянка, обезьянка! – закричал Артур. Я подошел к мальчику, и пока он гладил и ласкал Душку, я внимательно его рассматривал.

Удивительное дело! Он на самом деле был привязан к доске.

– У тебя есть отец, дитя мое? – спросила меня молодая женщина.

– Да, но в настоящий момент я остался один.

– Надолго?

– На два месяца.

– Бедный мальчик! Как же ты проживешь один целых два месяца?

Я рассказал ей о том, как Виталиса посадили в тюрьму за то, что он заступился за меня, и как с тех пор я не заработал ни одного су.

Во время моего рассказа Артур играл с собаками, но он все слышал.

– Вы, должно быть, страшно голодны! – воскликнул он.

Услыхав его слова, собаки принялись лаять, а Душка начал яростно тереть живот.

– Мама!.. – сказал Артур.

Мать поняла его просьбу. Она произнесла несколько фраз на непонятном мне языке, и женщина, которая смотрела на нас в полуоткрытую дверь, тотчас же принесла маленький накрытый столик.

– Садись, дитя мое, – обратилась ко мне молодая дама.

Я не заставил себя просить дважды, положил арфу и живо сел за стол. Собаки уселись вокруг меня, а Душка вскарабкался ко мне на колени.

– А твои собачки едят хлеб? – спросил меня Артур.

Едят ли они хлеб? Я дал каждой из них по кусочку, и они с жадностью проглотили его.

– А обезьянка!

Но Душка уже сам о себе позаботился. В то время как я кормил собак, он схватил кусок пирога, которым и давился теперь под столом. Я тоже взял ломоть хлеба и если не давился им, как Душка, то ел его с неменьшей жадностью.

Артур молча смотрел на нас во все глаза, пораженный нашим аппетитом.

– А где бы вы сегодня обедали, если бы не встретились с нами? – спросил Артур.

– Вероятно, мы не обедали бы вовсе.

– А завтра где вы будете обедать?

– Возможно, нам удастся завтра что-нибудь заработать.

Артур прекратил вопросы и повернулся к матери. Между ними начался длинный разговор на том же непонятном мне языке.

Казалось, он просил ее о чем-то, на что она не хотела согласиться или против чего имела какие-то возражения. Вдруг Артур снова повернул ко мне голову.

– Хочешь остаться у нас? – спросил он.

Я молча смотрел на него. Такого вопроса я не ожидал.

– Мой сын спрашивает, хочешь ли ты остаться здесь?

– На барже?

– Да. Артур болен, врачи велели ему лежать неподвижно на доске. Для того чтобы он не скучал, я устроила ему эту поездку. Оставайся с нами. Собаки и обезьянка будут давать представления, а ты будешь играть нам на арфе. Мальчику твоих лет не так-то легко заработать деньги.

Я быстро сообразил, каким спасением было для меня это неожиданное приглашение, и, взяв руку молодой женщины, с благодарностью поцеловал ее.

Она, видимо, была этим тронута и нежно погладила меня по голове.

– Бедняжка! – прошептала она.

Так как меня просили играть на арфе, то мне казалось, что я должен немедленно выполнить их желание. Я взял инструмент, сел на носу баржи и заиграл.

В это время молодая женщина поднесла к губам маленький серебряный свисток. Раздался резкий свист. Я тотчас же перестал играть, не понимая, в чем дело.

Артур, замечавший все, что делалось вокруг, понял причину моего беспокойства.

– Мама свистела для того, чтобы дать знать рулевому, – объяснил он мне.

И в самом деле, баржа отошла от берега и тихо поплыла по каналу. Вода плескалась о корму, а деревья по обоим берегам реки бежали мимо, освещенные косыми лучами заходящего солнца.

– Сыграй еще что-нибудь, – попросил Артур. Кивком головы он подозвал к себе мать и все время держал ее за руку, пока я играл различные вещицы, которым обучил меня Виталис.

ГЛАВА XI. МОЙ ПЕРВЫЙ ДРУГ

Госпожа Миллиган, мать Артура, была англичанка. Сначала я думал, что Артур был ее единственным сыном, но позднее узнал, что у нее был еще старший сын, который пропал несколько лет назад при весьма загадочных обстоятельствах.

В то время муж госпожи Миллиган был при смерти, а сама она, тяжело больная, лежала без сознания. Потому розыски ребенка взял на себя брат ее мужа – Джеймс Миллиган.

Выбор этот был неудачен, так как Джеймс Миллиган вовсе не был заинтересован в том, чтобы пропавший ребенок нашелся. По английским законам, Джеймс Миллиган наследовал титул и состояние брата в том случае, если тот умирал бездетным. Однако Джеймсу Миллигану не удалось получить ожидаемое наследство, так как вскоре у госпожи Миллиган родился второй сын – Артур. Правда, этот ребенок был таким слабым, что врачи считали его недолговечным. Он мог умереть в любой момент, и тогда Джеймс Миллиган стал бы наследником состояния своего старшего брата. Джеймс Миллиган был уверен, что рано или поздно его надежды сбудутся, надо только терпеливо ждать. И он выжидал.

Однако предсказания врачей не оправдались: заботы и уход матери спасли жизнь Артуру. Хотя мальчик постоянно болел и врачи неоднократно приговаривали его к смерти, он каждый раз выздоравливал.

В последнее время у Артура развилась новая тяжелая болезнь – туберкулез бедра. Врачи предписали ему лежать неподвижно. Тогда госпожа Миллиган купила в Бордо маленькую баржу и превратила ее в плавучий домик. Благодаря этому Артур мог постоянно лежать на свежем воздухе, и только в плохую погоду его переносили внутрь, в комнату.

Месяц тому назад мать и сын выехали из Бордо и, проплыв вверх по Гаронне, попали в Южный канал. Отсюда, проехав целый ряд прудов и каналов, они могли попасть в Сену, доехать по ней до Руана, а там пересесть на пароход и вернуться в Англию.

В первый день моего пребывания на барже, которая называлась «Лебедь», я познакомился только с каютой, где меня поместили. Эта крохотная комнатка имела два метра в длину и около метра в ширину, но в ней помещалось все необходимое. Меблировка каюты состояла только из одного комода, но что это был за чудесный комод! Верхняя доска комода поднималась, и под ней находилась постель с матрацем, подушкой и одеялом. Конечно, эта постель была неширокой, но вполне достаточной для того, чтобы на ней можно было удобно спать. Под постелью помещался ящик, разделенный на несколько отделений, куда можно было складывать одежду и белье. У изголовья постели была приделана откидная доска, которая служила с голом. У ног откидывалась вторая доска, для сиденья. Маленькое круглое оконце давало достаточно света и воздуха.

Когда я разделся и лег в постель, я сразу заснул как убитый. Насколько эта койка была мягче тех сосновых игл, на которых я спал накануне! Тишина ночи уже не пугала меня, а звезды, смотревшие в окно, вселяли в меня бодрость и надежду.

Но как ни сладко спалось мне на новом месте, я все же проснулся на рассвете, так как беспокоился о своих питомцах. Я нашел их всех на палубе, где устроил накануне вечером. Они спали так безмятежно, словно жили здесь уже много месяцев. При моем появлении собаки проснулись и радостно бросились мне навстречу. Только Душка, хотя у него и был полуоткрыт один глаз, не двинулся с места, а, наоборот, принялся громко храпеть. Я сразу догадался, в чем дело: синьор Душка сердился на меня за то, что я не взял его с собой в каюту.

Рулевой, которого я видел накануне, тоже уже встал и чистил палубу. По моей просьбе он спустил мостки, и я мог сойти со своей группой на берег.

В играх с собаками и Душкой, в беготне, прыжках через канавы и лазанье по деревьям время прошло незаметно. Когда мы вернулись к «Лебедю», лошади были уже запряжены и ждали только сигнала, чтобы пуститься в путь.

Я поспешил взойти на палубу. Через несколько минут якорь был поднят, матрос встал у руля, погонщик уселся верхом на лошадь, заскрипел блок у каната, и мы двинулись.

Какое наслаждение плыть по реке! Наша баржа плавно и легко скользила по воде. Лесистые берега тихо проплывали мимо, и ничего не было слышно, кроме журчанья воды да звона бубенчиков на шее у лошадей.

Стоя на палубе, я смотрел на высокие тополя и на их листья, трепетавшие в спокойном утреннем воздухе. Длинной вереницей тянулись они вдоль берега, образуя как бы густой зеленый занавес, который, не пропуская ярких лучей солнца, разливал сквозь листву нежный и мягкий свет. В некоторых местах вода казалась совсем черной, как будто за ней скрывалась

бездонная глубина, в других, наоборот, совершенно прозрачной, и сквозь нее можно было видеть блестящие камешки и бархатистые водяные травы.

Я был всецело занят моими наблюдениями, как вдруг услышал, что меня зовут. Я живо обернулся. Это крикнул Артур, которого вынесли на палубу. С ним была его мать.

– Как ты спал? – спросил он меня. – Лучше, чем в поле?

Я подошел к нему и вежливо ответил, обращаясь одновременно и к матери и к сыну.

– Где собаки? – продолжал он.

Я позвал собак и Душку. Они подошли поздороваться, а Душка начал гримасничать, как проделывал это всегда перед нашими представлениями.

Но о представлении в это утро не было и речи. Госпожа Миллиган уложила сына в тени и сама уселась с ним рядом.

– Пожалуйста, уведи собак и обезьяну, – обратилась она ко мне, – мы будем сейчас заниматься.

Я немедленно ушел со своей группой в самый дальний угол.

Чем мог заниматься этот бедный маленький больной? Я видел, что мать велела ему повторить урок, а сама следила за ним по книге. Лежа на доске, Артур отвечал – вернее, пробовал отвечать, так как он все время запинаясь, ошибался и не мог связно произнести и трех слов. Мать терпеливо, но настойчиво поправляла его.

– Ты опять не знаешь басни, – сказала она.

– О мама! – с огорчением произнес Артур.

– Почему ты ее не выучил?

– Не мог.

– Почему?

– Не знаю... потому что не мог... потому что я болен.

– Голова у тебя не болит. И я никогда не позволю тебе под предлогом болезни расти неучем. Почему ты так огорчаешь меня?

Мне казалось, что госпожа Миллиган была слишком строга, а между тем она говорила ровным и нежным голосом.

– Мама, я не могу! Уверяю тебя, не могу! – И Артур заплакал.

Его слезы не поколебали госпожу Миллиган, хотя она казалась взволнованной и огорченной.

– Я хотела разрешить тебе сегодня утром поиграть с Реми и его собаками, продолжала она, – но теперь ты не будешь играть с ними до тех пор, пока не ответишь мне без ошибки всю басню.

Сказав это, она отдала книгу Артуру и ушла в свою каюту.

Оставшись один, Артур принялся повторять урок: я видел, как шевелились его губы.

Было очевидно, что он старался и работал усердно. Но это прилежание длилось недолго. Очень скоро он начал смотреть поверх книги, и его глаза, блуждающие по сторонам, встретились с моими.

Я сделал ему знак приняться за урок.

Он кротко улыбнулся, как бы благодаря меня за совет, и уставился в книгу. Но скоро снова начал смотреть по сторонам.

– Я очень хочу выучить басню и никак не могу, – обратился он ко мне. Я подошел к нему.

– Но она совсем не трудная, – заметил я.

– Напротив, очень трудная.

– Хочешь, я прочту ее наизусть? – предложил я. Он взял книгу, а я стал читать басню.

Ему пришлось поправить меня всею три или четыре раза.

– Вот чудеса! Ты ее действительно знаешь! – удивленно воскликнул он.

– Не очень хорошо. Но теперь, мне кажется, я могу ответить ее уже без ошибки.

– Когда ты успел ее выучить?

– Я внимательно слушал, пока твоя мама читала ее вслух, а потом ясно представил себе

все, о чем в ней говорится: овец, ягнят, собак, стерегущих стадо, и пастуха.

– Прекрасно! – воскликнул Артур. – Теперь я их тоже вижу. И, знаешь, я убежден, что сейчас выучу басню.

И действительно, меньше, чем в четверть часа, он выучил басню наизусть. В это время госпожа Миллиган подошла к нам.

Увидев нас вместе, она рассердилась, думая, что мы играем, но Артур не дал ей произнести ни слова.

– Я знаю басню, – закричал он, – и это Реми помог мне ее выучить!

Госпожа Миллиган посмотрела на меня с удивлением. Тогда Артур, не дожидаясь ее просьбы, прочел наизусть всю басню. Он прочел ее с торжеством и радостью, без запинок и ошибок.

В это время я смотрел на госпожу Миллиган. Сперва ее лицо озарилось улыбкой, а потом на глазах выступили слезы.

– Ты хороший мальчик, – сказала она мне.

Я рассказал так подробно об этом случае потому, что с этого дня отношение ко мне совершенно изменилось. Накануне меня пригласили с моими собаками и обезьяной, чтобы позабавить и развлечь больного ребенка. После сегодняшнего урока я сделался товарищем – вернее, другом Артура.

Госпожу Миллиган очень огорчало то обстоятельство, что ее сын ничему не учился. Несмотря на его болезнь, она хотела дать ему известные навыки, которые помогли бы ему по выздоровлении начать регулярное ученье.

До сих пор она мало чего достигла. Артур не отказывался учиться, но и не проявлял должного внимания и прилежания. Потому-то госпожа Миллиган и была так обрадована, когда услышала, что он выучил со мной басню в полчаса, тогда как она не могла заставить его выучить ее в продолжение нескольких дней.

После этого случая мы быстро подружились с Артуром и, как это ни странно, ни разу не поссорились.

Путешествие по воде было чудесно. Мы не испытывали ни скуки, ни утомления, так как все наше время было разумно заполнено. Если окрестности нам нравились, мы делали в день только несколько километров, если казались однообразными, плыли быстрее. Когда солнце садилось, мы останавливались там, где нас заставляла ночь, и стояли на этом месте до рассвета.

В холодную погоду мы усаживались в столовой, где затапливали печку, так как сырость и туман были вредны для больного. Зажигались лампы; Артура придвигали к столу, я садился возле него, и госпожа Миллиган показывала нам книги с картинками или фотографии различных видов. Когда мы уставали смотреть картинки, она брала книжку и читала нам вслух или же рассказывала нам легенды, исторические события, относящиеся к той местности, которую мы проезжали. Она говорила, не сводя глаз с лица сына, и было трогательно видеть, какие усилия она прилагала к тому, чтобы ее рассказ был интересен и понятен мальчику.

В хорошие, теплые вечера я брал арфу и, спустившись на берег, становился где-нибудь под деревом, пел песенки и играл различные пьесы. Артур с большим удовольствием слушал музыку и часто кричал мне: «Сыграй еще!» Тогда я повторил только что сыгранное.

Мне, ничего познавшему, кроме бедной хижины матушки Барберен и тяжелых скитаний с Виталисом, впервые жилось спокойно и беззаботно.

Как не похожи были утомительные, длинные переходы, когда я брел по колена в грязи, под дождем или палящим солнцем за своим хозяином, на эту прогулку в плавучем домике!

Уже два раза я пережил тяжесть разлуки с теми, кого любил: первый раз когда был оторван от матушки Барберен, второй – когда меня разлучили с Виталисом. И вот теперь, когда я остался совершенно одиноким, без поддержки и опоры, я встретил людей, которые выказали мне участие и которых я искренне полюбил. А мое сердце так жаждало любви и привязанности! Сколько раз, глядя на бледного, больного Артура, прикованного к доске, я –

здоровый и сильный завидовал ему...

Я завидовал не богатству, которое его окружало, не его книгам и игрушкам, – Нет, я завидовал тому, что у него есть мать, которая его так нежно любит.

Я с грустью говорил себе, что у меня ее нет и никогда не будет. Если когда-нибудь снова я увижу матушку-Барберен, то никогда уже не смогу назвать ее, как прежде. «мама», потому что знаю, что она мне не родная. Я одинок и останусь навсегда одиноким. Эта мысль заставляла меня еще сильнее ценить доброе отношение ко мне госпожи Миллиган и Артура.

Ни как ни хороша была моя новая жизнь, мне в скором времени предстояло расстаться с ней и вернуться к старой.

ГЛАВА XII. НАЙДЕНЬШ

Приближался день выхода Виталиса из тюрьмы. Мысль об этом вызывала во мне одновременно и радость и беспокойство; а по мере того как мы все больше и больше удалялись от Тулузы, беспокойство мое возрастало. Чудесно было плыть на «Лебеде», не зная ни забот, ни горя! Но ведь мне предстояло проделать весь обратный путь пешком.

Я решил посоветоваться с госпожой Миллиган и спросить ее, сколько времени нужно для того, чтобы вернуться в Тулузу, где я должен был встретить Виталиса у ворот тюрьмы.

Услыхав мой вопрос, Артур громко закричал:

– Мама, я не хочу, чтобы Реми уходил! Я ответил ему, что не могу сам располагать собою, так как принадлежу хозяину, который нанял меня у моих родителей. Но, говоря о родителях, я умолчал о том, что они не были мне родными отцом и матерью, иначе мне пришлось бы признаться в том, что я найден на улице.

– Мама, Реми должен остаться у нас, – продолжал Артур.

– Я сама была бы рада оставить Реми, – ответила госпожа Миллиган, – вы с ним подружились и я тоже к нему привязалась. Но для того чтобы он остался, необходимо знать, желает ли этого сам Реми.

– Конечно, желает, – перебил ее Артур. – Не правда ли, Реми, тебе ведь не хочется уходить?

– Кроме того, – продолжала госпожа Миллиган, не дожидаясь моего ответа, мы не знаем, согласится ли его хозяин отказаться от своих прав на него.

– Но это дело Реми, – снова перебил ее Артур.

– Прежде чем ответить, Реми должен хорошенько подумать. Если он останется с нами, ему предстоит не одни только удовольствия и путешествия – ему придется много работать, серьезно учиться вместе с тобой. Потом, – продолжала госпожа Миллиган, – нужно получить согласие его хозяина. Я напишу ему, чтобы он приехал сюда, в Сэт. Когда он узнает, почему мы не можем сами приехать в Тулузу, он, вероятно, примет мое приглашение. А после придется договариваться уже с родителями Реми, потому что мы должны получить также и их согласие.

До сих пор все шло так, словно добрая фея дотронулась до меня своей волшебной палочкой. Но последние слова сразу вернули меня к печальной действительности, «Договориться с моими родителями!» Я вспомнил, что я найденш, и, конечно, от меня отвернутся! Я был убит.

Госпожа Миллиган с удивлением смотрела на меня, ожидая ответа, но я молчал. Решив, наверно, что я взволнован мыслью о приезде хозяина, она оставила меня в покое.

К счастью, разговор этот происходил вечером, незадолго до сна, и я мог остаться в своей каюте наедине со своими опасениями и размышлениями. Это была первая плохая ночь, которую я провел на «Лебеде»: тяжелая и беспокойная. Что ответить? Как поступить?

В конце концов я остановился на самом простом решении: ничего не предпринимать и ничего не говорить. Будь что будет! Вероятнее всего, Виталис не захочет расстаться со мной. Тогда я уйду с ним, и никто не узнает правды.

Мой страх перед этой правдой, которую я считал постыдной, был так велик, что я начал

всем сердцем желать, чтобы Виталис не согласился на предложение госпожи Миллиган. Мне придется уйти от Артура и его матери, отказаться от мысли когда-нибудь встретиться с ними, но зато у них не останется обо мне дурного воспоминания.

Через три дня после того, как госпожа Миллиган написала письмо Виталису, она получила от него ответ. Виталис сообщал, что принимает приглашение госпожи Миллиган и приедет в Сэт в ближайшую субботу с двухчасовым поездом.

Я попросил у госпожи Миллиган разрешения пойти на вокзал и, взяв с собой собак и Душку, отправился встречать хозяина. Собаки были беспокойны, они как будто что-то предчувствовали. Душка безразличен, а я страшно взволнован. Самые противоречивые чувства терзали меня.

Я забился в дальний угол вокзала, держа трех собак на поводках, а Душку под курточкой, и с трепетом ждал, не замечая того, что происходит вокруг.

Собаки раньше меня почували хозяина; они с силой рванулись вперед и, так как я этого не ожидал, вырвались и умчались от меня с радостным лаем. Почти тотчас же и я увидел Виталиса, окруженного собаками. Капи вскочил уже Виталису на руки, а Зербино и Дольче хватили его за ноги. Когда я подошел, Виталис опустил Капи на землю и сжал меня в своих объятиях. В первый раз он поцеловал меня повторив несколько раз:

– Здравствуй, дорогой мой мальчик!

Виталис всегда был добр ко мне, но он никогда не ласкал меня, и я не привык к проявлению его нежности. Потому эта неожиданная ласка растрогала меня до слез. Посмотрев на него, я нашел, что он очень постарел, сгорбился, побледнел, губы у него были совсем белые. – Ну что, Реми, сильно я изменился? – спросил он – Тюрьма плохое пристанище, а тоска хуже болезни. Но теперь все пойдет по-хорошему. Затем он переменял разговор. – А откуда ты знаешь эту даму, которая мне писала?

Тогда я рассказал ему о своей встрече с «Лебедем», о том, как жил у госпожи Миллиган, о том, что я видел и чем занимался все это время. Рассказ мой длился очень долго, потому что я боялся закончить его и дойти до обсуждения вопроса, который меня беспокоил больше всего. Я не мог признаться Виталису, что втайне мечтал получить его согласие оставить меня у госпожи Миллиган. Мы пришли в гостиницу прежде, чем мой рассказ был окончен. Виталис тоже ничего не говорил мне о письме и предложении госпожи Миллиган. – Эта дама ждет меня? – спросил он, когда мы вошли в гостиницу.

– Да, я сейчас провожу вас к ней.

– Не надо. Скажи номер ее комнаты и жди меня здесь вместе с собаками и Душкой.

Я никогда не возражал моему хозяину. Однако сейчас я рискнул попросить его разрешить мне пойти вместе с ним к госпоже Миллиган. Но он жестом заставил меня замолчать. Я послушно уселся вместе с собаками на скамье перед дверью гостиницы. Им тоже хотелось пойти за хозяином, но, так же как и я, они не смели его послушаться. Виталис умел приказывать.

Почему он не хочет, чтобы я присутствовал при его разговоре с госпожой Миллиган? Я еще не нашел ответа на этот вопрос, как Виталис вернулся.

– Пойди простись, я буду ждать тебя здесь. Через десять минут мы уходим. Я был так потрясен, что не двинулся с места. – Значит, вы им сказали?..

– Я сказал, что ты мне нужен и что я тебе тоже необходим. Следовательно, я не намерен уступать своих прав на тебя. Ступай и скорее возвращайся!

Его слова немного меня успокоили. Навязчивая мысль о том, что госпожа Миллиган и Артур узнают, что я найденыш, не оставляла меня. Я вообразил, что мне нужно уходить через десять минут потому, что Виталис уже рассказал им все обо мне.

Войдя в комнату госпожи Миллиган, я увидел, что Артур плачет, а мать, склонившись к нему, старается его утешить.

– Реми, ведь ты не уйдешь от нас, не правда ли? – закричал Артур. – Я просила синьора Виталиса оставить тебя здесь, – сказала госпожа Миллиган таким голосом, что у меня на глазах навернулись слезы, – но он на это не согласился. – Он злой человек! – воскликнул

Артур.

– Нет, он вовсе не злой, – продолжала госпожа Миллиган, – и, по-видимому, искренне любит Реми. Мне он показался человеком достойным и честным. Вот как он объяснил свой отказ: «Я люблю Реми, и Реми любит меня. Суровое знание жизни, которое он получит, живя со мною, будет для него гораздо полезнее, чем положение слуги, в котором он несомненно окажется у вас, даже если бы вы сами этого не хотели. Вы дадите ему образование и воспитание, вы разовьете его ум, но не закалите его характера. Он не может быть вашим сыном, зато он будет моим. Это много лучше, нежели быть игрушкой больного ребенка, хотя бы такого кроткого и ласкового, как ваш сын. Я тоже дам ему образование».

– Но ведь он не отец Реми! – возразил Артур. – Это правда, но Реми обязан ему повиноваться, потому что Виталис нанял его у родителей.

– Я не хочу, чтобы Реми уходил!

– Тем не менее ему придется уйти. Надеюсь, ненадолго. Мы напишем его родителям и получим их согласие.

– О нет! – воскликнул я.

– Почему нет?

– Нет! Я вас очень прошу об этом!

– Но это единственная возможность вернуть тебя.

– Я вас очень прошу, не надо!

Если бы госпожа Миллиган не заговорила о моих родителях, у меня ушло бы на прощание гораздо больше времени, чем те десять минут, на которые отпустил меня Виталис.

– Ты из Шаванона, не правда ли? – спросила госпожа Миллиган.

Ничего не отвечая, я подошел к Артуру, обнял его и поцеловал несколько раз. Затем, вырвавшись из его объятий, я подошел к госпоже Миллиган и поцеловал ее руку.

– Бедный мальчик! – прошептала она, целуя меня в лоб.

Я быстро направился к двери. – Артур, я буду всегда любить тебя... и вас, сударыня, я тоже никогда не забуду, – произнес я прерывающимся от рыданий голосом.

– Реми, Реми! – со слезами кричал Артур. Больше я ничего не слышал. Я выбежал из комнаты и закрыл за собой дверь. Через минуту я был возле моего хозяина.

– Идем! – сказал он.

Так расстался я со своим первым другом и снова начал вести жизнь, полную лишений, каких мог бы избежать, если бы из-за нелепого предрассудка не побоялся сказать, что я найденныш.

ГЛАВА XIII. СНЕГ И ВОЛКИ

Снова изо дня в день шел я по большим дорогам за Виталисом под дождем и солнцем, шел по пыли и грязи, и ремень арфы больно натирал мне плечо. Снова приходилось изображать дурака, плакать и смеяться для забавы «почтеннейшей публики».

Мне было очень тяжело. По вечерам, ложась спать в грязной деревенской харчевне, я вспоминал мою счастливую жизнь на «Лебеде». Никогда больше я не буду играть с Артуром, никогда больше не услышу ласкового голоса госпожи Миллиган.

Меня утешало только то, что Виталис обращался со мной теперь гораздо мягче и ласковее. Я не чувствовал себя таким одиноким, как прежде, и знал, что Виталис для меня не просто хозяин, а близкий и родной человек. Мне часто хотелось поцеловать его и тем проявить свою любовь к нему, но я почему-то не решался этого сделать.

Не боязнь, а какое-то другое, неопределенное чувство, похожее на уважение, удерживало меня.

Как будто для того, чтобы еще больше усилить мое дурное настроение, наступила отвратительная погода. Приближалась зима, и переходы под непрерывным дождем становились все более тягостными. Когда мы приходили вечером на ночевку в какую-нибудь харчевню или амбар, промокшие до нитки, с ног до головы забрызганные грязью, мы

буквально изнемогали от усталости, и я ложился спать с самыми печальными мыслями.

Виталис стремился как можно скорее попасть в Париж, потому что только в большом городе мы могли давать представления зимой. Но денег на проезд по железной дороге у него не было, и нам предстояло проделать всю дорогу пешком.

Когда стояла хорошая погода, мы давали небольшие представления в городах и селах, встречавшихся на нашем пути, и, собрав скудную выручку, снова пускались дальше. До Шатильона все было еще терпимо, хотя мы постоянно страдали от холода и сырости. Но после того как мы вышли из этого города, дождь прекратился и подул северный ветер.

По правде говоря, мало приятно, когда северный ветер дует вам прямо в лицо, но мы на это не жаловались. Уж лучше ветер, чем та пронизывающая сырость, которая дожимала нас столько недель. К несчастью, большие черные тучи затянули небо, солнце совсем скрылось, и все указывало на то, что скоро должен выпасть снег.

Когда мы пришли в харчевню, Виталис велел мне немедленно ложиться спать.

– Завтра мы уйдем как можно раньше: я боюсь быть застигнутым снегом, сказал он.

Сам он спать не лег, а уселся в углу возле печки, пытаюсь согреть Душку, страдавшего весь день от холода и не перестававшего стонать, хотя мы и завернули его в несколько теплых одеял.

На следующее утро я встал очень рано. Еще не рассвело, и небо было черное, без единой звезды. Казалось, что-то огромное и темное нависло над землей и должно ее раздавить. Когда открывали входную дверь, резкий ветер врвался в комнату и раздувал давно погасшие угли в очаге.

– На вашем месте я бы не уходил, – обратился к нам хозяин харчевни: сейчас пойдет снег.

– Я очень тороплюсь, – отвечал Виталис, – и надеюсь добраться до города раньше, чем начнется снегопад.

– Тридцать километров не сделаешь за один час. – возразил хозяин харчевни.

Тем не менее мы решили продолжать путь.

Виталис нес Душку под курткой, стараясь согреть его теплом своего тела, а собаки, довольные тем, что нет дождя, весело бежали впереди нас. В Дижоне Виталис купил мне овчину, которую носят шерстью вниз. Я надел ее на себя, и встречный северный ветер плотно прижимал ее к моему телу. Мы шли молча и очень быстро, желая не только согреться, но и поскорее прийти в Труа. Небо, несмотря на рассвет, по-прежнему оставалось темным. Только на востоке появилась белая полоска, и все предметы стали как-то более отчетливо видны. Ночь кончилась, но день так и не наступил.

Местность, по которой мы шли, была необычайно пустынной и мрачной. Куда ни взглянешь, повсюду обнаженные поля, голые холмы, пожелтевшие леса. Нигде не слышно ни стука повозок, ни шелканья кнута. Полнейшая тишина. Только сороки с поднятыми вверх хвостиками прыгали по дороге, взлетая на верхушки деревьев при нашем приближении, и напутствовали нас оттуда своим стрекотаньем, похожим на брань или на какие-то зловещие угрозы.

Внезапно ветер переменился и начал дуть с запада. По небу поплыли тяжелые, низкие тучи, которые, казалось, нависали над самыми верхушками деревьев. Перед нашими глазами замелькали редкие снежинки, похожие на белые бабочки; они поднимались, опускались и кружили в воздухе. Затем облака, шедшие с северо-запада, вплотную надвинулись на нас и повалил сильный снег. В несколько мгновений все стало белым: камни, трава, сухие ветви, кусты. Снег падал на нас, забивался повсюду и сразу же начинал таять. Я чувствовал, как холодные струйки текли мне за воротник. Виталис, у которого овчина была приоткрыта, для того чтобы Душка мог дышать, находился в таком же положении.

Мы медленно и с трудом продвигались вперед, ослепленные снегом, промокшие, обледенелые, изредка останавливаясь, чтобы перевести дыхание. Собаки уже не бежали впереди, а плелись сзади по нашим следам. Положение было не из веселых. И нигде никаких признаков жилья. Перед нами темнел лес, которому, казалось, не будет конца. По временам

Виталис пристально смотрел влево, как будто что-то отыскивая. Но там ничего не было видно, кроме большой прогалины, где, по-видимому, весной рубили лес. Вдруг он протянул руку и указал мне на какой-то темный предмет. Поглядев в том направлении, я увидел занесенный снегом шалаш. Мы быстро сошли с дороги и вскоре нашли тропинку, ведущую к шалашу. Он был сделан из хвороста и прутьев, а крыша его сложена из плотно сплетенных ветвей, не пропускавших снега. Наконец-то у нас было убежище! Собаки первыми вбежали в шалаш и с радостным лаем принялись кататься по сухой земле.

– Я так и предполагал, – сказал Виталис, – что здесь на вырубке непременно должен находиться шалаш дровосека. Теперь снег нам не страшен!

Наше новое жилище не имело ни двери, ни окошка, и в нем не было ничего, кроме дерновой скамьи и нескольких больших камней, служивших сиденьями, зато в нем оказался очаг, сложенный из кирпичей.

Какое счастье, мы можем развести огонь!

Правда, требовалось еще достать дров, но в нашем убежище найти топливо было нетрудно. Мы могли вытащить ветки из стен и крыши, только сделать это осторожно, чтобы не разорить шалаш.

Очень скоро яркое пламя весело запыхало в очаге.

Ах, какой чудесный огонь! Правда, шалаш быстро наполнился дымом, но нас это мало смущало: мы находились в тепле, что в данную минуту было всего важнее.

В то время как я, опершись обеими руками о землю, раздувал огонь, собаки улеглись возле очага, желая поскорее согреться. Вскоре и Душка высунул нос из-под куртки хозяина, затем живо спрыгнул на землю и, выбрав лучшее место, протянул к огню свои маленькие дрожащие ручки.

Теперь, когда мы немного отогрелись, пора было подумать о еде.

По счастью, Виталис был человеком очень предусмотрительным. Еще утром, до того как я встал, он запасся провизией на дорогу, купил краюху хлеба и небольшой кусок сыра. В такую минуту не приходилось быть слишком требовательным, и потому, увидев хлеб, мы все очень обрадовались. Но, к сожалению, розданные нам порции оказались невелики, и я был очень разочарован, когда вместо всей краюхи Виталис дал нам только половину ее.

– Дорога мне незнакома, – сказал он в ответ на мой вопросительный взгляд, – и я не знаю, попадется ли нам на пути харчевня, где бы можно было поесть. Кроме того, неизвестно, как далеко тянется этот лес. Возможно также, что из-за снега придется надолго застрять в этом шалаше. Надо оставить хлеба хотя бы еще на один раз.

Я вполне согласился с его доводами, тем более что даже такая скудная еда нас подкрепила. Мы находились под кровом, огонь наполнял нас живительной теплотой, и мы могли спокойно ждать прекращения снегопада.

Собаки спали перед огнем, одна – свернувшись клубком, другая растянувшись на боку, а Капи – уткнув нос в пепел. Я решил последовать их примеру, так как встал очень рано.

Не знаю, сколько времени я спал. Когда я проснулся и выглянул наружу, снег уже перестал. Который был час? Я не мог спросить об этом Виталиса. В Дижоне он продал свои часы, чтобы купить мне овчину и другие необходимые вещи. Теперь нам приходилось определять время по дневному свету, но так как на земле лежала ослепительно белая пелена, а наверху и в воздухе стоял туман, я не мог ничего решить.

Подойдя к выходу, я наблюдал за тем, что делается снаружи, пока Виталис не окликнул меня.

– По-моему, скоро опять пойдет снег, и поэтому уходить нельзя. Лучше переждать его здесь, где мыв тепле и не промокнем.

Такое решение меня вполне устраивало, если бы не беспокойство о еде. На обед Виталис разделил между нами остатки хлеба. Увы! Оставалось так мало, что мы почти мгновенно все уничтожили, хотя и старались есть самыми маленькими кусочками.

Вскоре мы уже едва могли различать то, что происходило за пределами шалаша, потому что в этот сумрачный день ночь наступила быстро. Снова пошел сильный снег, и с

черного неба продолжали безостановочно падать большие белые хлопья. Поскольку нам предстояло здесь ночевать, самым лучшим было как можно скорее заснуть. Я поступил так же, как собаки, и, завернувшись в свою овчину, за день успевшую высохнуть, растянулся перед очагом, положив голову на плоский камень.

– Спи, – сказал Виталис, – я разбужу тебя, когда мне самому захочется спать. Хотя в этом шалаше нечего бояться ни зверей, ни людей, но нужно, чтобы один из нас не спал и поддерживал огонь. Если снег перестанет, может наступить сильный мороз.

Я не заставил дважды повторять это предложение и немедленно заснул. Когда Виталис разбудил меня, мне показалось, что ночь уже на исходе. Снег прекратился; в очаге по-прежнему горел огонь.

– Теперь твоя очередь караулить, – заявил Виталис. – Смотри, сколько веток я тебе заготовил. Будешь понемногу подкладывать их в очаг.

Действительно, возле меня лежала куча хвороста. Виталис не хотел, чтобы я будил его каждый раз, вытаскивая ветки из стены шалаша, и заранее приготовил мне запас топлива. Увы, его предусмотрительность имела такие печальные последствия, которых никто из нас не мог ожидать!

Видя, что я проснулся и готов приступить к своим обязанностям, Виталис растянулся у огня, положив перед собой закутанного в одеяло Душку, и вскоре по его равномерному дыханию я понял, что он заснул.

Тогда я встал и на цыпочках подошел к выходу, желая посмотреть, что делается снаружи. Снег запорошил все: траву, кустарники, молодые поросли и деревья. Повсюду вокруг нас расстилался неровный, но одинаково белый покров. Небо было усеяно сверкающими звездами, от снега разливался бледный свет, освещавший окружающие предметы. В унылой тишине ночи изредка раздавался треск, указывающий на то, что снежный покров подмерзает. Как нам повезло, что мы нашли этот шалаш! Что делали бы мы в лесу в такой мороз?

Хотя я встал очень тихо, Зербино проснулся и подбежал ко мне. Я приказал ему вернуться. Он послушался, но сел носом к выходу, как упрямая собака, не отказавшаяся от своих намерений. Я еще некоторое время смотрел на снег, затем вернулся к огню и, подбросив несколько сучков в огонь, уселся на тот камень, который служил мне подушкой. Хозяин спокойно спал. Собаки и Душка тоже спали. Красивое пламя вихрем вздымалось до крыши шалаша, разбрасывая сверкающие искры, треск которых нарушал тишину.

Довольно долго я развлекался тем, что смотрел на эти искры, но понемногу усталость овладела мною, и я начал дремать. Если бы у меня под рукой не было запаса топлива, мне бы пришлось вставать и ходить по хижине, но, сидя неподвижно, я не смог бороться с дремотой и уснул. Проснулся я от отчаянного лая.

Вероятно, я спал очень долго, так как огонь потух и в хижине было темно. Лай продолжался – это лаял Капи. Но, странное дело, ни Зербино, ни Дольче ему не отвечали.

– Что случилось? – воскликнул, проснувшись, Виталис.

– Не знаю.

– Ты заснул и огонь погас?

Капи кинулся к выходу, но не выбежал наружу, а лаял у входа. В ответ на лай Капи послышался жалобный вой, и я узнал голос Дольче. Вой этот раздавался где-то поблизости, позади шалаша.

Я хотел выйти, но хозяин остановил меня:

– Подбрось сначала дров в очаг.

Пока я исполнял его приказание, он достал из очага полуистлевшую головешку и стал ее раздувать. Когда головня разгорелась, он взял ее.

Пойдем посмотрим, в чем дело, но иди сзади Капи, вперед!

Вдруг раздался страшный вой. Испуганный Капи бросился обратно в шалаш.

– Это волки. Где Зербино и Дольче?

Что я мог на это ответить? Вероятно, когда я заснул, собаки выбежали наружу. Зербино

уже и раньше хотел это сделать, но я помешал ему. Неужели их унесли волки?

– Возьми головню, – приказал мне Виталис. Идем к ним на помощь!

Хотя я очень боялся волков, но сейчас, не колеблясь, схватил горящую головешку и последовал за хозяином. Мы вышли на вырубку, но не увидели ни собак, ни волков. Мы пошли по следам, которые вели вокруг шалаша. В темноте можно было разглядеть одно место, где снег был примят, как будто здесь валялись животные.

– Ищи, Капи, ищи! – крикнул хозяин и стал свистеть, подзывая Зербино и Дольче.

Но ни один звук не поколебал мрачной тишины леса, а Капи, вместо того чтобы искать, как ему было приказано, испуганно прижимался к нашим ногам. Это было совсем не похоже на него, всегда такого послушного и храброго. Виталис опять громко позвал Зербино и Дольче. Мы продолжали прислушиваться. Тишина была полная. Сердце мое сжималось от горя. Бедный Зербино, бедняжка Дольче! Виталис подтвердил мои опасения. – Их растерзали волки. Почему ты позволил им выйти?

Увы, я ничего не мог ответить на этот вопрос!

– Надо их искать, – сказал я и бросился вперед. Но Виталис остановил меня:

– Как ты будешь их искать в этакой тьме и снегу? Если они не ответили на мой зов, то, значит, они... очень далеко, – продолжал он. – К тому же волки могут напасть и на нас, а нам нечем защищаться.

Мне было тем более тяжело оставить без помощи бедных собак, наших верных друзей, что я чувствовал себя виноватым. Если бы я не уснул, они бы не убежали.

Виталис направился к шалашу, я последовал за ним, на каждом шагу останавливаясь и оглядываясь, чтобы прислушаться. Но я ничего не мог рассмотреть, кроме снега, и не слышал ничего, кроме его потрескивания.

В хижине нас ожидала новая неприятность. Ветки, которые я набросал в огонь, в наше отсутствие ярко разгорелись и своим пламенем освещали все самые темные уголки, однако Душки нигде не было видно. Одеяло лежало перед огнем, но обезьяны под ним не оказалось. Я окликнул Душку, Виталис тоже позвал ее, но он не отзывался. Куда он пропал? Виталис вспомнил, что Душка лежал с ним, когда он проснулся, значит, он исчез в то время, когда мы искали собак. Мы взяли несколько горящих ветвей и пошли вперед, освещая снег и ища следов Душки. Но мы их не нашли. Правда, все следы были спутаны, так как собаки и мы проходили по этому месту, но не настолько, чтобы мы не могли разобрать следов обезьяны. Значит, Душка не выбежал. Мы вернулись обратно, чтобы посмотреть, не спрятался ли он где-нибудь за кучей хвороста. Долго продолжались наши поиски. По десять раз мы проходили по одному и тому же месту и смотрели во всех углах. Я влез на плечи Виталиса и обследовал крышу. Там тоже никого не было. Я спросил Виталиса, не думает ли он, что волки утащили также и Душку.

Нет, ответил он, – волки не посмели бы войти в освещенный шалаш. Я думаю, что они накиннулись на Зербино и Дольче, когда те выбежали наружу. Возможно, что пока нас не было, Душка, испугавшись, выскочил из хижины и спрятался где-нибудь поблизости.

Я очень беспокоюсь за него, потому что в такую ужасную погоду он сильно промерзнет, а холод для него смертельно опасен.

– Тогда поищем еще!

И мы снова принялись за поиски. Но так же неудачно, как и в первый раз.

– Придется дожидаться рассвета, – сказал Виталис.

– А когда он наступит?

– Думаю, часа через два-три.

И он уселся перед огнем, обхватив голову руками.

Боясь его потревожить, я тихо сидел рядом с ним, изредка подбрасывая ветви в огонь. По временам Виталис вставал и подходил к выходу, смотрел на небо, слушал, потом возвращался обратно. Я бы предпочел, чтобы он сердился и ругал меня, а не сидел бы молча с таким убитым видом.

Три часа, о которых говорил хозяин, тянулись очень медленно. Казалось, ночь никогда

не кончится. Наконец звезды побледнели, небо посветлело; начался рассвет.

Однако с наступлением дня усилился мороз. Возможно, что мы найдем Душку, но жив ли он? А вдруг снова начнется снег, тогда как его искать? К счастью, этого не случилось; небо очистилось от туч и порозовело, что предвещало хорошую погоду. Как только холодный утренний свет осветил кусты и деревья, мы вышли из шалаша. Каждый из нас взял по большой палке.

Капи оправился от своего ночного страха и теперь ждал только сигнала, чтобы броситься вперед. В то время как мы разыскивали следы Душки на снегу, Капи поднял голову кверху и радостно залаял. Это означало, что следует искать наверху, а не на земле. И в самом деле, мы увидели, что снег, покрывающий шалаш, был примят в нескольких местах возле большой ветки, склонившейся над крышей. Это была ветка большого дуба, и на самой верхушке дерева виднелась маленькая темная фигурка, сжавшаяся в комочек. Теперь нам стало понятно все. Испугавшись воя волков, Душка, в то время как мы вышли, выскочил на крышу шалаша и вскарабкался на дерево. Чувствуя себя там в безопасности, он прижался к ветвям и не отвечал на наш зов.

Хозяин ласково позвал его, но он не двигался, словно был мертв. В продолжение нескольких минут Виталис звал его, но Душка не подавал никаких признаков жизни. Мне не терпелось как-нибудь искупить свою вину.

– Позвольте мне слазить за ним.

– Ты сломаешь себе шею.

– Не беспокойтесь!

Лезть на большое дерево, ствол и ветки которого были покрыты снегом, было и опасно и трудно. К счастью, я с детства хорошо умел лазить по деревьям. Несколько маленьких веток росло вдоль ствола; они послужили мне ступенями. Сыпавшийся сверху снег слепил мне глаза, но скоро с помощью Виталиса я достиг первого разветвления. Дальше лезть было гораздо легче.

Поднимаясь, я ласково разговаривал с Душкой, который, не двигаясь, смотрел на меня блестящими глазами. Я почти добрался до него и уже протянул руку, чтобы его схватить, как вдруг он сделал прыжок и перескочил на другую ветку.

Я, вероятно, никогда не поймал бы Душку, если бы на ветвях не оказалось снега. Снег намочил Душке лапки, и это ему не понравилось. Тогда, перескакивая с ветки на ветку, он соскочил на плечо хозяина и спрятался под его курткой.

Теперь надо было искать собак. Сделав несколько шагов, мы дошли до того места, где проходили ночью и где видели примятый снег. Теперь, при свете, мы ясно поняли, как все произошло.

Собаки, выскочив из хижины, побежали друг за другом. Мы различали их следы на расстоянии двадцати метров. Затем рядом с их следами появились другие. Дальше был виден развороченный и окровавленный снег.

Продолжать наши поиски было бесполезно: здесь бедных собак загрызли волки и унесли их в чащу. К тому же надо было как можно скорее отогреть замерзшего Душку.

Мы вернулись в хижину. Пока Виталис держал у огня Душку, я согрел его одеяло, в которое потом мы тщательно завернули его. Но, кроме теплого одеяла, Душке требовалась хорошая постель с грелкой и горячее питье, а этого у нас не было.

Мы неподвижно сидели возле очага, молча глядя в огонь. Бедные Зербино и Дольче, бедные наши артисты! Они делили с нами и горе и радость, а для меня в тяжелые дни одиночества были друзьями, почти что моими детьми, и вот теперь я – виновник их смерти.

Я не находил себе оправдания. Если бы я не уснул и сторожил их как следует, они бы не убежали наружу. А в шалаше волки не посмели бы напасть.

Мне хотелось, чтобы Виталис ругал меня, я готов был просить, чтобы он побил меня.

Но он молчал и даже не смотрел в мою сторону. Он сидел, склонив голову над очагом, и, по-видимому, думал о том, что нам делать. Как давать без собак наши представления? Чем жить?

ГЛАВА XIV. ДУШКА

Установилась хорошая погода, которую предвещал рассвет. Солнце сверкало на безоблачном небе, и лес, накануне такой печальный и мрачный, ослепительно блестел под снегом.

Время от времени Виталис просовывал руку под одеяло и щупал Душку. Тот все еще не мог согреться, и когда я наклонялся к нему, то слышал, как он стучал зубами от холода.

– Надо во что бы то ни стало добраться до деревни, – сказал Виталис вставая, – иначе Душка умрет здесь. Еще хорошо, если он не умрет дорогой. Идем!

Сильно нагрев одеяло и завернув в него Душку, хозяин засунул его к себе под куртку.

– Мы слишком дорого заплатили за этот гостеприимный кров... – произнес он дрогнувшим голосом.

Вскоре после того как мы вышли на большую дорогу, нам повстречалась повозка, и возчик сказал, что до ближайшей деревни меньше часа ходьбы. Мы прибавили шагу, хотя идти по снегу, который доходил мне почти до пояса, было трудно и мучительно.

Я изредка спрашивал у Виталиса, как чувствует себя Душка, и он отвечал мне, что Душка все еще дрожит от холода.

Наконец показались белые крыши большой деревни; еще немного усилий, и мы придем на место.

Обычно мы не останавливались в лучших гостиницах, а, желая устроиться подешевле, выбирали какой-нибудь бедный домик у входа в деревню или в предместье города. Но на этот раз Виталис направился к гостинице, на которой висела красивая, позолоченная вывеска. В открытую дверь кухни был виден стол, заставленный провизией, а на большой плите весело шипели кастрюли из красной меди, пуская к потолку облака пара. Даже на улице слышен был вкусный запах жирного супа, приятно щекотавший наше обоняние.

Виталис, не снимая шляпы, вошел в кухню и спросил у хозяина хорошую комнату с камином. Вначале хозяин гостиницы, очень представительный и красивый мужчина, не хотел даже глядеть на нас. Но важные манеры Виталиса внушили ему почтение, и он приказал служанке проводить нас.

– Ложись скорее. – приказал мне Виталис, в то время как служанка разводила огонь.

Я был поражен: не лучше ли сперва сесть за стол, а уж потом ложиться спать?

– Ну, скорее! – повторил Виталис. Пришлось повиноваться.

На постели лежала перина. Виталис укрыл меня этой периной до подбородка.

– Постарайся согреться. Чем скорее ты согреешься, тем лучше.

Пока я согревался под периной, Виталис, к великому изумлению служанки, вертел и переворачивал над огнем бедного Душку, словно хотел его поджарить.

– Ну как, согрелся? – спросил меня Виталис через несколько минут.

– Я просто задыхаюсь от жары.

– Это как раз то, что нужно.

Виталис быстро сунул Душку под перину и попросил меня крепче прижать его к себе. Бедное маленькое животное, обычно упрямившееся, когда ему предлагали сделать то, что ему не нравилось, теперь безропотно покорялось всему. Душка лежал неподвижно, прижавшись ко мне; ему уже не было холодно, тельце его горело.

Хозяин спустился в кухню и принес оттуда горячего вина с сахаром.

Он хотел, чтобы Душка выпил хоть несколько ложек, но тот не мог разжать зубы и печально глядел на нас своими блестящими глазами, как бы умоляя не тревожить его. Однако он высунул из-под перины свою лапку и протянул ее нам.

Виталис объяснил мне, что еще до того, как я вступил в труппу. Душка был болен воспалением легких и ему делали кровопускание. Теперь, чувствуя себя снова больным, он протягивал лапку, для того чтобы ему пустили кровь и вылечили. Это было необычайно трогательно! Виталис был не только тронут, но и сильно обеспокоен. Бедный Душка болен, и

очень сильно болен, если отказывается даже от сладкого вина, которое так любил.

– Выпей вино сам и не вставай с постели, – приказал мне Виталис. – Я пойду за доктором.

Признаюсь, я тоже очень любил подсахаренное вино, и, кроме того, мне страшно хотелось есть. Я не заставил дважды просить себя и, выпив все до капли, снова залез под перину, где чуть не задохся от жары.

Виталис отсутствовал недолго. Он скоро возвратился вместе с господином в золотых очках. Это был доктор.

Боясь, что такое важное лицо не захочет беспокоить себя ради обезьяны, Виталис не сказал ему, к какому больному он его вызывал. Увидев меня в постели, красного, как пион, врач подошел и пощупал мой лоб.

– Горячка, – заявил он.

И покачал головой с видом, не предвещавшим ничего хорошего.

Я решил вывести его из заблуждения, боясь, что он, пожалуй, пустит мне кровь.

– Это не я болен.

– Как не ты? Ребенок бредит. Тогда, немного приподняв перину, я указал на Душку, обвившего мою шею своей лапкой. – Вот кто болен.

Доктор отскочил назад и обернулся к Виталису.

– Обезьяна! – воскликнул он. – И вы посмели беспокоить меня в такую погоду из-за обезьяны!

Я был уверен, что доктор сейчас же уйдет. Но Виталис умел обращаться с людьми и нелегко терял голову. Он очень вежливо остановил доктора и рассказал ему все: как мы были застигнуты снегом, как Душка из страха перед волками залез на дуб и как там промерз.

– Да, я вызвал вас к обезьяне. Но если бы вы знали, какая это необыкновенная обезьяна! Это больше, чем товарищ, это наш друг. Как можно доверить жизнь такого артиста простому ветеринару! Всем известно, что деревенские ветеринары – сущие ослы, тогда как врачи – люди науки. В любой самой захудалой деревушке от врача можно ждать помощи и великодушия. К тому же ученые считают, что обезьяны настолько близки к человеку, что болеют одинаковыми с людьми болезнями. И разве не интересно с точки зрения науки и врачебного искусства изучить, чем эти болезни схожи и чем отличны от человеческих?

Пока наш хозяин вел беседу, Душка, поняв, что человек в очках – доктор, неоднократно протягивал свою лапку, предлагая пустить ему кровь.

– Смотрите, как умна обезьяна; она знает, что вы врач, и протягивает вам лапку, чтобы вы пощупали пульс.

Это окончательно убедило врача.

– В самом деле, – заявил доктор, – случай довольно любопытный!

Но для нас, увы, это был весьма печальный случай. У бедного Душки оказалось воспаление легких. Врач взял его маленькую лапку и вскрыл вену ланцетом; причем Душка даже не застонал: он знал, что это может ему помочь.

За кровопусканием последовали горчичники, припарки и всевозможные лекарства. Я уже не лежал больше в постели, а ухаживал за больным под руководством Виталиса. Бедному маленькому Душке нравились мои заботы, он благодарно улыбался и смотрел на меня совсем человеческими глазами.

Обычно такой живой, непослушный и упрямый, всегда любящий подшутить над кем-нибудь из нас, Душка стал теперь необычайно покорным. Казалось, он нуждался в сочувствии, требуя его даже от Капи, который не раз бывал жертвой его проказ. Как избалованный ребенок, он хотел, чтобы мы все были около него, и сердился, если кто-нибудь из нас выходил из комнаты.

Болезнь Душки – воспаление легких – развивалась обычным путем. Скоро начался кашель, который его сильно мучил. У меня было немного своих денег, и я решил купить для Душки ячменного сахара. Но вместо того чтобы помочь, я ему только навредил. Душка быстро заметил, что я даю ему кусок ячменного сахара всякий раз, когда он раскашляется.

Тогда он, желая получить вкусное лекарство, принялся кашлять поминутно.

Обнаружив эту хитрость, я спрятал ячменный сахар, но Душка не успокоился. Он начал умоляюще смотреть на меня, а затем, видя что это не помогает, сел на кровать и стал изо всех сил кашлять. Его лицо побагровело, вены на лбу вздулись, слезы полились из глаз, и кончилось тем, что он начал задыхаться по-настоящему. Виталис никогда не делился со мной своими планами, но сейчас он счел нужным отступить от своего обычного правила. Однажды утром он сообщил мне, что хозяин гостиницы требует немедленной уплаты по счету. Виталис видел только один выход из затруднительного положения – дать сегодня же вечером представление. Но как устроить представление без Зербино, Дольче и Душки? Однако любой ценой надо было спасти Душку. Доктор, лекарства, дрова для камина, оплата комнаты на все это требовалось не менее сорока франков. Собрать сорок франков в этой деревне, в такой мороз и с нашими возможностями было бы поистине чудом. Но Виталис, не раздумывая, быстро принялся за дело. Пока я сидел возле больного, он нашел большое помещение, потому что устраивать представление на открытом воздухе зимой было невозможно. Он нарисовал и расклеил афиши, из нескольких досок построил сцену и истратил свои последние деньги на свечи, которые для того, чтобы иметь больше света, разрезал пополам.

Из окна комнаты я видел, как он проходил несколько раз взад и вперед мимо гостиницы. Я со страхом спрашивал себя, какова же будет программа этого представления.

Но я скоро это узнал, потому что деревенский барабанщик остановился перед гостиницей и после оглушительного барабанного боя объявил о предстоящем представлении. Виталис не поспешил на самые фантастические обещания: упоминалось о «всемирно известном артисте» – это был Капи, и о «выдающемся молодом певце» – то есть обо мне.

Услыхав звук барабана, Капи радостно залаял, а Душка, несмотря на то, что чувствовал себя в этот момент очень плохо, даже приподнялся. Несомненно, оба они поняли, что готовилось представление. Душка захотел встать, и мне пришлось силой удерживать его. Я понял, что нам будет очень трудно заставить его отказаться от намерения участвовать в представлении и что придется уйти от него потихоньку.

К несчастью, Виталис об этом не знал и, вернувшись в гостиницу, первым делом велел мне приготовить арфу и все необходимое для представления. Услыхав хорошо знакомые ему слова, Душка стал умолять нас взять его с собой. Если бы он мог говорить, то и тогда вряд ли выразил бы лучше свое желание, чем делал это мимикой, движениями и гримасами. Настоящие слезы катились из его глаз, и он покрывал руки Виталиса поцелуями. Было трогательно видеть, с каким рвением это маленькое, еле дышавшее существо старалось убедить нас. Но согласиться на его просьбу значило обречь его на немедленную смерть.

Настал час, когда нам нужно было уходить. Я развел огонь в камине, положил туда большие поленья, которые могли бы подольше гореть, и закутал в одеяло бедного, горько плакавшего Душку.

Когда мы шли по занесенной снегом дороге, хозяин объяснил, чего он от меня ждал.

Не могло быть и речи о наших обычных пьесах, и потому все надежды возлагались на меня и Капи. Во что бы то ни стало нужно было собрать сорок франков!

Сорок франков! Разве это возможно?

Виталис все приготовил заранее, оставалось только зажечь свечи. Но эту роскошь мы могли позволить себе уже после того, как зал наполнится зрителями, иначе наше освещение может окончиться раньше представления.

Приготовив Капи, я встал за колонной и наблюдал за тем, как собирался народ. Вскоре барабанная дробь приблизилась, и я услышал на улице смутный гул. Около двадцати мальчишек следовало за барабанщиком, отбивая такт ногами. Продолжая бить в барабан, барабанщик остановился между двумя зажженными у входа фонарями, а зрители начали занимать места в ожидании начала представления.

К сожалению, зрители собирались очень медленно, хотя барабанщик продолжал весело барабанить у входа. Правда, малыши со всей деревни явились сюда, но разве эти мальчишки

могли обеспечить нам выручку в сорок франков! Нас интересовали солидные люди, с толстым кошельком и щедрой рукой!

Наконец Виталис решил, что пора начинать. Зал был далеко еще не полон, но из-за свечей мы не могли дольше ждать.

Мне пришлось выступить первым. Я спел две песенки, аккомпанируя себе на арфе. Сказать по правде, аплодисменты, доставшиеся на мою долю, были довольно слабыми. Я никогда не обладал большим самомнением, но на этот раз холодный прием публики сильно огорчил меня. Я пел сейчас не ради успеха, а ради бедного больного Душки. Ах, как мне хотелось тронуть, зажечь эту публику, заставить ее безумствовать! Но я видел, что зрители очень мало интересовались мной и что они вовсе не были согласны с тем, что я «выдающийся певец». Капи был счастливее меня: ему аплодировали много и долго. Представление продолжалось и благодаря Капи окончилось под крики «браво». Ему не только аплодировали, но даже топали ногами.

Наступил решительный момент. Пока я под аккомпанемент Виталиса танцевал испанский танец, Капи с чашечкой в зубах обходил публику. Наберет ли он сорок франков? Мое сердце сжималось от беспокойства, в то время как я с самым приятным видом улыбался публике. Я еле дышал от усталости, но продолжал танцевать, потому что должен был дожждаться возвращения Капи. А Капи совсем не спешил и, когда ему не подавали, стучал лапкой по карману того, кто не желал платить. Наконец он вернулся, и я хотел уже остановиться, но Виталис велел мне продолжать. Продолжая танцевать, я приблизился к Капи и увидел, что чашечка далеко не полна.

Виталис тоже, посмотрев на выручку, встал и обратился к публике:

– Я считаю, что мы выполнили обещанную программу. Но так как свечи еще не догорели, я могу, если публика пожелает, пропеть несколько арий.

Хотя Виталис учил меня петь, я никогда не слышал, как он поет по-настоящему. Вернее, он никогда не пел так, как пел в этот вечер. В то время я еще не понимал, что такое истинное искусство. Но помню, какое огромное впечатление произвело на меня его пение. Я забился в один из уголков сцены и плакал. Сквозь слезы я видел молодую даму, сидевшую в первом ряду, которая аплодировала изо всех сил. Я уже раньше заметил ее. С нею был мальчик, много аплодировавший Капи, – очевидно, ее сын, так как он очень походил на нее. После первого романса Капи снова начал сбор, и я с изумлением увидел, что дама ничего не положила в чашечку. Когда Виталис спел последнюю арию, она подозвала меня к себе:

– Я бы хотела поговорить с твоим хозяином. Меня немного удивило, что молодая дама хочет о чем-то говорить с Виталисом. Лучше бы она положила немного денег в чашечку. Но все же я передал ее просьбу Виталису. В это время Капи вернулся: второй сбор был еще меньше первого.

– Что нужно от меня этой даме? – спросил Виталис.

– Она хочет с вами поговорить.

– Мне не о чем с ней разговаривать.

– Она ничего не дала Капи – быть может, она теперь что-нибудь даст.

– Тогда Капи следует пойти к ней, а не мне. Но он все же пошел, взяв с собой Капи. Я последовал за ними.

Виталис холодно поклонился даме.

– Простите меня, что я вас побеспокоила, но я музыкантша, и этим объясняется, почему на меня так подействовал ваш большой талант.

Как! У Виталиса, уличного певца и дрессировщика животных, – большой талант? Я остолебенел от изумления.

– Какой может быть талант у такого старика, как я!

– Не думайте, что я говорю с вами из простого любопытства, – продолжала дама.

– А я готов удовлетворить ваше любопытство. Вас, конечно, удивило, что дрессировщик умеет петь.

– Я в восторге от вашего пения.

– Однако это очень просто объяснить. Я не всегда был тем, что я сейчас... В дни моей юности я был... да, я был слугой одного известного певца. Подражая ему как попугай, я затвердил несколько арий, которые мой хозяин при мне разучивал. Вот и все.

Дама ничего не ответила, но пристально посмотрела на Виталиса, который стоял перед ней со смущенным видом.

– До свидания, сударь, – сказала она, сделав ударение на слове «сударь», до свидания, и позвольте мне еще раз поблагодарить вас за то удовольствие, которое я получила.

Наклонившись к Капи, она положила в чашечку золотую монету.

Я думал, что Виталис проводит даму до выхода, но он этого не сделал, а когда она отошла, он вполголоса пробормотал несколько итальянских ругательств.

– Но ведь она положила Капи золотой! – воскликнул я.

Он хотел дать мне подзатыльник, но раздумал и опустил руку.

– Золотой, – произнес он, как бы очнувшись. – Ах, да, правда! Я совсем забыл о Душке, пойдем к нему.

Быстро собрав вещи, мы вернулись в гостиницу.

Я поспешно вбежал в комнату. Огонь не потух, но уже не горел ярким пламенем. Я зажег свечу и стал искать Душку, изумленный тем, что его не слышно.

Душка лежал под одеялом вытянувшись и, казалось, спал. Я наклонился и тихонько, чтобы не разбудить, взял его за лапку. Она была холодная.

В этот момент в комнату вошел Виталис Я обернулся к нему:

– Душка совсем холодный!

Виталис вместе со мной наклонился над Душкой – Увы! – воскликнул он. Душка умер. Этого следовало ожидать. Знаешь, Реми, я, вероятно, был неправ, взяв тебя от госпожи Миллиган. Можно подумать, что судьба наказывает меня. Зербино, Дольче. Сегодня Душка... И это еще не конец.

ГЛАВА XV. Я ПОПАДАЮ В ПАРИЖ

Чтобы дойти до Парижа, нам нужно было проделать очень длинный путь по занесенным снегом дорогам, при холодном северном ветре, который дул нам прямо в лицо.

Как печальны были эти бесконечные переходы! Мы шли гуськом: Виталис впереди, я за ним, а Капи тащился сзади. Посиневшие от холода, с мокрыми ногами и пустым желудком, мы часами не обменивались ни одним словом. Попадавшие навстречу люди останавливались и смотрели нам вслед. Им казалось непонятным, куда этот высокий старик ведет мальчика и собаку. Для меня это молчание было невыразимо тягостным, мне хотелось говорить, чтобы забыться. Но на все мои вопросы Виталис отвечал отрывисто и односложно, даже не поворачиваясь ко мне.

К счастью, Капи был более общительным, и не раз я чувствовал на своей руке его влажный и теплый язык. Точно он хотел мне сказать: «Это я, Капи, твой друг». Тогда я тихонько ласкал его, и, казалось, он был счастлив моим вниманием так же, как я – его ласками.

Окружающая нас природа тоже была печальна. Всюду расстилался белый снежный покров, солнце не показывалось, дни стояли серые, пасмурные. В поле и в деревнях царил тишина. Ни ржанья лошади, ни мычанья быков – одни только вороны, высоко забравшись на голые ветки, каркали от голода. В мороз люди сидят у печки или работают в закрытых помещениях – в хлеву и в амбарах. А мы шли по неровной, скользкой дороге, шли не останавливаясь, отдыхая только ночью, когда спали в какой-нибудь конюшне или овчарне. Перед сном мы съедали небольшой кусок хлеба, что было одновременно и нашим обедом и нашим ужином. Мы чувствовали себя счастливыми, если нам удавалось ночевать в овчарне, потому что тепло, идущее от овец, согревало нас. Иногда пастухи угощали меня овечьим молоком, после чего утром я чувствовал себя крепче и здоровее.

Число километров, оставшихся позади, все росло – мы подходили к Парижу. На это

указывало и оживленное движение и грязный снег на дороге, так мало похожий на снег в долинах Шампани. Было ясно, что мы приближаемся к большому городу.

Но, странное дело, окрестности не становились красивее, деревья были такие же, как всюду.

Наслышавшись о чудесах Парижа, я ожидал увидеть нечто необычайное: золотые деревья, улицы с чудесными мраморными дворцами и жителей, одетых в роскошные шелковые одежды.

Как мы будем жить в таком городе, как Париж, при нашей теперешней бедности? Я не решился спросить об этом Виталиса, так как он был мрачен и молчалив.

Но однажды он сам заговорил со мною. Было утро; мы вышли на большой холм и увидели вдали черные облака дыма, расстилавшиеся над огромным городом.

Я широко раскрыл глаза, стараясь что-либо разглядеть, но ничего не мог рассмотреть, кроме бесконечных крыш, колоколен и башен, терявшихся в тумане и в густом дыму. Виталис подошел ко мне.

– Итак, наступает новая жизнь, – произнес он, как бы продолжая разговор, начатый раньше, – через четыре часа мы будем в Париже.

– Так там, вдали, Париж?

– Да, и в Париже нам придется расстаться.

У меня в глазах потемнело. Виталис посмотрел на меня и по моему бледному лицу и дрожащим губам понял, что со мной происходит.

– Ты очень испугался и огорчился, как я вижу.

– Расстаться с вами! – воскликнул я после того, как немного пришел в себя.

– Бедный мальчик!

Эти слова, а главное тон, каким они были произнесены, вызвали у меня слезы. Я так давно не слышал ни одного ласкового слова.

– Какой вы добрый!

– Нет, это ты хороший и добрый мальчик, это у тебя мужественное сердечко. Видишь ли, бывают моменты, когда такие чувства особенно ценишь и они особенно трогают. Если все хорошо – идешь своей дорогой, не задумываясь о тех, кто с тобой рядом, но когда тебе плохо, когда тебе не везет, когда ты стар и не имеешь будущего – тогда чувствуешь потребность опереться на тех, кто возле тебя, и бываешь счастлив, что ты не один. Тебе это кажется странным? А между тем это так.

Только много позднее я по-настоящему почувствовал и понял всю справедливость его слов.

– Мне горько, – продолжал Виталис, – что приходится расставаться именно тогда, когда ты особенно нуждаешься в близком человеке.

– Но, – заметил я робко, – разве вы собираетесь оставить меня в Париже?

– Нет, конечно. Что я стал бы делать в Париже один, мой бедный мальчик? И, кроме того, я не имею права бросить тебя; запомни это. В тот день, когда я взял тебя от госпожи Миллиган, я принял обязательство воспитать тебя возможно лучше. Как назло, обстоятельства обернулись против меня. В настоящее время я ничего не могу дать тебе, вот почему приходится расставаться. Не навсегда, конечно, а на время, пока не кончится зима. С одним Капи мы не можем в Париже ничего заработать.

Услыхав свое имя, Капи подбежал к нам. Виталис ласково погладил его:

– Ты тоже очень добрый пес! Но одной добротой на свете не проживешь. Она необходима для того, чтобы делать счастливыми окружающих, но, кроме нее, нужно и нечто другое, чего у нас нет. Ты понимаешь, что теперь мы не можем давать представления?

– Конечно, понимаю.

– Парижские мальчуганы засмеют нас, забросают огрызками яблок, мы не соберем и двадцати су в день. А на двадцать су втроем прожить невозможно. В холодную, дождливую или снежную погоду сбор будет еще меньше.

– Я буду играть на арфе.

– Если бы у меня было двое таких ребят, как ты, то дело, может быть, и пошло бы. Да, если бы я был совсем дряхлым или слепым... но, к несчастью, я еще недостаточно стар. В Париже, чтобы возбудить сострадание, нужно иметь очень жалкий вид: кроме того, надо решиться на то, чтобы просить милостыню, а я этого никогда не смогу. Приходится искать другого выхода. Вот что я придумал и что решил. Я отдам тебя на зиму одному падроне,⁷ и ты будешь зарабатывать деньги, играя на арфе. А я начну давать уроки музыки. В Париже меня знают, я жывал там не раз, уроков у меня будет достаточно. Так, в отдельности, мы сможем как-нибудь пережить зиму. В то же время я займусь дрессировкой новых собак вместо Зербино и Дольче. Весной, когда я их обучу, мы снова пустимся с тобой в путь и больше уже не расстанемся. Судьба не отворачивается надолго от тех, кто имеет мужество с ней бороться. Вот этого-то мужества и покорности я требую сейчас от тебя. Весной мы опять начнем нашу вольную жизнь, ты увидишь Германию, Англию. Ты становишься уже взрослым, я многому тебя научу и сделаю из тебя настоящего человека. Вот увидишь, мой мальчик, что не все еще потеряно!

Пожалуй, действительно это было единственным выходом. Теперь, вспоминая наше положение, я вижу, что Виталис сделал все возможное, чтобы найти выход из создавшихся затруднений. Но тогда я был потрясен разлукой с Виталисом и новым падроне.

Во время наших путешествий по селам и городам я не раз встречал этих падроне, которые, взяв к себе на воспитание детей, кормили их колотушками. Грубые, придиричвые пьяницы, с проклятиями и ругательствами на устах, всегда готовые ударить, они нисколько не походили на Виталиса. Я мог попасть к такому ужасному падроне.

Даже если мне повезет и я попаду к хорошему, то все же это еще одна перемена. После матушки Барберен – Виталис, а теперь еще какой-то новый человек. За время нашей совместной жизни я привязался к Виталису, как к родному отцу.

Многое, очень многое хотелось мне возразить Виталису, слова готовы были сорваться с моих губ, но я молчал. Хозяин требовал от меня мужества и покорности. Я решил подчиниться и не возражать, чтобы не увеличивать его горе.

Скоро мы подошли к реке и перешли ее по такому грязному мосту, какого я еще никогда в жизни не видел. Черный, как толченый уголь, снег лежал на дороге рыхлым пластом, и ноги погружались в эту грязь по щиколотку. За мостом находилась деревня с узкими улочками; за этой деревней снова потянулись поля, но уже застроенные жалкими, невзрачными домишками.

По дороге непрерывно катились экипажи и повозки. Я поравнялся с Виталисом и шел теперь справа от него. Капи бежал сзади. Скоро сельская местность кончилась, и мы очутились на улице, конца которой не было видно. По обеим ее сторонам находились бедные и грязные дома. Снег в некоторых местах был собран в кучи, и на них валялись гнилые овощи, зола и всякого рода мусор. От всего исходило нестерпимое зловоние. Детишки с бледными личиками играли перед дверями домов. Поминутно проезжали тяжелые экипажи, от которых они ловко увертывались.

– Где мы? – спросил я Виталиса.

– В Париже, мой мальчик.

– В Париже?!

Неужели это Париж? А где же мраморные дворцы? Где прохожие, одетые в шелка? Как мало походила окружавшая меня действительность на то, что было создано моим пылким детским воображением! Неужели это тот самый Париж, куда я так жадно стремился попасть? И здесь мне придется провести целую зиму без Виталиса и без Капи!

ГЛАВА XVI. ГАРАФОЛИ

⁷ Падроне (итал.) – хозяин.

Чем дальше мы шли по Парижу, тем большее разочарование охватывало меня. Сточные канавы были покрыты льдом; грязь, смешанная со снегом, становилась все чернее и чернее. Жидкие комья этой грязи летели из-под колес экипажа и залепляли прохожих, вывески и окна домов, где ютились жалкие лавчонки.

После того как мы долго брели по одной довольно широкой улице, Виталис свернул направо, и мы очутились в совсем бедном квартале. Высокие черные дома, казалось, соединялись наверху. Посреди улицы протекал грязный вонючий поток, но на него никто не обращал внимания – на мокрой мостовой толпилось множество народа. Нигде не видел я таких бледных лиц и никогда не встречал таких дерзких и развязных ребят, как те, что шныряли среди прохожих. В многочисленных кабаках мужчины и женщины пили, стоя перед оловянными стойками, и громко орали песни. На углу я прочел название улицы: де-Лурсин.

Виталис, казалось, хорошо знал, куда шел; он осторожно пробирался между людьми, стоявшими на дороге. Я шел по его пятам и для большей уверенности держался за край его куртки.

Пройдя двор и подворотню, мы очутились в каком-то мрачном колодце, куда, верно, никогда не проникало солнце. Хуже и отвратительнее этого места я ничего в своей жизни не видел.

– Дома ли Гарафоли? – спросил Виталис какого-то человека, который, светя себе фонариком, развешивал на стене тряпки.

– Откуда я знаю! Подите и посмотрите сами. Его дверь на самом верху, против лестницы.

– Гарафоли это тот падроне, о котором я тебе говорил, – объяснил мне Виталис, поднимаясь по лестнице, ступеньки которой были так скользкие и грязные, словно они были вырыты в сырой глине. – Он живет здесь.

Улица, дом, лестница уже внушали отвращение. Каков же будет хозяин?

Поднявшись на четвертый этаж, Виталис без стука открыл дверь, которая выходила на площадку, и мы очутились в большой комнате, похожей на просторный чердак. Середина ее была пуста, а по стенам стояло двенадцать кроватей. Стены и потолок, когда-то белые, стали теперь от копоти, пыли и грязи совсем неопределенного цвета, штукатурка местами отвалилась. На одной из стен рядом с нарисованной углем головой были изображены цветы и птицы.

– Гарафоли, вы дома? – спросил Виталис входя. – Я никого не вижу. Ответьте, пожалуйста, с вами говорит Виталис.

Комната, освещенная тусклой лампой, висевшей на стене, казалась пустой, но на слова моего хозяина откликнулся слабый детский голос:

– Синьора Гарафоли нет дома, он вернется через два часа.

К нам подошел мальчик лет десяти. Он еле тащился, и я был так поражен его странным видом, что даже сейчас, столько лет спустя, вижу его перед собой. Казалось, у него не было туловища, а непомерно большая голова сидела прямо на ногах, как это часто изображают на карикатурах. Лицо его выражало глубокую грусть, кротость и покорность судьбе. Он был некрасив, но его большие кроткие глаза и выразительные губы обладали каким-то особым очарованием.

– Ты уверен, что хозяин вернется через два часа? – спросил Виталис.

– Совершенно уверен, синьор. В этот час мы обедаем, и он сам раздает обед.

– Если он возвратится раньше, скажи ему, что Виталис придет сюда через два часа.

– Через два часа? Хорошо, синьор. Я хотел последовать за Виталисом, но он меня остановил:

– Побудь здесь, ты отдохнешь до моего прихода. Видя, что я испугался, он прибавил:

– Не беспокойся, я вернусь.

Когда на лестнице затих стук тяжелых шагов Виталиса, мальчик обернулся ко мне.

– Ты из нашей страны? – спросил он меня по-итальянски.

Живя с Виталисом, я настолько хорошо выучил итальянский язык, что свободно понимал все, хотя сам на нем не говорил. – Нет, – ответил я по-французски. – Ах, как жаль! – сказал он, печально глядя на меня своими большими глазами. – Я бы хотел, чтобы ты был из нашей страны.

– Из какой страны?

– Из Лукки.⁸ Ты бы тогда сообщил мне какие-нибудь новости.

– Я француз.

– Тем лучше.

– Ты разве больше любишь французов, чем итальянцев?

– Нет. Я говорю: тем лучше для тебя. Потому что итальянец, верно, приехал бы сюда для того, чтобы служить у синьора Гарафоли, а это мало завидная участь.

– Разве синьор Гарафоли такой злой? Мальчик ничего не ответил, но взгляд его был красноречивее слов. Потом, как бы не желая продолжать разговор на эту тему, он повернулся ко мне спиной и направился к большой печке, занимавшей конец комнаты. В печке горел сильный огонь, и на этом огне кипел большой чугунный котел. Желая погреться, я подошел к печке и тут заметил, что этот котел был какой-то особенный. Крышка с узкой трубочкой, через которую выходил пар, была с одной стороны плотно прикреплена к котлу, а с другой заперта на замок.

Я уже понял, что не следует задавать нескромные вопросы относительно Гарафоли, но спросить про котел – это дело другое.

– Почему котел на замке?

– Для того, чтобы я не мог отлить себе супу. Я не мог удержаться от улыбки.

– Тебе смешно? – грустно продолжал он. – Ты, наверное, думаешь, что я страшный обжора. Нет, я просто голоден и от запаха супа становлюсь еще голоднее.

– Неужели синьор Гарафоли морит вас голодом?

– Если ты будешь у него работать, то узнаешь, что здесь не умирают с голоду, но жестоко страдают от него. В особенности страдаю я, потому что таково мое наказание.

– Наказание? Умирать с голоду?

– Да. Об этом я могу рассказать. Если Гарафоли станет твоим хозяином, тебе это может пригодиться. Синьор Гарафоли мой дядя, он взял меня к себе из милости. Надо тебе сказать, что моя мать вдова и очень бедна. Когда Гарафоли в прошлом году приехал в нашу деревню, чтобы набрать себе детей, он предложил матери взять меня с собой. Нелегко было моей матери со мной расставаться. Но что поделаешь, раз это необходимо! А это было необходимо, так как у нее нас шесть человек, и я самый старший. Гарафоли предпочел бы взять моего брата Леонардо, потому что Леонардо очень красив, а я безобразен. Красивому легче зарабатывать деньги, но мать не захотела отдать Леонардо. «Раз Маттиа старший, – решила она, – то пускай он и едет». И вот я уехал с дядей Гарафоли. Представляешь себе, как мне тяжело было покинуть дом, плачущую мать и в особенности маленькую сестренку Кристину, которая очень любила меня. Мне было также очень жаль расставаться с братьями, товарищами и родной деревней.

Я очень хорошо знал, как трудно расставаться с любимым домом, и до сих пор не забыл, как сжалось мое сердце, когда я в последний раз увидел белый чепчик матушки Барберен.

Маленький Маттиа продолжал свой рассказ:

– Когда мы уезжали, я был у Гарафоли один; но через восемь дней нас уже было двенадцать, и мы все отправились во Францию. Ах, какой длинной и печальной показалась мне и моим товарищам эта дорога! В конце концов мы прибыли в Париж. Здесь нас рассортировали: более крепких отобрали для работы печниками и трубочистами, а более слабых заставили играть и петь на улицах. Я оказался недостаточно сильным для того, чтобы

⁸ Лукка – город в центральной части Италии.

надеяться на хорошую выручку от игры на гитаре. Поэтому Гарафоли дал мне двух белых мышек, которых я должен был показывать в подворотнях, и заявил, что я должен приносить домой ежедневно не меньше тридцати су. «Сколько су ты не доберешь до тридцати, – добавил он, столько ударов палкой получишь вечером».

Набрать тридцать су очень трудно, но выносить палочные удары еще труднее, особенно когда тебя бьет Гарафоли. Я делал все, чтобы собрать нужную сумму, и не мог. Не знаю почему, но мои товарищи были счастливее меня. Это выводило из себя Гарафоли. «Какой идиот этот Маттиа!» – говорил он.

Наконец Гарафоли, видя, что колотушками ничего не достигнешь, придумал другое средство. «За каждое недоданное су я буду удерживать одну картошку из твоего ужина, – объявил он мне. – Надеюсь, что твой желудок будет чувствительнее твоей шкуры». Через месяц или полтора после такой голодовки я здорово исхудал. Я сделался бледным – таким бледным, что часто Слышал, как про меня говорили: «Вот ребенок, умирающий с голоду». Меня стали жалеть в нашем квартале, и я частенько получал кусок хлеба или тарелку супа. Это было для меня хорошим временем. Гарафоли не колотил меня больше, а когда он лишал меня картошки за ужином, я не очень огорчился, так как имел уже кое-что на обед. Но раз Гарафоли увидел, как одна торговка фруктами кормила меня супом, и понял, почему я не жалуясь на голод. Тогда он решил не пускать меня больше на улицу, а заставил варить суп и заниматься уборкой комнаты. Но чтобы при готовке супа я не мог попробовать его, он и изобрел этот замок. Утром перед уходом он кладет в котел говядину и овощи, а затем запирает крышку. Я должен следить за тем, чтобы суп кипел. Отлить его через узкую трубку невозможно. С тех пор как я работаю на кухне, я чувствую себя ужасно. Запах горячего супа только увеличивает мой голод. Скажи, очень ли я бледен? Мне никто не говорит правды, а зеркала здесь нет.

Зная, что не следует огорчать больных, говоря им, как они плохо выглядят, я ответил:

– Да нет, ты совсем не бледный!

– Ты говоришь неправду для моего успокоения. Напрасно. Я был бы счастлив, если бы узнал, что я очень бледен и болен. Мне так хочется по-настоящему заболеть!

Я с изумлением посмотрел на него.

– Тебе это непонятно? – спросил он улыбаясь. – Однако это очень просто. Когда человек болен, его или лечат, или дают ему умереть. Если я умру, то не буду больше голодать, меня не будут бить. Если же меня вздумают лечить, то положат в больницу, а попасть в больницу – настоящее счастье!

Я, наоборот, очень боялся больницы; когда я изнемогал от усталости, мне стоило только подумать о больнице, как я уже опять был в силах идти. И потому слова Маттиа сильно поразили меня.

– Если бы ты знал, как чудесно в больнице! – продолжал он. – Я уже лежал однажды. Там есть один врач, высокий блондин, у него всегда в кармане ячменный сахар – правда, ломаный, он дешевле, но от этого не менее вкусный. Сиделки разговаривают ласково: «Сделай так, мой маленький», «Покажи язык, бедняжка». Я очень люблю, когда со мною ласково разговаривают. Моя мама всегда говорила со мною очень ласково. А когда ты начинаешь выздоравливать, тебе дают вкусный бульон, вино. Теперь я только на то и надеюсь, что Гарафоли отправит меня в больницу. К сожалению, я еще не настолько болен, чтобы это мешало Гарафоли, и потому он держит меня дома. Но, на мое счастье, Гарафоли не оставляет своей любимой привычки наказывать. Восемь дней назад он изо всех сил стукнул меня палкой по голове. На этот раз, я думаю, дело мое выгорит: голова у меня распухла. Видишь вот здесь большую белую шишку? Вчера Гарафоли сказал: «Повидимому, опухоль». Не знаю, что значит «опухоль», но по его тону я понял, что это что-то серьезное. Во всяком случае, я очень мучаюсь. У меня такая боль – сильнее, чем зубная! Голова тяжелая, как котел, я чувствую головокружение и дурноту, а ночью, во сне, не могу удержаться от стонов и криков. Я надеюсь, что дня через два-три Гарафоли придется отправить меня в больницу. Своими стонами я мешаю всем спать, а Гарафоли не любит,

когда его беспокоят. Какое счастье, что он так сильно ударил меня палкой! Ну, а теперь скажи откровенно, очень ли я бледен?

Он встал передо мною и посмотрел мне прямо в глаза. Хотя теперь у меня не было причин молчать, но все же я не решился сказать ему прямо, какое ужасное впечатление производили его большие горящие глаза, впалые щеки и бескровные губы.

– Я думаю, что ты действительно серьезно болен и тебе нужно лечь в больницу.

– Наконец-то!

И он попытался шаркнуть своей больной ногой. Затем подошел к столу и принялся его вытирать.

– Хватит разговоров! – заявил он. – Гарафоли сейчас вернется, а у меня еще ничего не готово. Раз ты находишь, что я получил достаточно побоев для того, чтобы лечь в больницу, не стоит добиваться новых.

Он, прихрамывая, ходил вокруг стола и расставлял тарелки и приборы. Я насчитал двадцать тарелок. Значит, у Гарафоли жило двадцать детей. Но кроватей стояло только двенадцать – очевидно, спали по двое. И что это были за кровати! Без простыней, прикрытые одними порыжевшими одеялами, купленными где-нибудь в конюшне, после того как они стали негодными для лошадей.

– Неужели всюду так? – спросил я с ужасом.

– Что всюду?

– Всюду так плохо обращаются с детьми и так плохо кормят?

– Не знаю, я нигде больше не был. Только ты постарайся попасть в другое место.

– Куда же?

– Все равно куда. Думаю, что везде будет лучше, чем здесь.

«Все равно куда» – это очень неопределенно; да и как мне добиться того, чтобы Виталис изменил свое решение?

Пока я об этом думал, дверь отворилась и вошел мальчик. В одной руке он держал скрипку, а в другой нес довольно большую доску, найденную, по-видимому, на стройке.

– Давай сюда твою деревяшку, – обратился Маттиа к вошедшему мальчику.

Но тот быстро спрятал ее за спину:

– Как бы не так!

– Дай! Суп будет вкуснее.

– Ты что думаешь, я тащил ее для супа? У меня за сегодняшний день не хватает четырех су, и взамен их я отдам Гарафоли доску.

– Деревяшка твоя не поможет. Хочешь не хочешь, а тебе придется расплатиться. Настал твой черед!

Маттиа сказал это с такой злобой, словно его радовало наказание, предстоявшее его товарищу. Меня изумило жестокое выражение, появившееся на его кротком лице.

Настал час возвращения воспитанников Гарафоли. После мальчика с деревяшкой пришел другой, а затем еще десять. Входя, каждый вешал свой инструмент на гвоздь, прибитый над постелью. У одного была скрипка, у другого арфа, у третьего флейта или пива.⁹ Тот, кто показывал на улице сурков и морских свинок, загонял их в клетки.

Вскоре на лестнице послышались тяжелые шаги, и я понял, что идет Гарафоли. Неуверенной походкой вошел человек небольшого роста, с воспаленным лицом. На нем был надет не итальянский косном, а обыкновенное серое пальто.

Он первым делом посмотрел на меня; я весь похолодел от этого взгляда.

– Откуда этот парень? – спросил он. Маттиа вежливо передал ему то, о чем просил сообщить Виталис.

– А, значит, Виталис в Париже? Что ему от меня нужно?

– Не знаю, – ответил Маттиа.

⁹ Пива – музыкальный инструмент вроде флейты.

- Я не тебя спрашиваю, а этого малого.
- Виталис должен сейчас прийти. Он вам сам объяснит, что ему надо, вмешался я.
- Вот малый, который знает цену словам. Ты не итальянец?
- Нет, я француз.

Как только Гарафоли вошел, к нему подошли два мальчика и стали возле него, ожидая, когда он кончит разговаривать. Затем один взял у него из рук шляпу и осторожно положил ее на постель, другой подал ему стул. По их почтительному поведению я понял, какой страх внушал к себе Гарафоли, так как не из любви к нему, конечно, они так старались.

Когда Гарафоли уселся, третий мальчик поднес ему набитую табаком трубку, а четвертый подал зажженную спичку.

– Спичка пахнет серой, скотина! – зарычал Гарафоли, когда мальчик поднес ее к трубке.

Гарафоли схватил спичку и бросил ее в печку.

Виноватый, желая исправить свою оплошность, зажег новую спичку, которую заставил долго гореть, прежде чем предложил ее хозяину.

Но тот не захотел принять его услугу.

– Поди прочь, дуралей! – грубо оттолкнул он мальчика. Потом, повернувшись к другому, сказал ему с милостивой улыбкой: – Рикардо, дружок, дай мне спичку.

«Дружок» поспешил выполнить его просьбу.

– Теперь, – сказал Гарафоли, удобно усевшись с зажженной трубкой, займемся нашими счетами, мои милые ангелочки. Маттиа, где книга?

Раньше чем он успел спросить расчетную книжку, Маттиа уже положил перед ним небольшую засаленную тетрадку.

Гарафоли сделал знак мальчику, подавшему необожженную спичку:

– Ты остался мне должен вчера одно су и обещал вернуть его сегодня. Сколько ты принес?

Мальчик долго не решался ответить; он густо покраснел.

– У меня не хватает одного су.

– Что? У тебя не хватает су и ты говоришь об этом совершенно спокойно?

– Я говорю не о вчерашнем су, мне не хватает одного су за сегодняшней день.

– Значит, не хватает двух су. Подобной наглости я еще не видел!

– Право, я не виноват.

– Перестань болтать ерунду, тебе известно наше правило. Снимай куртку: получишь два удара за вчерашнее и два за сегодняшнее. Сверх того, за твою наглость лишаю тебя картошки... Рикардо, дружок, ты так мил, что вполне заслужил это развлечение. Возьми ремень.

Рикардо был тем самым мальчиком, который с такой готовностью подал ему хорошо обожженную спичку. Он снял со стены плетку с короткой ручкой, на конце которой висело два кожаных ремешка с большими узлами. Тем временем тот, у кого не хватало двух су, снял курточку и спустил до пояса рубашку.

– Подожди немного, – с отвратительной усмешкой остановил его Гарафоли. Ты вряд ли окажешься в одиночестве, а в компании все гораздо приятнее. К тому же и Рикардо не придется приниматься за дело несколько раз.

Дети, молча и неподвижно стоявшие перед своим хозяином, при этой жестокой шутке засмеялись каким-то деланным смехом.

– Я уверен, что у того, кто громче всех смеется, не хватает всего больше. Ну, кто из вас смеялся громче других? – спросил Гарафоли.

Все указали на мальчика, вернувшегося первым и принесшего кусок дерева.

– Сколько у тебя не хватает?

– Я, право, не виноват...

– Отныне тот, кто ответит: «Я, право, не виноват», получает одним ударом плетки больше, чем ему полагается. Сколько у тебя не хватает?

- Я принес доску, большую, хорошую доску...
- Важное дело! Пойди к булочнику и спроси его, даст ли он тебе хлеба в обмен на твой кусок дерева. Увидишь, что нет. Сколько же тебе не хватает? Говори!
- У меня тридцать шесть су.
- Тебе не хватает четырех су, мерзавец, целых четырех су! И ты осмелился показаться мне на глаза! Рикардо, тебе везет, плутишка, ты здорово позабавишься. Снимай куртку.
- А деревяшка, которую я принес...
- Оставь ее себе на обед!

Его глупая шутка вызвала смех остальных детей. Во время этого разговора вернулись еще десять мальчиков, и все они поочередно подходили отдавать отчет в своем заработке. К двум наказанным прибавилось еще трое – у них совсем ничего не было собрано.

– Вот пятеро негодяев, которые обворовывают и грабят меня! – заорал Гарафоли. – Вот что значит быть добрым! Чем я буду платить за прекрасное мясо и вкусную картошку, которыми я вас кормлю, если вы не будете работать? Но вам лень работать, паршивцы, вам хочется развлекаться. Вам бы следовало плакать, чтобы разжалобить людей, а вы предпочитаете смеяться и играть друг с другом. Снимайте куртки!

Рикардо держал плетку в руке, а пятеро наказанных выстроились перед ним в ряд.

– Ты ведь знаешь, Рикардо, – обратился к нему Гарафоли, – что эти наказания ужасно терзают мое сердце и потому я не люблю на них смотреть; но помни, что я все слышу и по звуку могу судить о силе твоих ударов. Старайся изо всех сил, мой миленький, ты зарабатываешь свой хлеб.

Он отвернулся к печке, сделав вид, что не в силах смотреть на происходящее. Забытый всеми, я стоял, прижавшись в углу, и дрожал от возмущения и страха. И этот человек будет моим хозяином! Если я не принесу ему назначенных тридцати или сорока су, мне тоже придется подставлять спину под удары плетки. Теперь я понял, отчего Маттиа так спокойно говорил о смерти и даже ждал ее как освобождения.

При первом ударе плетки слезы брызнули у меня из глаз. Я думал, что обо мне забыли, но я ошибался. Гарафоли украдкой наблюдал за мной.

– Вот ребенок с добрым сердцем, – сказал он, указывая на меня пальцем. Он не похож на вас, разбойники: вы смеетесь над несчастьем ваших товарищей и над моим огорчением также. Если он станет вашим товарищем, то может служить вам примером.

От слов «станет вашим товарищем» я задрожал с головы до ног.

После второго удара послышался жалобный стон, а после третьего душераздирающий крик. Гарафоли поднял руку, Рикардо остановился. Я решил, что он хочет их простить, но дело шло вовсе не о прощении.

– Ты знаешь, как действуют на мои нервы твои крики, – кротко произнес Гарафоли, обращаясь к своей жертве. – Плетка дерет твою кожу, а твои вопли раздирают мое сердце. Предупреждаю тебя, что за каждый новый крик ты получишь лишний удар и сам будешь в этом виноват. Подумай, ведь я могу заболеть от огорчения, и если у тебя есть хоть капля привязанности или благодарности ко мне, ты не станешь орать! Рикардо, начинай!

Рикардо поднял руку, и плетка заходила по спине несчастного.

– Мама! Мама! – зарыдал он.

К счастью, я больше ничего не видел: дверь открылась и вошел Виталис.

С одного взгляда он понял, что означали крики, которые он слышал, поднимаясь по лестнице. Он подбежал к Рикардо и вырвал у него плетку. Потом, быстро повернувшись к Гарафоли, стал перед ним, скрестив руки. Все это произошло так внезапно, что Гарафоли остолбенел. Но, мгновенно оправившись, он произнес со сладкой улыбкой:

– Ужасно, не правда ли? У этого ребенка совсем нет сердца.

– Какой позор! – вскричал Виталис.

– Я с вами согласен, – перебил его Гарафоли.

– Перестаньте кривляться, – продолжал гневно Виталис. – Вы прекрасно знаете, что я говорю не об этом мальчике, а о вас. Да, это стыдно и подло мучить детей, беззащитных

детей!

– А какое вам дело, старый дурак? – спросил Гарафоли, сразу изменив тон.

– Конечно, это дело не мое, а полиции.

– Полиции! – закричал Гарафоли, поднявшись с места. – Вы мне угрожаете полицией?

– Да, я, – ответил мой хозяин, нисколько не испугавшись бешенства Гарафоли.

– Послушайте, Виталис, – насмешливо обратился к нему Гарафоли, – не следует злиться и угрожать мне, ведь я тоже о чем-то могу рассказать, и вряд ли вам это понравится. Конечно, я не пойду в полицию – эти дела ее не касаются. Но есть люди, которые вами интересуются, и если я им перескажу то, что знаю, если я назову им одно имя, одно только имя, не вам ли придется краснеть от стыда?

Хозяин мой ничего не ответил. Ему краснеть от стыда? Я был поражен. Но прежде чем я опомнился от изумления, в которое меня ввергли эти загадочные слова, Виталис схватил меня за руку и потащил к двери.

– Право, старик, – сказал Гарафоли со смехом, – не будем ссориться! Вы хотели со мной о чем-то поговорить?

– Мне больше не о чем с вами разговаривать. И, ничего не прибавив, даже не обернувшись, Виталис начал спускаться по лестнице, крепко держа меня за руку. С какой радостью я следовал за ним! Я спасся от Гарафоли. Если бы я смел, я бы кинулся Виталису на шею!

ГЛАВА XVII. КАМЕНОЛОМНЯ ЖАНТИЛЬИ

Пока мы шли по людной улице, Виталис молчал; а когда мы оказались в пустынном переулке, он сел на тротуарную тумбу и в замешательстве несколько раз провел рукой по лбу.

– Очень хорошо быть великодушным, – промолвил он, как бы обращаясь к самому себе, – но что нам делать, не знаю. Мы очутились на мостовой Парижа без единого су в кармане и с пустым желудком. Ты очень голоден?

– Кроме той маленькой корочки, которую вы мне дали сегодня утром, я ничего не ел.

– Ну что ж, придется обойтись без обеда; лишь бы только найти, где переночевать.

– Вы рассчитывали переночевать у Гарафоли?

– Я думал, что ты там останешься, а я возьму у него франков двадцать и таким образом выпутаюсь из положения. Но, увидев, как он жестоко обращается с детьми, я не мог сдержаться. Ты, вероятно, очень рад, что я не оставил тебя у Гарафоли?

– Какой вы добрый!

– Да, сердце старого бродяги, оказывается, еще не совсем очерствело, и это нарушило все мои планы. Куда мы теперь денемся, я не знаю.

Было уже поздно; мороз усиливался и становился нестерпимым. Дул северный ветер.

Виталис долго сидел на тумбе, а я и Капи стояли перед ним, ожидая его решения. Наконец он поднялся.

– Куда мы пойдем?

– В Жантильи; постараемся отыскать каменоломню, где я когда-то ночевал. Ты очень устал?

– Нет, я отдохнул у Гарафоли.

– К несчастью, я нигде не отдыхал и совсем выбился из сил. Надо идти. Вперед!

И вот мы снова идем по улицам Парижа. Ночь темная, газ плохо освещает дорогу, так как ветер задувает огни фонарей. На каждом шагу мы скользим по обледеневшему тротуару. Виталис держит меня за руку, Капи бежит сзади. По временам он отстает, стараясь отыскать в куче отбросов кость или корку хлеба, но отбросы покрыты льдом, и его поиски безуспешны. С грустным видом Капи догоняет нас.

Большие улицы сменяются переулками; затем снова тянутся большие улицы, а мы все идем и идем, и редкие прохожие с удивлением смотрят на нас. Что привлекало их внимание:

наша странная одежда или наш усталый вид? Полицейские оборачивались и пристально смотрели нам вслед. Виталис молча, согнувшись, шел вперед. Несмотря на холод, рука его горела в моей руке. Иногда он останавливался и опирался на мое плечо. Тогда я чувствовал, что все его тело дрожит.

– Вы больны, – сказал я ему во время одной из таких остановок.

– Боюсь, что да. Во всяком случае, ужасно устал. Переходы последних дней были слишком утомительны, а сегодняшней холод чересчур жесток для моих старых костей. Мне так нужны сейчас теплая кровать и горячий ужин... Но все это пустые мечты. Вперед!

Мы уже вышли из города и теперь шли то вдоль каких-то стен, то по пустынной сельской местности. Не стало прохожих и полицейских, исчезли фонари и газовые рожки. Все более резкий и сильный ветер дул нам в спину, а так как у моей куртки рукавов не было, то он проникал в отверстия пройм, и руки у меня замерзли.

Несмотря на то что было темно и дороги пересекались на каждом шагу, Виталис шел уверенно, очевидно зная, куда идет. Поэтому я без колебания следовал за ним и беспокоился только о том, скоро ли мы придем в каменоломню. Вдруг Виталис остановился:

– Видишь ли ты впереди деревья?

– Нет, не вижу.

– И там ничего не чернеется?

Я осмотрелся по сторонам. По-видимому, мы находились среди равнины. Кругом было пусто; только ветер свистел в невидимых глазу кустах.

– Ах, если б у меня были твои глаза! – грустно произнес Виталис. – Я очень плохо вижу. Посмотри-ка еще туда.

– Уверю вас, там нет никаких деревьев.

– Значит, мы не туда попали. Пройдем немного вперед и, если не увидим деревьев, вернемся обратно. Возможно, я ошибся дорогой.

Теперь, когда я понял, что мы, по всей вероятности заблудились, я почувствовал сильную усталость. Виталис дернул меня за руку:

– Ну, что ж ты?

– Я не могу больше идти. – А я разве могу нести тебя? Я держусь на ногах только потому, что если мы сядем, то уже больше не встанем и замерзнем. Идем!

Я поплелся за ним.

– Есть на дороге глубокие колеи?

– Никаких колеи нет.

– Надо вернуться обратно.

Ветер, который прежде дул в спину, теперь подул нам в лицо с такой силой, что я стал задыхаться. Мы не могли идти быстро, даже когда шли вперед, но теперь, в обратном направлении, двигались еще медленнее.

– Как только увидишь колеи, скажи мне, – произнес Виталис. – Там еще должны быть кусты терновника.

С четверть часа мы шли в обратном направлении. Наши шаги гулко раздавались в ночной тьме. Хотя я сам с трудом передвигал ноги, мне приходилось теперь тащить Виталиса. Вдруг маленькая красная звездочка загорелась в темноте.

– Свет! – обрадовался я, указывая на нее рукой.

– Что нам до этого огонька! – воскликнул Виталис. – Это горит лампа на столе у какого-нибудь бедного труженика. В деревне ночью можно постучаться в любую дверь, но в окрестностях Парижа это бесполезно. Нас никто не впустит. Идем!

Мы прошли еще несколько минут, и я заметил впереди какие-то темные очертания – по-видимому, кусты терновника. Дорога была изрыта глубокими колеями.

– Наконец-то терновник! А вот и колеи, – обрадовался я.

– Мы спасены. Каменоломня отсюда в пяти минутах ходьбы. Посмотри хорошенько, тут должны быть деревья.

Мне показалось, что я вижу какие-то темные очертания, и я решил, что это деревья.

– Куда ведут колеи?
– Они идут прямо.
– Вход в каменоломню находится слева. Мы прошли мимо, не заметив его. В такой темноте очень легко ошибиться.

И мы снова пошли обратно.

– Ты видишь деревья?

– Да, вижу, налево.

– А колеи?

– Их там нет.

– Что я – ослеп, что ли? – сказал Виталис. – Дай мне руку, и пойдем прямо на деревья.

– Здесь высокая стена.

– Не может быть!

– Уверяю вас, здесь стена.

Проверить, кто из нас был прав, было нетрудно. Мы находились от стены всего в нескольких шагах, и Виталис руками мог ощупать то, что я считал стеной, а он – грудой камней.

– Действительно, стена: камни уложены рядами, и я чувствую известку. Но где же вход? Ищи колеи!

Я прошел до конца стены, потом, вернувшись к Виталису, продолжил свои поиски с другой стороны, но так же безрезультатно. Всюду – сплошная стена, а на земле никаких следов, указывающих на вход.

Положение было отчаянное. Очевидно, Виталис заблудился.

– Надо ли искать дальше?

– Нет! Совершенно ясно, что вход в каменоломню заделан.

– Что же нам делать?

– Не знаю... Умирать.

– О нет!

– Ты, конечно, не хочешь умирать: ты молод и Жизнь тебе дорога. Тогда пойдем!

– Куда же?

– Вернемся в Париж. Дойдем до первого полицейского и попросим его отвести нас в участок. Мне этого очень не хотелось, но я не могу допустить, чтобы ты замерз. Идем же, Реми, идем, мой дорогой мальчик! Мужайся.

И мы двинулись в обратный путь. Который был час? Полночь, а может быть, и больше. Ветер не стих, а дул еще сильнее. Он поднимал снежную пыль и хлестал ею прямо в лицо. Дома, мимо которых мы проходили, были заперты и темны. Мне казалось, что если бы люди, спящие там под теплыми одеялами, знали, как нам холодно они впустили бы нас к себе.

Виталис задыхался и еле шел. Когда я его о чем-нибудь спрашивал, он мне не отвечал, а жестом давал понять, что не в силах разговаривать.

Из пригорода мы снова попали в город и теперь шли между стенами, на которых там и сям качались уличные фонари. Вдруг Виталис остановился, и я понял, что он больше не в состоянии двигаться.

– Разрешите, я постучусь в одну из дверей! – попросил я его.

– Не надо, нам не откроют. Здесь живут садовники и огородники. Они не встанут ночью. Идем дальше. Пройдя несколько шагов, Виталис снова остановился.

– Надо немного передохнуть... Я больше не могу. Мы находились у какой-то калитки, которая вела в сад. За забором возвышалась огромная куча навоза, покрытого соломой, как это часто бывает в садах огородников. Ветер высушил верхний слой соломы и разметал ее по улице, у забора.

– Я сяду здесь, – с трудом проговорил Виталис. – Вы же сами сказали, что если мы сядем, то замерзнем и уже больше не встанем!

Ничего не отвечая, Виталис знаком приказал мне набрать соломы и скорее упал, чем сел на эту подстилку. Зубы его стучали, все тело дрожало.

– Принеси еще соломы, а куча навоза будет защищать нас от ветра.

Когда я собрал в кучу всю солому, какую смог найти я уселся на нее рядом с Виталисом. – Прижмись ко мне и положи на себя Капи, он будет тебя согревать.

Виталис, как опытный человек, прекрасно понимал, что при таком холоде мы почти наверняка замерзнем, и решил сесть только потому, что совершенно выбился из сил. Сознал ли он свое тяжелое положение? Я так и не узнал этого. Но в тот момент, когда я, накрывшись соломой, прижался к нему, он наклонился и поцеловал меня. Это был его второй, и последний, поцелуй.

В кровати даже небольшой холод мешает уснуть, но под открытым небом сильный мороз охватывает оцепенением и нагоняет сон. Так произошло с нами. Как только я прижался к Виталису, я тотчас же впал в забытие и глаза мои закрылись. Я делал невероятные усилия, чтобы их открыть, и не мог; тогда я ущипнул себя за руку. Хотя кожа была почти нечувствительна, я все же почувствовал слабую боль. Ко мне вернулось сознание. Виталис сидел, прислонившись спиной к калитке, прерывисто и тяжело дыша. Капи, свернувшись на моей груди, сладко спал. Ветер дул по-прежнему и заносил нас обрывками соломы, которые падали, как сухие листья слетевшие с дерева. На улицах – ни души. Около нас и вдали – мертвая тишина.

Мне сделалось жутко. Неопределенный страх и какая-то грусть вызвали слезы на моих глазах. Мне казалось, что я должен здесь умереть. Мысль о смерти перенесла меня в Шаванон. Бедная матушка Барберен! Я умру и никогда не увижу ее, нашего домика и моего милого садика... Непонятным образом воображение перенесло меня в этот садик. Весело блистало солнце, было жарко. Распускались желтые нарциссы, дрозды пели в кустах, и на изгороди терновника матушка Барберен вешала белье, которое она только что выстирала в ручье, журчавшем среди камней. Затем внезапно я очутился на «Лебеде». Артур спал в своей кровати, но госпожа Миллиган не спала и, слушая завыванье ветра, думала о том, где я нахожусь в этот мороз. Потом мои глаза снова закрылись, сердце замерло, и я потерял сознание.

ГЛАВА XVIII. ЛИЗА

Когда я пришел в себя, то увидел, что лежу в постели в какой-то незнакомой мне комнате. Я огляделся по сторонам. Яркое пламя очага освещало людей, стоявших возле моей кровати: мужчину в серой куртке и четверых детей – двух мальчиков и двух девочек. Младшая девочка, лет пяти-шести, не спускала с меня своих удивленных выразительных глаз. Я приподнялся. Ко мне тотчас же подошли.

– Виталис... – произнес я слабым голосом.

– Он зовет своего отца, – сказала девочка, по-видимому, старшая из детей.

– Нет, это не отец, а мой хозяин. Где он? Где Капи?

Если бы Виталис оказался моим отцом, мне побоялись бы сразу сообщить о случившемся. Но, узнав, что он был только моим хозяином, они рассказали мне следующее.

Калитка, возле которой мы свалились, вела в сад к садовнику. Около двух часов ночи садовник, собираясь ехать на рынок, открыл ее и увидел каких-то лежавших под соломой людей. Он попросил их встать, чтобы дать проехать тележке. В ответ послышался лай Капи, но ни один из нас не шевельнулся. Нас пробовали растолкать, но мы не двигались. Тогда решили, что дело неладно. Принесли фонарь и увидели, что Виталис мертв, а я чуть жив. Только благодаря Капи, который лежал на моей груди и этим немного согревал меня, я не замерз окончательно и еще дышал. Меня отнесли в дом садовника и положили в постель. Шесть часов я не приходил в сознание. Затем кровообращение восстановилось, и я очнулся. Несмотря на мое тяжелое состояние, я сразу понял весь ужас случившегося. Виталис умер!

Пока человек в серой куртке – это и был сам садовник – рассказывал мне обо всем, маленькая девочка не спускала с меня глаз. Когда ее отец сообщил, что Виталис умер, она поняла, каким ударом была для меня эта новость. Быстро подбежав к отцу, она схватила его

за руку, а другой рукой указала на меня, издав при этом какой-то странный звук. Это были не слова, а скорее нежный вздох, полный сострадания. Впрочем, жест ее был настолько красноречив, что слова были излишни. Я почувствовал в ее взгляде большую симпатию и, впервые после разлуки с Артуром, испытал неизъяснимое чувство доверия и нежности, как в те времена, когда на меня ласково смотрела матушка Барберен.

– Что поделаешь, моя маленькая Лиза, – сказал отец, наклоняясь к девочке, – необходимо было сказать ему правду! Все равно это сделала бы полиция.

Из его дальнейшего рассказа я узнал, что пришлось позвать полицейских и те унесли Виталиса.

– А где Капи? – спросил я садовника, когда тот замолчал.

– Капи?

– Да, Капи, наша собака.

– Не знаю, она исчезла.

– Нет, она побежала за носилками, – заметил кто-то из детей.

Садовник и дети вышли в соседнюю комнату и оставили меня одного. Я машинально встал. Моя арфа лежала в ногах постели. Я надел ремень на плечо и тоже направился в соседнюю комнату. Нужно было уходить, но куда? Я этого не знал, но чувствовал, что уходить надо. Прежде всего, живого или мертвого, я должен был увидеть Виталиса.

Лежа в постели, я ощущал только сильную ломоту и головную боль, но когда я встал на ноги, то почувствовал такую слабость, что принужден был ухватиться за стул. Передохнув минутку, я толкнул дверь и очутился перед садовником и его детьми.

Они сидели за столом возле очага, в котором ярко горел огонь, и обедали. Запах супа напомнил мне о том, что я уже давно ничего не ел. Мне стало нехорошо, и я пошатнулся.

– Тебе плохо? – спросил садовник соболезнующим тоном.

Я ответил, что чувствую себя слабым и прошу разрешения минуточку посидеть возле огня. Но я не столько нуждался в тепле, сколько в пище. Запах супа, стук ложек, чавканье обедавших еще больше увеличивали мою слабость.

Если бы у меня хватило смелости, я бы попросил себе тарелку супа. Но я скорее умер бы от голода, нежели признался в том, что мне хочется есть. Маленькая девочка, которую отец называл Лизой, сидела напротив меня и, вместо того чтобы есть, пристально смотрела на меня.

Вдруг она встала из-за стола и, взяв свою тарелку с супом, принесла ее мне. У меня не было сил говорить, и потому я хотел рукой отстранить ее, но отец Лизы не дал мне этого сделать.

– Кушай, мальчик! Если Лиза что-нибудь предлагает, она это делает от всего сердца. Кушай, а если будет охота, ешь и вторую.

Я в несколько секунд проглотил суп. Когда я положил ложку, Лиза, стоявшая и упорно глядевшая на меня, тихонько вскрикнула, но на этот раз это было похоже не на вздох, а на выражение удовольствия. Потом, взяв тарелку, она протянула ее отцу, а когда тот налил ее до краев, снова передала ее мне с такой нежностью и ободряющей улыбкой, что я, несмотря на свой голод, на мгновение забыл о супе.

Как и в первый раз, я быстро опустошил тарелку. Улыбка, с которой дети смотрели на меня, сменилась откровенным смехом.

– Да у тебя, оказывается, превосходный аппетит! – заявил садовник.

Я почувствовал, что краснею до корней волос. Боясь показаться обжорой, я ответил ему, что вчера не обедал.

– Но ты завтракал?

– И не завтракал.

– А твой хозяин?

– Он также ничего не ел.

– Значит, он умер не только от холода, но и от голода.

Еда подкрепила меня. Я встал, собираясь уйти.

- Куда ты идешь? – спросил меня садовник.
- Я хочу увидеть еще раз Виталиса.
- У тебя есть друзья в Париже?
- Нет.
- Земляки?
- Тоже нет.
- Где вы остановились?
- Нигде. Мы только вчера пришли в Париж.
- Что ты будешь делать?
- Играть на арфе, петь песенки и этим зарабатывать на хлеб.
- Лучше вернись на родину, к своим родителям.
- У меня нет родителей.
- Ты сказал, что умерший старик тебе не отец.
- Родного отца у меня нет, но Виталис был для меня настоящим отцом.
- А где твоя мать?
- У меня нет матери.
- Тогда у тебя есть родные: дядя, тетка, двоюродные братья или сестры? Кто-нибудь же есть?
- Никого нет.
- Откуда же ты?
- Хозяин нанял меня у мужа моей кормилицы. Вы были очень добры ко мне, и я благодарю вас от всего сердца. В воскресенье я приду к вам и сыграю на арфе. Дети могут потанцевать, если пожелают.
- С этими словами я направился к двери. Но едва я сделал несколько шагов, как Лиза взяла меня за руку и, улыбаясь, показала на арфу.
- Ты хочешь, чтобы я сыграл?
- Она кивнула головкой и весело захлопала в ладоши.
- Ну что ж, – согласился отец, – сыграй ей что-нибудь.
- Я взял арфу и, несмотря на то что на сердце у меня было очень тяжело, начал играть тот красивый вальс, который исполнял довольно бегло. Мне хотелось доставить удовольствие этой маленькой девочке с такими ласковыми глазами.
- Вначале она только слушала, пристально глядя на меня, а потом начала отбивать такт ножками. Затем, как бы подхваченная музыкой, принялась кружиться по кухне. Она не умела танцевать и не делала обычных па, но грациозно и весело кружилась в такт музыке.
- Сидя у камина, отец не сводил с нее глаз. Он казался растроганным и хлопал в ладоши. Когда я окончил вальс и остановился, Лиза подошла ко мне и очень мило сделала мне реверанс. Потом, постучав пальчиками по арфе, она этим попросила меня сыграть еще.
- Тогда я начал играть и петь ту неаполитанскую песенку, которой меня научил Виталис.
- При первых аккордах Лиза опять встала передо мной. Губы ее шевелились, как будто она про себя повторяла слова. Когда я запел последний, особенно грустный куплет, она отступила на несколько шагов и с плачем бросилась к отцу.
- Довольно, – сказал тот.
- Тогда я повесил арфу на плечо и направился к двери.
- Куда ты собираешься идти? – снова спросил меня садовник.
- Сначала хочу увидеть Виталиса, а затем буду делать то, чему он меня научил: играть на арфе и петь.
- Так ты решил продолжать это занятие?
- Ничего другого я не умею делать.
- Тебя не пугают большие дороги?
- У меня нет дома.
- Неужели ночь, которую ты только что пережил, не заставит тебя одуматься?
- Мне бы, конечно, хотелось иметь свой теплый угол и спать на кровати, но ничего не

поделаешь.

– Ну что ж, ты можешь иметь и то и другое. Оставайся у нас. Конечно, тебе придется много трудиться: рано вставать, целый день работать киркой, – одним словом, в поте лица зарабатывать кусок хлеба. Но зато тебе не придется ночевать под открытым небом, рискуя умереть где-нибудь под забором. А когда ты будешь есть свою похлебку, она покажется тебе особенно вкусной потому, что ты сам ее заработал. Мне кажется, что ты хороший мальчик и мы полюбим тебя как родного.

Удивленный этим предложением, я не сразу понял, в чем дело.

– Ну что же, решай, подходит это тебе? – спросил садовник.

Я находился в отчаянном положении. Только что умер человек, с которым я прожил несколько лет и который относился ко мне как родной отец. Я лишился и своего любимого друга – умного, доброго Капи. Предложение садовника принять меня в свою семью утешило и ободрило меня. Значит, не все для меня потеряно и я могу начать новую жизнь.

Меня очень привлекала возможность жить в семье: эти мальчики станут моими братьями, хорошенькая малютка Лиза будет моей сестрой.

В моих мечтах я не раз представлял себе, что нахожу родителей, но я ни разу не подумал о том, что у меня могут быть братья и сестры. И вот теперь я мог их иметь.

Я быстро скинул с плеча ремень арфы.

– Это достаточно красноречивый ответ, – улыбнулся садовник. – Вижу, мое предложение тебе понравилось. Повесь арфу вот сюда, на гвоздь, а в тот день, когда ты захочешь уйти от нас, ты ее снимешь. Только, по примеру ласточек и соловьев, выбирай подходящее время года, чтобы пуститься в путь.

– Я уйду от вас только для того, чтобы разыскать Виталиса.

– Правильно, – согласился садовник.

Дом, у калитки которого мы свалились, принадлежал садовнику по фамилии Акен. В то время, когда я попал к нему, вся его семья состояла из пяти человек: отца, двух сыновей – Алексиса и Бенжамена и двух дочерей – Этьеннеты и самой младшей, Лизы.

Лиза была немая, но немая не от рождения. Она потеряла дар речи после какой-то болезни в возрасте четырех лет. Это несчастье не повлияло на ее умственные способности; напротив, она была очень развита и не только все понимала, но и могла хорошо объясняться жестами. В бедных семьях, да и вообще во многих семьях, больной ребенок часто бывает брошен и нелюбим. Но Лиза благодаря своему мягкому и доброму характеру избежала этой участи. Братья относились к ней так, что она не чувствовала своего несчастья, отец не мог на нее наглядеться, старшая сестра ее обожала.

Матери у них не было. Жена садовника умерла через год после рождения Лизы, и с того дня старшая сестра Этьеннета заменила в семье мать. Она не могла посещать школу: ей нужно было готовить пищу, чинить одежду отца и братьев, нянчить маленькую Лизу. Несмотря на то что Этьеннета сама была еще ребенком, ей приходилось работать целый день, вставать рано, чтобы приготовить завтрак для отца, отправляющегося на рынок; ложиться поздно, позже всех, так как после ужина надо было убрать посуду и постирать белье; летом в свободные минуты она еще занималась поливкой цветов, а зимой вставала ночью и накрывала посадки соломой, чтобы они не замерзли. Все эти заботы не оставляли Этьеннете времени на то, чтобы играть и смеяться, как другие дети. В четырнадцать лет ее кроткое, милое личико было уже задумчивым и печальным.

Повесив арфу на указанное место, я начал рассказывать о том, как мы, усталые и голодные, возвращались в Париж, не найдя приюта в каменоломне Жантильи. Внезапно я услышал, что кто-то скребется в наружную дверь, а затем раздался жалобный визг.

– Капи! – воскликнул я.

Лиза быстро подбежала к двери и открыла ее. Капи бросился ко мне и, когда я взял его на руки, стал с радостным визгом лизать мне лицо. Он весь дрожал.

– А как же быть с Капи? – спросил я у Акена.

– Капи останется с тобой.

Капи, как бы поняв наши слова, соскочил на землю и поклонился, прижав лапку к груди. Это сильно рассмешило всех детей, особенно Лизу, и чтобы их позабавить, я хотел заставить Капи показать какой-нибудь из его фокусов. Но Капи меня не послушался. Прыгнув мне на колени, он сперва начал ласкаться, а затем потянул меня за рукав курточки.

– Капи требует, чтобы я пошел с ним.

– Он хочет отвести тебя к твоему хозяину. Полицейские, которые унесли Виталиса, сказали, что им нужно расспросить меня и что они придут днем, когда я отогреюсь и проснусь. Но мне не терпелось поскорее узнать все о Виталисе. Быть может, он вовсе не умер, как предполагали?

Видя мое беспокойство и угадывая его причину, Акен сам свел меня в полицейский участок. Там ко мне обратились с вопросами, на которые я стал отвечать только после того, как убедился, что Виталис умер. Относительно себя я сказал, что родителей у меня нет и что Виталис нанял меня у мужа моей кормилицы, заплатив ему какую-то сумму денег.

– А что ты будешь делать теперь? – спросил меня полицейский комиссар. Здесь вмешался Акен:

– Я возьму его к себе в семью, если вы разрешите.

Комиссар не только охотно дал садовнику это разрешение, но еще и поблагодарил его за доброе дело.

После этого полицейский комиссар предложил мне рассказать все, что я знал о Виталисе. Мне это было довольно трудно – я ведь и сам почти ничего не знал о его прошлом. Единственным фактом, поразившим меня в свое время, было восхищение молодой дамы, вызванное пением Виталиса. Но тут мне вспомнились угрозы Гарафоли, и я подумал, что не следует раскрывать тайну Виталиса, если он сам скрывал ее при жизни.

Но разве легко ребенку утаить что-нибудь от полицейского комиссара? Эти люди так ловко умеют допрашивать! Через пять минут комиссар заставил меня рассказать все, что я пытался скрыть.

– Надо свести мальчика на улицу де-Лурсин, – приказал он полицейскому. Вы подниметесь с ним наверх и подробно расспросите Гарафоли.

Мы пошли втроем: полицейский, Акен и я. Я сразу узнал дом и легко нашел дверь на четвертом этаже. Маттиа там не оказалось – по всей вероятности, он уже находился в больнице.

Увидев полицейского и меня, Гарафоли испугался и побледнел, но быстро успокоился, когда узнал, в чем дело.

– Значит, бедный старик умер? – спросил он.

– Вы его знали?

– Очень хорошо.

– Тогда расскажите все, что вы о нем знаете.

– Его звали не Виталисом, а Карло Бальзани. Если бы вы жили в Италии лет тридцать пять – сорок тому назад, одно это имя сказало бы вам все. Карло Бальзани был знаменитым певцом и пользовался огромным успехом. Он пел на всех европейских сценах: в Неаполе, в Риме, в Милане, в Венеции, во Флоренции, в Лондоне и в Париже. В один несчастный день артист потерял голос и не смог оставаться в театре. Однако надо было как-то жить. Он перепробовал несколько профессий, но ему не везло. Постепенно опускаясь все ниже и ниже, он сделался дрессировщиком собак. Он очень гордился своим прошлым и скорее умер бы, чем допустил, чтобы люди узнали о том, что блестящий певец Карло Бальзани превратился в нищего Виталиса.

Вот какова была разгадка той тайны, которая так сильно интересовала меня!

Бедный Карло Бальзани – мой добрый, любимый, дорогой Виталис!

ГЛАВА XIX. Я РАБОТАЮ САДОВНИКОМ

Виталиса должны были хоронить завтра утром, и садовник Акен обещал взять меня на

похороны. Но на следующий день, к моему большому огорчению, я не мог подняться с постели. Ночью у меня началась сильная лихорадка. Мне казалось, что у меня в груди огонь и что я так же болен, как Душка после ночи, проведенной на дереве.

За время моей болезни я понял и оценил всю доброту семьи Акенов и в особенности самоотверженность Этьеннеты. Хотя бедные люди обычно не приглашают врача, но я был так сильно болен, что для меня сделали исключение. Врач нашел у меня воспаление легких и заявил, что меня надо отправить в больницу.

Однако садовник на это не согласился.

– Раз мы взяли его в свою семью, – ответил он, – то мы и обязаны выходить его.

Несмотря на многочисленные дела и заботы по хозяйству, Этьеннета ухаживала за мной с кротостью и умением настоящей сиделки, никогда не проявляя нетерпения и ни о чем не забывая. Если ей надо было куда-нибудь отлучиться, она оставляла вместо себя Лизу.

Несколько ночей пришлось неотлучно дежурить возле меня, так как мне было совсем плохо – я задышался. Тогда мальчики по очереди сидели около моей постели.

Не скоро наступило выздоровление. Поправлялся я очень медленно, и только весной мне разрешили наконец выходить из дому. В полдень, когда солнце стояло высоко в небе, мы с Лизой выходили из дому и в сопровождении Капи шли гулять на берег реки. Весной трава здесь густая и свежая, на ее изумрудном ковре пестреют белые звездочки маргариток, а в распускающейся листве деревьев порхают птички: дрозды, садовые славки, зяблики – и своим щебетаньем говорят о том, что мы находимся в деревне, а не в городе.

В этот год была прекрасная и теплая весна, по крайней мере, такой она мне запомнилась.

Но вот силы мои восстановились настолько, что я начал работать в саду. Я с нетерпением ждал этой минуты, так как мне хотелось как можно скорее отблагодарить Акенов за все, что они для меня сделали.

В это время года на рынках Парижа обычно продают левкои, и вся семья была занята их выращиванием. Наш сад был полон этими прелестными цветами. Красные, белые, лиловые, всевозможных цветов и оттенков, они выглядели очень красиво. Вечером, пока их не закрывали рамами, воздух был напоен чудесным ароматом.

Мне дали работу по моим силам: я должен был снимать утром стеклянные рамы, а вечером, до наступления ночного холода, накрывать ими цветы. Днем я должен был прикрывать цветы соломой, чтобы уберечь их от палящего солнца. Это было не трудно и не тяжело, но отнимало много времени, потому что приходилось передвигать несколько сотен рам дважды в день. Лиза в это время наблюдала за лошадьё, которая приводила в движение рычаг насоса, накачивавшего необходимую для поливки воду. Один из братьев поливал цветы, а другой помогал отцу. Так каждый был занят своим делом и не терял времени даром.

Я знал, как тяжел труд крестьян в деревне, но я и понятия не имел, с каким напряжением работают садовники в окрестностях Парижа. Они встают до восхода солнца, ложатся поздно и работают целый день без отдыха, не щадя себя.

У садовника Акена я прошел хорошую школу. Когда я окончательно выздоровел, то с удовольствием занялся разведением цветов. Я очень гордился своей работой и своими достижениями. Я приносил пользу и доказывал это на деле. А это лучшая награда за труды.

Несмотря на то что я очень уставал от работы, я быстро привык к новому, трудовому существованию, которое так мало походило на мою прежнюю бродячую жизнь. Теперь мне приходилось с утра до вечера, не разгибаясь, работать в саду. Все вокруг меня также усердно работали. Разница была только в том, что лейка у отца была тяжелее, чем у детей, и его рубаха больше намокала от пота, чем наши. Но самое главное – эти люди относились ко мне, как родные, и я не чувствовал себя больше одиноким. У меня была своя кровать, свое место за столом, за которым мы все собирались. Если иногда я получал подзатыльники от Алексиса или Бенжамена, то нисколько на это не сердился. Они также не обижались, когда я им давал сдачи. Вечером, садясь за стол, мы чувствовали себя друзьями и близкими.

Но мы не только работали – у нас бывали часы отдыха и развлечений, конечно,

недолгие, но, может быть, именно потому особенно приятные. В воскресные дни мы собирались в беседке, расположенной возле нашего дома. Я снимал с гвоздя арфу, спокойно висевшую всю неделю, и дети принимались танцевать. Никто из них, понятно, не учился танцам, но Алексис и Бенжамен побывали однажды на свадьбе и видели, как танцуют кадрили, так что имели об этом танце некоторое представление. Когда они уставали, то просили меня петь, и моя неаполитанская песенка неизменно производила на Лизу огромное впечатление.

Всегда, когда я пел последний куплет, глаза ее наполнялись слезами. Тогда, чтобы развеселить ее, я показывал с Капи какой-нибудь смешной фокус. Для него тоже эти воскресенья были большим праздником. Они напоминали ему прошлое, и он готов был проделывать свои фокусы без конца. Играя, я всегда вспоминал Виталиса и старался играть и петь так, как если бы он находился здесь и слушал меня. Дорогой мой Виталис! Чем старше я становился, тем больше росло во мне уважение к его памяти и тем лучше я понимал, как много он для меня сделал.

Так прошло два года. Акен часто брал меня с собой на рынок, на Цветочную набережную, к различным садовникам и продавцам цветов, и я постепенно знакомился с Парижем. Хотя Париж и не оказался тем городом из мрамора и золота, каким он представлялся мне когда-то, я все же изменил свое первоначальное мнение о нем. Я познакомился с его памятниками и достопримечательностями, гулял вдоль красивых набережных и бульваров, побывал в Люксембургском саду, в Тюильри и на Елисейских полях, увидел прекрасные статуи. Но мое образование не ограничивалось только тем, что я видел во время прогулок или поездок по Парижу.

Акен до того, как стал самостоятельным садовником, работал в оранжерее Ботанического сада; там он встречался с людьми образованными и знающими, и это знакомство пробудило в нем стремление к знаниям. В продолжение многих лет он тратил свои сбережения на покупку книг, а немногие часы досуга – на чтение. Когда он женился и у него появились дети, эти часы досуга стали редкими. Приходилось думать о заработке, книги были заброшены и спрятаны в шкаф. В долгие зимние вечера мы занимались чтением этих старых книг. Большею частью это были книги по ботанике, но были также рассказы о путешествиях. Алексис и Бенжамен не унаследовали от своего отца любви к чтению и засыпали на третьей или четвертой странице. Что касается меня, то я читал очень много. Это чтение, хотя и беспорядочное, принесло мне огромную пользу.

Лиза читать не умела, но, видя, что я каждую свободную минуту берусь за книжку, хотела знать, чем они меня привлекают. Сначала она отнимала у меня книги, потому что книги мешали мне играть с ней. Но так как я снова брался за чтение, она начала просить меня читать ей вслух. Много часов провели мы с ней таким образом: я читал, а она сидела передо мной, не сводя с меня глаз.

– Ну, вот, – говорил не раз, смеясь, Акен, – теперь я вижу, как я хорошо поступил, взяв тебя к себе. Лиза тебя позже отблагодарит за все.

«Позже» означало то время, когда Лиза начнет говорить. Врачи не сомневались, что рано или поздно к Лизе вернется дар речи.

Лиза хотела, чтобы я научил ее играть на арфе, и вскоре она, подражая мне, начала перебирать струны своими маленькими пальчиками; но петь она, конечно, не могла, и это очень сердило ее. Много раз я видел слезы на ее глазах. Но она быстро утешалась, вытирала глаза и с покорной улыбкой давала мне понять, что «позже» она тоже сможет петь.

Принятый как родной сын в семью Акенов, я, возможно, остался бы у них навсегда, если бы внезапная катастрофа еще раз не изменила мою жизнь.

ГЛАВА XX. РАЗОРЕННАЯ СЕМЬЯ

Я уже говорил, что весной Акен разводил левкой. Когда они отцветали, их сменяли другие цветы, потому что у хорошего садовника ни одно местечко в саду не должно

пустовать. После левкоев Акен выращивал огромное количество махровых астр, фуксий и олеандров, и наши парники были полны ими. Чтобы цветы расцветали к определенному сроку, требуется особое умение. Кроме того, это стоит огромных трудов и забот.

В начале августа наш сад был в превосходном состоянии. На открытом воздухе зацветали махровые астры, а в парниках, прикрытых рамами, распускались олеандры и фуксии. Пышные кусты были сверху донизу покрыты бутонами.

Все росло прекрасно, и Акен, потирая руки, радостно говорил:

– У нас будет хорошая выручка.

Мы немало потрудились в течение лета, не отдыхая даже по праздникам. Теперь, когда все было готово, отцу захотелось нас побаловать. Он решил в ближайшее воскресенье поехать всей семьей в Аркейль, к своему другу, такому же садовнику, как он сам.

В этот день мы собирались окончить работу часа в три или четыре, а часам к пяти-шести быть в Аркейле. Затем, пообедав там, вернуться обратно и пораньше лечь спать, чтобы с понедельника со свежими силами снова приняться за работу.

Мы все очень радовались предстоящей увеселительной прогулке.

В четыре часа Акен запер ворота сада и весело крикнул:

– В дорогу! Капи, вперед!

Взяв за руку Лизу, я пустился бежать. Капи бросился вдогонку, весело лая и прыгая вокруг нас. Он, вероятно, думал, что мы снова отправились в путь по большим дорогам, чему он очень обрадовался.

Мы все разделись по-праздничному, и люди оборачивались, чтобы посмотреть на нас. Не знаю, как выглядел я, но Лиза в голубом платье, соломенной шляпке и серых парусиновых башмачках была прелестна. Ее глаза и личико выражали неподдельное оживление и радость.

Время прошло незаметно, но к концу обеда кто-то из детей заметил, что небо покрылось черными, зловещими тучами. Мы обедали на открытом воздухе, под большим деревом, и сразу поняли, что надвигается гроза.

– Ребята, надо возвращаться домой, – сказал Акен. При этих словах все в один голос закричали: «Уже?» Лиза, конечно, ничего не сказала, но протестовала жестами.

– Может подняться ветер и опрокинуть рамы, – продолжал отец. – Собирайтесь скорей!

Мы не возражали: все отлично знали, какую ценность представляют для садовника стеклянные рамы. Если ветер побьет стекла, Акен будет разорен.

– Я пойду быстрее вперед с Алексисом и Бенжаменом, – сказал Акен. – Пусть Реми, Этьеннета и Лиза идут вслед за нами.

Они поспешно удалились. Мы с Этьеннетой не могли идти скоро, так как нам приходилось принаравливаться к шагам Лизы. Теперь нам было не до смеха, мы не прыгали и не радовались.

Гроза надвигалась, небо становилось все чернее, ветер поднимал тучи пыли. Вдали гремел гром, и раскаты его все приближались.

Успеем ли мы вернуться домой до грозы? Главное, успеют ли дойти Акен с Бенжаменом и Алексисом? Мы рисковали только промокнуть, а им нужно было вовремя убрать рамы, чтобы ветер не мог опрокинуть и разбить их.

Гром гремел все чаще и чаще, стало совсем темно. Ветер рвал облака, и с минуты на минуту мог начаться ливень. Вдруг среди раскатов грома мы услышали какой-то страшный и непонятный шум.

Это пошел град. Сначала падали отдельные крупинки, а затем начался настоящий ливень. Нам пришлось спрятаться в подворотню. В одну минуту улица стала белой, словно покрылась снегом. Град был величиной с голубиное яйцо. Он падал с оглушающим грохотом, и к нему присоединялся звон разбитого стекла. Вместе с градом с крыш летели на улицу куски толя, штукатурка и разбитая черепица, которые выделялись темными пятнами на белом фоне.

– Что будет с нашими рамами? – воскликнула Этьеннета.

– Быть может, отец успел прийти вовремя, – ответил я.

– Если даже они вернулись домой до того как пошел град, все равно они не успели покрыть рамы соломой, и теперь, наверное, все разбито, – продолжала она.

– Но, говорят, град бывает местами.

– Мы слишком близко от дома, чтобы можно было на это надеяться. Если он с такой же силой обрушился на сад, то все погибло. Боже мой, отец так рассчитывал на продажу цветов и ему так нужны сейчас деньги!

Град продолжался недолго, всего несколько минут, и так же внезапно прекратился, как начался. Облака неслись теперь по направлению к Парижу, и мы решились наконец выйти из нашего убежища.

Очень скоро мы подошли к дому. Ворота были открыты настежь, мы побежали в сад.

Какое ужасное зрелище представилось нашим глазам! Все было разбито, исковеркано, изломано: рамы, цветы, куски битого стекла, град – все смешалось в какую-то бесформенную массу. В этом саду, таком цветущем и прекрасном еще сегодня утром, валялись только одни жалкие обломки. Мы долго не могли разыскать отца. Наконец мы нашли его у большого парника, все стекла которого были разбиты. Совершенно убитый, он сидел на маленькой скамейке посреди обломков. Алексис и Бенжамен стояли перед ним.

– Бедные мои дети! – воскликнул Акен, услышав по звуку стекла, хрустящего под нашими ногами, что мы подошли. – Бедные мои дети!

И, схватив Лизу на руки, он горько заплакал. Это была катастрофа. Вид ее был ужасен, а последствия – еще хуже.

Вскоре я узнал от Этьеннеты и мальчиков, как безвыходно было положение их отца.

Десять лет тому назад Акен взял в аренду этот сад и выстроил дом. Тот, кто сдал этот участок в аренду, дал также ему займы денег на покупку необходимого инвентаря и оборудования. Акен был обязан выплатить долг в течение пятнадцати лет. До сих пор, благодаря усердной работе и экономии, он регулярно вносил платежи. Кредитор¹⁰ между тем только и ждал задержки платежа, чтобы отобрать у него участок, и дом, и инвентарь, конечно, оставив себе уже погашенный за десять лет долг. Он и согласился на эту сделку в расчете на то, что в течение пятнадцати лет наступит такой момент, когда Акен не сможет внести деньги в срок. Таким образом, давая займы, он ничем не рисковал.

Катастрофа ускорила приближение дня, которого уже давно ожидал кредитор. Что теперь будет?

Очень скоро мы узнали ответ на этот вопрос. На следующий день после того, как не был внесен очередной платеж, к нам явился человек, одетый в черный костюм, и предъявил Акену какую-то бумагу. Это был судебный исполнитель.

Теперь Акен почти не бывал дома. Куда он уходил, не знаю. Нам он ничего не рассказывал. По всей вероятности, он бегал по судам. Я со страхом думал о суде. Виталис ведь тоже судился, и я знал, чем это кончилось. Но Акену пришлось ждать результатов суда гораздо дольше, чем Виталису.

Прошла часть зимы. Мы, конечно, не могли застеклить рамы и починить парники, а потому занялись разведением овощей и цветов, не требующих большого ухода. На этом мы не могли много заработать, но все-таки кое-какой доход получили бы. Однажды вечером Акен вернулся еще более расстроенный, чем обычно.

– Все кончено, дети!

Я хотел выйти, так как понял, что он хочет сообщить что-то очень важное. Но он меня остановил:

– Разве ты не член нашей семьи? Хоть ты и мал, но уже хлебнул достаточно горя, а потому поймешь меня Дети, я должен с вами расстаться.

Мы все были в отчаянии. Лиза вскарабкалась к нему на руки и, плача, целовала его.

¹⁰ Кредитор – лицо или учреждение, дающее деньги в долг в кредит.

– Вы понимаете, конечно, что добровольно я ни за что не оставил бы таких хороших ребят, как вы, и мою славную малютку Лизу, – и он нежно прижал ее к себе. – Но мне присудили выплатить долг. Денег у меня нет, а продажа имущества не покрывает моего долга. Поэтому мне придется сесть в долговую тюрьму и пробыть там пять лет.

Мы все горько заплакали. – Очень печально, но ничего не поделаешь. Закон остается законом. Пять лет! Как вы проживете без меня столько времени, бедные мои дети?

Наступило молчание.

– Я много думал и вот что решил. Реми напишет в Дрези, моей сестре Катерине, чтобы она поскорее приехала. Она женщина практичная, рассудительная и поможет нам принять наилучшее решение.

В первый раз в жизни писал я письмо, да еще такое тяжелое и печальное.

Все сказанное Акеном было очень неопределенно, но тем не менее в его словах таилась для нас какая-то надежда. Тетушка Катерина должна была приехать, она женщина умная, и нам казалось, что этого достаточно, чтобы разрешить все наши затруднения.

Однако полицейские явились раньше ее.

Акен собирался пойти в город, к одному из своих друзей, когда пришла полиция, чтобы отвести его в долговую тюрьму. Акен страшно побледнел и попросил у полицейских разрешения проститься с детьми.

Я побежал в сад за мальчиками. Когда мы пришли, Акен держал Лизу на руках, и она горько плакала. Один из полицейских шепнул ему что-то на ухо, но что именно, я не расслышал. – Да, – ответил отец, – вы правы, так нужно. Он быстро встал, опустил Лизу на пол, хотя она цеплялась за него и не хотела выпускать его руки. Затем поцеловал Этьеннету, Алексиса и Бенжамена. Я стоял в углу и плакал. Он позвал меня:

– А почему ты, Реми, не хочешь со мною проститься? Разве ты мне не сын?

Огорченные и растерянные, мы не знали, что предпринять.

– Не провожайте меня, – приказал отец.

И, вложив Лизину ручку в руку Этьеннету, он быстро вышел.

Я хотел было пойти за ним, но Этьеннета остановила меня. Мы стояли совершенно убитые посреди кухни, плакали и не знали, что нам делать.

В таком состоянии и застала нас тетюшка Катерина, которая приехала через час после того, как увели Акена. Она оказалась женщиной весьма энергичной и решительной. Когда-то тетюшка Катерина служила кормилицей в Париже. Она хорошо разбиралась в людях и умела устраиваться. Для нас это было большим облегчением, когда она взяла на себя заботу о нашей судьбе.

Не прошло и недели после ее приезда, как наша участь была решена: поскольку дети были слишком малы, чтобы жить и работать самостоятельно, их решили взять к себе родные. Лиза должна была ехать к тетюшке Катерине, Алексис – в Варс, к дяде-шахтеру, Бенжамен – к другому дяде, садовнику в Сен-Кантене, а Этьеннета – к тетке, жившей на берегу моря, в Эснанде. Я слушал, ожидая, когда очередь дойдет до меня. Так как тетюшка Катерина молчала, я спросил:

– А я?

– Ты ведь нам не родной.

– Я работал вместе со всеми. Спросите Алексиса и Бенжамена, умею ли я работать.

– Кушать ты тоже умеешь, не правда ли?

– Он наш, он принадлежит к нашей семье! – закричали дети.

Лиза подошла к тетюшке и умоляюще сложила руки. Ее жест был красноречивее слов.

– Моя маленькая, – обратилась к ней тетюшка Катерина, – ты просишь, чтобы он поехал с тобой? Но, видишь ли, в жизни не всегда делаешь то, что хочешь. Ты моя родная племянница, и если мой муж окажется недоволен твоим приездом, мне стоит только сказать ему: «Она нам родня. Кто же пожалеет ее, как не мы?» То же самое могут сказать и другие родные. Родственников принимают, а чужих нет. Нам самим еле хватает на жизнь.

Возражать было нечего, она говорила правду. Я ведь им не родной – разве я мог чего-

нибудь требовать!

Тетушка Катерина никогда не меняла принятых ею решений. Она предупредила, что нам придется расстаться завтра, а пока что велела ложиться спать. Как только мы вышли в другую комнату, дети окружили меня, а Лиза с плачем бросилась мне на шею. Тогда я понял, что они помнили обо мне и жалели меня. Вдруг мне пришла в голову неожиданная мысль.

– Послушайте, – сказал я, – хотя ваши родственники не признают меня, но ведь вы считаете меня своим?

– Да, ответили все хором, – ты всегда будешь нашим братом.

Лиза вместо слов сжала мне руку и так выразительно взглянула на меня, что слезы навернулись у меня на глазах.

– Хорошо, я буду вашим братом и сумею это доказать.

– Что ты решил делать? – спросил Бенжамен.

– Я не хочу поступать на место – ведь тогда мне пришлось бы остаться в Париже и не видаться с вами. Я опять стану бродячим музыкантом, возьму свою арфу, буду ходить из города в город и навещать вас всех по очереди. Я не забыл своих песенок и танцев и сумею этим заработать на хлеб.

По выражению их лиц я понял, что мое предложение всем понравилось. Мы долго еще разговаривали, строили планы на будущее, вспоминали прошлое.

Наконец Этьеннета настояла на том, чтобы мы легли. Все плохо спали эту ночь, в особенности я.

На следующий день рано утром Лиза повела меня в сад, и я понял, что она хочет мне что-то сказать.

– Ты хочешь поговорить со мной? – спросил я ее.

С помощью жестов и мимики она объяснила мне, что сначала я должен узнать, как устроятся Этьеннета, Алексис и Бенжамен, а затем прийти в Дрези и обо всем рассказать ей. Увидев, что я ее понял, она улыбнулась.

Отъезд был назначен на восемь часов утра. Тетушка Катерина наняла извозчика, чтобы отвезти детей сначала в тюрьму – проститься с отцом, а затем на железную дорогу.

В семь часов Этьеннета тоже позвала меня в сад.

– Мы расстаемся. Я хочу подарить тебе на память эту маленькую шкатулку. Здесь нитки, иголки и ножницы, они пригодятся тебе в дороге. Ведь меня не будет с тобой, чтобы пришить тебе пуговицу или поставить заплатку. Когда ты возьмешь шкатулку в руки, ты вспомнишь о нас.

После того как Этьеннета ушла обратно в дом, ко мне подошли Алексис и Бенжамен.

– У меня есть две монеты по сто су, – сказал Алексис, – и я непременно хочу, чтобы ты взял себе одну из них.

Я стал было отказываться, но Алексис сунул мне в руку большую серебряную монету.

Бенжамен тоже не забыл меня и подарил мне свой любимый ножик. Я был сильно растроган этим выражением их привязанности.

Вещи уже были погружены на извозчика. Я кликнул Капи, который, увидав меня с арфой, радостно залаял. Он понимал, что мы возвращаемся к старой жизни и что теперь он сможет снова бегать на свободе.

Настала минута расставания. Тетушка Катерина нас торопила. Она усадила Этьеннету, Алексиса и Бенжамена и велела мне посадить Лизу к ней на колени. Так как я продолжал стоять неподвижно возле коляски, она тихонько оттолкнула меня и захлопнула дверцу.

– Поцелуйте за меня отца!.. – закричал я и горько заплакал.

– Едем! – крикнула тетушка Катерина извозчику. Лошади тронулись.

Сквозь слезы я видел Лизу, посылавшую мне воздушные поцелуи. Затем коляска повернула на другую улицу и скрылась за облаком пыли. Все было кончено.

Облокотившись на арфу, я долго стоял и смотрел им вслед, затем надел ремень арфы через плечо Капи при виде хорошо знакомого ему движения тотчас же насторожился, вскочил и уставился на меня своими блестящими глазами.

– Капи, вперед!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I. ВПЕРЕД!

Перед тем как пуститься в дальнейшее странствование, я решил повидать того, кто в эти последние годы заменял мне отца. Хотя я никогда не бывал в долговой тюрьме и не знал, где она находится, я не сомневался в том, что разыщу его.

Опасаясь вызвать недовольство полицейских, я привязал Капи на веревку, что, по-видимому, очень обидело его. Так, держа Капи на привязи, я отправился на поиски долговой тюрьмы.

Никогда в жизни не видел я ничего более отвратительного и унылого, чем ворота этой тюрьмы. Перед тем как войти в нее, я на мгновение остановился; мне казалось, что эти ужасные ворота, закрывшись за мной, никогда больше не раскроются.

Меня привели в приемную, куда скоро вышел Акен.

– Я ждал тебя, дорогой Реми! – ласково обратился он ко мне. – И побранил Катерину за то, что она не привезла тебя вместе со всеми детьми.

Я был очень огорчен и подавлен в тот день, но его слова меня несколько утешили.

– Дети говорили мне, – продолжал он, что ты хочешь снова сделаться бродячим музыкантом. Разве ты забыл, как чуть не умер от холода и голода у нашей калитки?

– Нет, я ничего не забыл.

– Но тогда с тобой был твой хозяин. А бродить такому мальчику, как ты, одному совсем не годится.

– У меня есть Капи.

– Конечно, Капи – преданный пес, но ведь это только собака. Как же ты думаешь зарабатывать деньги?

– Буду петь и играть, Капи будет показывать фокусы.

– Послушай, Реми, не делай глупостей, поступай на место. Ты уже умеешь хорошо работать, и тебя всякий возьмет с радостью. А это много лучше, чем шататься по большим дорогам.

Слова Акена сильно смутили меня, тем более что я и сам не раз уже думал об этом. Но как будет огорчена Лиза, если я не приду! Она решит, что я разлюбил или забыл ее. Ведь сама она за эти два года проявила ко мне столько любви и внимания! Теперь настал мой черед отблагодарить ее за все.

– Разве вам не хочется получать весточки от ваших детей? – спросил я.

Он пристально посмотрел на меня, потом, схватив меня за руки, сказал:

– Послушай, мальчуган, я должен поцеловать тебя за твои слова! Они доказывают, что у тебя доброе сердце.

Мы были одни в приемной и сидели рядом на скамейке. Я бросился в его объятия, и мы некоторое время молчали.

Вдруг Акен стал рыться в кармане жилета и вынул оттуда большие серебряные часы, висевшие у него на кожаном ремешке:

– Мне хочется дать тебе что-нибудь на память. Вот мои часы, я дарю их тебе. Они не имеют никакой ценности, иначе бы я их уже давно продал. Идут они тоже не очень важно. Но это единственная вещь, которая у меня осталась.

С этими словами он передал мне часы. Когда я стал отказываться от такого замечательного подарка, он с грустью добавил:

– Часы мне здесь не нужны. В тюрьме время тянется медленно, и я умру от тоски, если буду его считать. Прощай, милый Реми, обними меня еще раз! Ты славный мальчик, оставайся всегда таким.

Кажется, он взял меня за руку, чтобы проводить к выходу. Я был так взволнован и расстроен, что не помню, как очутился на улице.

Долго, очень долго стоял я у ворот тюрьмы, не будучи в состоянии двинуться с места. Вероятно, я стоял бы так бесконечно, если бы случайно не наткнулся рукой на какой-то круглый и твердый предмет в кармане. Тут я вспомнил о своих часах. Часы! У меня есть собственные часы, какое счастье! Я могу по ним узнавать время. Посмотрев на часы, я увидел, что было ровно двенадцать. Тогда, бросив прощальный взгляд на угрюмые стены, я решил, что пора двинуться в путь.

Прежде всего мне надо было купить карту Франции. Я знал, что карты продаются на набережных Сены, и отправился туда. Долго не мог я найти такую, какая мне требовалась: я хотел, чтобы она была наклеена на полотно, легко складывалась и стоила как можно дешевле. Наконец я выбрал одну, такую старую и потрепанную, что торговец уступил мне ее за семьдесят пять сантимов.

Теперь меня ничего больше не задерживало, и я решил как можно скорее выбраться из Парижа. Проходя недалеко от улицы де-Лурсин, я невольно вспомнил о Гарафоли, Маттиа, Рикардо и моем бедном дорогом Виталисе, погибшем из-за того, что он не захотел меня отдать этому жестокому падроне.

Вдруг я заметил мальчика, в изнеможении прислонившегося к церковной ограде; мне показалось, что это маленький Маттиа. Те же печальные глаза, выразительные губы, тот же покорный и кроткий вид, такая же, как у того, огромная голова и смешная, карикатурная фигура.

Желая получше разглядеть мальчика, я подошел ближе. Действительно, это был Маттиа. Он тоже узнал меня, и на его бледном лице появилась улыбка:

– Ты приходил к Гарафоли как раз перед тем, как я попал в больницу. С тобой был старик с седой бородой. Ах, как у меня в тот день болела голова!

– Ты все еще живешь у Гарафоли? – спросил я его. Прежде чем ответить, Маттиа оглянулся по сторонам и шепотом сказал:

– Гарафоли в тюрьме. Его арестовали за то, что он до смерти избил Орландо.

Мне доставило большое удовольствие узнать, что Гарафоли сидит в тюрьме.

– А что случилось с детьми?

– Не знаю. Меня не было, когда арестовали Гарафоли. После того как я вышел из больницы, Гарафоли решил, что бить меня невыгодно, так как я от этого часто болею, и отдал меня напрокат в цирк Гассо. Ты знаешь цирк Гассо? Нет? Ну ладно, это не настоящий, большой цирк, но все-таки цирк. Им нужен был ребенок-акробат. Я пробыл у папаши Гассо до этого понедельника, но теперь он отослал меня обратно к Гарафоли, потому что у меня постоянно болит голова и мне трудно проделывать различные акробатические фокусы. Вернувшись на улицу де-Лурсин, я не нашел там никого. Квартира оказалась запертой, а сосед рассказал мне, что Гарафоли сидит в тюрьме. Вот я пришел сюда и не знаю, куда идти и что делать.

– А почему ты не хочешь вернуться в цирк?

– Потому что цирк уехал в Руан. А как я могу дойти пешком до Руана? Это слишком далеко, денег у меня нет. Ведь я со вчерашнего дня ничего не ел.

Я и сам был небогат, но у меня имелось немного мелочи, и я мог помочь этому несчастному ребенку.

– Подожди меня здесь! – крикнул я Маттиа и побежал к булочнику, лавка которого находилась на углу улицы.

Вскоре я вернулся с краюхой хлеба и подал ее мальчику. Он с жадностью набросился на хлеб.

– А что ты намерен делать дальше?

– Не знаю.

– Но ведь что-нибудь надо делать!

– Я собирался продать мою скрипку. Я бы ее продал раньше, да уж очень мне жалко с

ней расставаться. Скрипка – единственная моя радость. Когда мне становится грустно, я ищу местечко, где меня никто не слышит, и играю для себя.

– Отчего ты не играешь на улицах?

– Играл, но мне никто ничего не подает. Я уже знал по опыту, как часто это бывает.

– А ты? – спросил Маттиа. – Что ты делаешь теперь?

Мне захотелось похвастаться, и я гордо ответил:

– Я – хозяин трупы.

– Ах, если бы ты согласился... – робко произнес Маттиа.

– На что?

– Взять меня в твою трупку. Пришлось признаться в том, что вся моя трупка состоит из одного Капи.

– Ну что ж! Какая важность, нас будет двое. Умоляю тебя, возьми меня, иначе мне придется умереть с голоду!

Умереть с голоду! Не все понимают, что означают эти слова. У меня от них больно сжалось сердце. Я уже знал, как умирают с голоду.

– Я играю на скрипке, – продолжал Маттиа, – кувыркаюсь, танцую на канате, прыгаю через обруч и пою. Я буду делать все, что ты захочешь, и я буду тебя слушаться. Я не прошу платы, только корми меня. Ты можешь меня бить, если я буду плохо исполнять свои обязанности, я на это согласен. Единственно, о чем я прошу, не бей меня по голове, потому что голова у меня очень чувствительная.

Слушая Маттиа, я чуть не заплакал. Как сказать ему, что я не могу взять его в свою трупку? Ведь со мной он так же легко может умереть с голоду, как и один. Я старался убедить его, но он ничего не хотел слушать.

– Нет, – возразил он, вдвоем не умирают с голоду, потому что один помогает другому. Тот, у кого есть, дает тому, у кого нет, – вот как ты сделал сейчас.

Я перестал колебаться. Без сомнения, я должен был ему помочь.

– Хорошо, идем. Ты будешь моим товарищем. И, надев арфу на плечо, я воскликнул:

– Вперед!

Через четверть часа мы уже вышли из Парижа.

Ветер подсушил дорогу, и идти по затвердевшей земле было легко и приятно.

Погода стояла чудесная, весеннее солнце ярко светило в голубом безоблачном небе. Трава начинала зеленеть, и кое-где уже показались маргаритки и цветы земляники, поворачивающие свои венчики к солнцу. В садах среди нежной листвы виднелись кисти нераспустившейся сирени, а когда дул легкий ветерок, нам на голову с высоких стен летели лепестки желтых левкоев.

В садах, в придорожных кустах, на больших деревьях – всюду слышалось веселое пение птиц, и ласточки летали над самой землей в погоне за невидимыми мошками.

Путешествие наше началось хорошо. Я уверенно шагал по сухой, твердой дороге. Капи бегал вокруг нас и лаял на проезжающие экипажи, на кучи булыжника – лаял на всё и на всех, лаял попусту, только ради одного удовольствия полаять. Маттиа молча, о чем-то размышляя, шел рядом со мной; я не прерывал его молчания, потому что мне тоже надо было о многом подумать.

Куда мы шли таким решительным шагом?

По правде сказать, я и сам не знал. Мы шли просто вперед, наугад. Ну, а дальше?

Я обещал Лизе сперва повидать ее братьев и Этьеннету, а затем навестить ее. Но я не условился с ней, кого я должен увидеть первым: Бенжамена, Алексиса или Этьеннету. Я мог начать с любого, то есть идти по своему выбору на запад, на север или на юг.

Так как мы вышли из Парижа на юг, то идти к Бенжамену было не по дороге. Оставалось сделать выбор между Алексисом и Этьеннетой.

Была еще одна причина, заставлявшая меня идти на юг: я хотел повидаться с матушкой Барберен. Если я давно не говорил о ней, то это не значит, что я ее забыл. Много раз я думал о том, чтобы написать ей и сказать:

«Я помню о тебе и по-прежнему люблю тебя». Но я знал, что она не умеет читать, и безумно боялся, что письмо попадет в руки Барберена.

Что, если Барберен благодаря моему письму отыщет меня, опять возьмет к себе, продаст новому хозяину, совсем не похожему на моего Виталиса? Уж лучше умереть с голоду, нежели подвергнуться подобной опасности. Но если я считал невозможным написать матушке Барберен, то мне казалось, что я могу как-нибудь повидаться с ней. Теперь, после того как у меня появился товарищ, сделать это было гораздо проще. Я пошлю Маттиа вперед, он пойдет к матушке Барберен и под каким-нибудь предлогом заговорит с ней. Если она будет одна, он расскажет ей все обо мне. Тогда я безбоязненно войду в тот дом, где протекло мое детство, и брошусь в объятия моей кормилицы. Если же, наоборот, Барберен окажется дома, Маттиа попросит матушку Барберен пойти в какое-нибудь укромное местечко, где я с ней и повидаюсь.

Все эти планы я строил, продолжая идти, и потому шел молча. Решить столь важный вопрос оказалось делом нелегким, а кроме того, я должен был отыскать на нашем пути такие города и деревни, где бы мы имели возможность сделать хорошие сборы. Для этого самое лучшее было обратиться к карте.

Я вынул ее из мешка и разложил на траве. Довольно долго я не мог ориентироваться. Вспомнив, каким образом делал это Виталис, я в конце концов так составил маршрут, чтобы обязательно пройти через Шаванон.

– Что это за штука? – спросил Маттиа, указывая на карту.

Я объяснил ему, что такое карта и для чего она служит, почти дословно повторив то, что мне когда-то говорил Виталис.

Маттиа внимательно слушал, глядя мне в глаза.

– Для этого надо уметь читать.

– Понятно. А разве ты не умеешь читать?

– Нет.

– Хочешь научиться?

– Очень!

– Ну что ж, я тебя выучу.

Так как я уже развязал свой мешок, мне пришла в голову мысль осмотреть его содержимое. К тому же мне очень хотелось показать Маттиа свои сокровища, и я высыпал все на траву.

У меня оказалось три полотняных рубашки, три пары чулок, пять платков все в полной исправности, и пара немного поношенных башмаков. Маттиа был поражен моим богатством.

– А что у тебя есть? – спросил я.

– Скрипка и то, что на мне.

– Ну что ж, поделим все пополам, раз мы с тобой товарищи: у тебя будут две рубашки, две пары чулок и три носовых платка. Но зато и мешок будем нести поочередно. Согласен?

Теперь, когда я снова сделался артистом, я решил, что мне необходимо принять соответствующий вид; поэтому я открыл шкатулку Этьеннеты и достал оттуда ножницы.

– Пока я буду приводить в порядок штаны, – обратился я к Маттиа, – ты мне сыграешь на скрипке.

– С удовольствием.

И, взяв скрипку, он заиграл.

В это время я храбро вонзил ножницы в штаны немного ниже колен и принялся их резать. Это были прекрасные штаны, из такого же серого сукна, как жилет и куртка. Помнится, я был очень доволен, когда Акен мне их подарил. Я совсем не думал, что порчу их обрезая, – напротив, мне казалось, что теперь они станут еще лучше.

Сперва я слушал Маттиа и резал штаны, но вскоре отставил ножницы и весь обратился в слух. Маттиа играл почти так же хорошо, как Виталис.

– Кто тебя выучил играть на скрипке? – спросил я.

– Никто, и все понемногу. Главное, я сам постоянно упражнялся.

- А кто выучил тебя нотам?
- Я не знаю нот, я играю по слуху.
- Тогда я научу тебя играть по нотам.
- Ты, должно быть, знаешь все на свете?
- Ну еще бы! Ведь я глава труппы.

Мне тоже захотелось показать Маттиа, как я умею играть. Я взял арфу и запел свою неаполитанскую песенку.

Тогда Маттиа, не желая оставаться в долгу, громко выразил свое одобрение. Но нельзя было дольше терять время на взаимные комплименты и играть для собственного удовольствия – надо было подумать о том, чтобы заработать на ужин и на ночлег.

Я завязал мешок, и Маттиа надел его себе на плечи. Теперь в первой попавшейся на пути деревне мы должны были устроить первое выступление нашей труппы.

– Научи меня твоей песенке, – попросил Маттиа. – Я попробую аккомпанировать тебе на скрипке. У нас должно хорошо получиться.

Когда мы пришли в деревню и стали искать подходящее место для представления, мы увидели через открытые ворота одной фермы, что двор ее полон разряженных людей. У всех были цветы, перевязанные лентами: у мужчин – в петлицах, у женщин – приколотые к поясам. Очевидно, здесь происходила свадьба. Мне пришла в голову мысль, что эти люди будут очень рады музыкантам и, вероятно, захотят потанцевать. Тогда я тотчас же в сопровождении Маттиа и Капи вошел во двор. Держа шляпу в руке и сделав большой поклон (поклон Виталиса), я предложил наши услуги первому попавшемуся мне на глаза крестьянину.

Толстый парень с красным, как кирпич, лицом, в туго накрахмаленном воротничке, доходившем ему до ушей, добродушно улыбнулся. Он мне ничего не ответил, но, повернувшись, засунул оба пальца в рот и так пронзительно свистнул, что Капи испугался.

– Эй вы там! – закричал он. – Что вы думаете насчет музыки? К нам явились музыканты.

– Музыку, музыку! – закричали мужчины и женщины.

– По местам для кадрили!

И в несколько минут танцоры расположились посреди двора, разогнав по сторонам испуганную домашнюю птицу.

– Умеешь ли ты играть кадрили? – спросил я шепотом по-итальянски Маттиа.

– Да.

И он наиграл мне ее на скрипке. Оказалось, что я тоже ее знал. Мы были спасены.

Из какого-то сарая выкатили двухколесную тележку, поставили ее на возвышение и заставили нас влезть на нее.

Хотя мы с Маттиа никогда не играли вместе, мы недурно справились с кадрилию. Правда, наши слушатели не были требовательны и не обладали тонким слухом.

– Не играет ли кто-нибудь из вас на корнете? – спросил нас краснощекий толстяк.

– Я, – ответил Маттиа. – Но у меня его нет.

– Я вам сейчас достану. Скрипка хороша, но слишком уж нежна.

– Разве ты играешь и на корнет-а-пистоне?¹¹ – опять по-итальянски обратился я к Маттиа.

– И на трубе, и на флейте, и на всем, на чем можно играть.

Маттиа оказался настоящим сокровищем. Вскоре корнет-а-пистон был принесен, и мы снова принялись играть кадрили, польки, вальсы, но главным образом кадрили. Мы играли без передышки до самой ночи. Мне это было нетрудно, но Маттиа, утомленный путешествием и долгими лишениями, очень устал. По временам он бледнел, как будто ему

¹¹ Корнет-а-пистон – медный духовой музыкальный инструмент в виде небольшой изогнутой трубы с тремя клапанами.

становилось дурно. Но он продолжал играть, изо всех сил дую в трубу. Наконец не только я, но и невеста заметила его бледность.

– Довольно, – объявила она, – малыш устал. Теперь раскошеливайтесь.

– Если вы позволите, – сказал я, соскочив с тележки, – я поручу сделать сбор нашему кассиру.

И я бросил шляпу Капи, который взял ее в зубы. Капи много хлопали за то изящество, с каким он раскланивался, собирая деньги. Но что было еще лучше, ему давали помногу. Я шел за ним и видел, как серебряные монеты падали в шляпу. Последнюю монету – пять франков – положил жених.

Какое счастье! Но это было не все. Нас пригласили в кухню, хорошо угостили и положили спать в риге, на соломе.

На следующий день, когда мы покидали этот гостеприимный дом, наш капитал равнялся двадцати восьми франкам.

– Это благодаря тебе мы столько заработали, мой милый Маттиа, – сказал я своему товарищу. – Я один не мог бы заменить целый оркестр. Оказывается, я поступил не так уж глупо, взяв тебя в свою труппу.

С двадцатью восемью франками в кармане мы чувствовали себя настоящими богачами и, когда пришли в следующую деревню, могли спокойно сделать некоторые необходимые покупки. Во-первых, я купил у торговца железом корнет-а-пистон, стоивший три франка. Он, конечно, был не новый и не красивый, но после того как мы его вычистили, стал хоть куда. Затем я купил красные ленты для чулок и старый солдатский мешок для Маттиа.

Мы поделили вещи поровну и разложили их в два мешка, а затем отправились дальше.

Дела наши шли отлично. После покупок у нас осталось еще около двадцати франков. Наш репертуар был настолько разнообразен, что мы могли по нескольку дней жить в одном и том же месте. За это время мы так подружились с Маттиа, что чувствовали себя вдвоем очень хорошо.

– Знаешь, – говорил он мне смеясь, – такой хозяин труппы, как ты, – просто чудо. Ты даже не дерешься!

– Значит, ты доволен?

– Доволен ли я? Да с тех пор как я покинул родину, я первый раз в жизни не мечтаю о больнице!

Наши успехи окрылили меня и внушили мне новые планы. Прийти к матушке Барберен только за тем, чтобы обнять ее, казалось мне недостаточным. Мне хотелось чем-нибудь отблагодарить ее за заботы обо мне. Теперь, когда я стал зарабатывать, я мог сделать ей подарок. Но какой? Я недолго думал. Только один подарок мог осчастливить ее и обеспечить ее старость: эта корова взамен ее любимой Рыжухи.

Какая радость была бы для матушки Барберен, если б я подарил ей корову, и в то же время какая это была бы радость для меня! Но сколько может стоить корова? Об этом я и понятия не имел. К счастью, узнать это было нетрудно. В харчевнях нам приходилось часто встречаться с торговцами рогатым скотом. Но когда я обратился с вопросом к одному погонщику волов, тот расхохотался мне прямо в лицо. Стуча кулаком по столу, он подозвал хозяина харчевни:

– Знаете ли вы, о чем меня спрашивает этот маленький музыкант? Сколько стоит корова – не большая, не слишком жирная, но очень хорошая корова? Что еще от нее требуется – она должна быть ученой!

Раздался взрыв смеха, но меня это ничуть не смутило:

– Она должна давать хорошее молоко и не слишком много есть.

– А может быть, нужно, чтобы она позволила себя водить на веревке, как твоя собака?

После того как он вдоволь нахохотался и истощил свои острооты, он вступил со мной в деловой разговор. Оказывается, у него имелась на примете подходящая корова: смиренная, которая давала много густого молока и почти не требовала корма. Если я выложу на стол

пятьдесят эю,¹² эта корова будет моей.

Пятьдесят эю составляло сто пятьдесят франков, а до такой суммы мне еще не хватало очень много.

Сможем ли мы ее заработать? Если нам будет везти так, как сейчас, сможем постепенно скопить полтораста франков. Но на это требовалось время. Тогда у меня в голове родилась новая мысль. Что, если вместо Шаванона мы пойдем сперва в Варс и за это время еще подработаем?

Утром я поделился своей новой идеей с Маттиа, который не возражал.

– Пойдем в Варс, – согласился он. – Мне любопытно посмотреть рудники, и я не прочь побывать там.

ГЛАВА II. ЧЕРНЫЙ ГОРОД

Варс расположен на склоне горы, спускающейся к Средиземному морю. Расстояние от Парижа до Варса очень большое: пятьсот-шестьсот километров по прямой линии. Для нас оно оказалось в двое длиннее, так как мы заходили в различные города и села, где могли рассчитывать на хорошую выручку.

Почти три месяца ушло у нас на этот путь, но когда мы подошли к Варсу, я с радостью убедился, что мы не даром потратили время: в моем кошельке оказалось сто двадцать восемь франков. Для покупки коровы не хватало всего двадцати двух франков.

Маттиа был доволен не меньше меня и гордился тем, что принимал участие в зароботке такой большой суммы. Надо сознаться, что без него, в особенности без его корнета, мы с Капи никогда не собрали бы столько денег. Теперь мы уже не сомневались, что по дороге из Варса в Шаванон заработаем недостающие нам двадцать два франка.

Мы пришли в окрестности Варса около трех часов пополудни. Яркое солнце сияло в чистом небе, но по мере того как мы продвигались вперед, день как бы начал меркнуть. Между небом и землей нависло густое облако дыма. Еще задолго до того как мы вошли в город, мы слышали мощный рев вентиляторов, похожий на шум моря, и глухие удары гидравлического молота.

Я знал, что дядя Алексиса работал в Варсе шахтером, но адреса его не имел. Придя в город, я поспешил навести справки. Оказалось, что он жил недалеко от шахты, на грязной, извилистой улице, круто спускавшейся к реке Дивоне. Когда я подошел к его дому и спросил о нем, какая-то женщина, стоявшая у двери, довольно недружелюбно ответила мне, что он вернется домой не раньше шести часов. Тогда мы решили идти к шахте и встретить Алексиса и его дядю после окончания работ.

Нам показали галерею, через которую рабочие выходят из шахты, и мы стали ожидать Алексиса у выхода. Через несколько минут после того, как пробило шесть часов, я заметил в темной глубине галереи какие-то маленькие, тускло светящиеся огоньки, которые быстро увеличивались. Это выходили шахтеры с лампочками в руках. Они шли медленно, тяжелой походкой, как будто у них болели колени; впоследствии, когда я сам поработал в шахте, я понял, отчего это происходит. Лица их были черны, как у трубочистов, одежда и шапки покрыты угольной пылью и мокрой грязью. Каждый, проходя через ламповое отделение, вешал свою лампу на гвоздь. Я очень внимательно всматривался в лица выходящих, но так и не увидел среди них Алексиса. Если бы он сам не бросился мне на шею, я ни за что не узнал бы его. Покрытый с головы до ног угольной пылью, он совсем не походил на моего товарища, бегавшего когда-то по дорожке сада в чистой рубашке с засученными рукавами и расстегнутым воротом, позволявшим видеть его белую шею.

– Это Реми, – обратился он к мужчине лет сорока, шагавшему рядом с ним.

У мужчины было такое же открытое и доброе лицо, как у Акена, – и неудивительно,

¹² Эю – здесь: серебряная монета стоимостью в три франка.

потому что они были родные братья.

Я понял, что это и есть дядя Гаспар.

– Мы уже давно поджидаем тебя, – ласково обратился он ко мне.

– Уж очень длинная дорога от Парижа до Варса!

– А ноги твои коротки, – засмеялся он Капи выражал свою радость тем, что тянул зубами Алексиса за рукав куртки.

Я познакомил дядю Гаспара с Маттиа и объяснил ему, что это мой друг, большой любитель музыки.

– Поболтайте друг с другом, мальчики, вам есть о чем поговорить, а я тем временем побеседую с этим молодым музыкантом, – сказал дядя Гаспар, указывая на Маттиа.

И действительно, нам столько нужно было сказать друг другу, что не хватило бы и целой недели. Алексис интересовался нашим путешествием, а мне хотелось узнать, как он приспособился к новой жизни. Мы перебивали друг друга вопросами, не успевая отвечать.

Шли мы очень медленно, и другие шахтёры, возвращавшиеся домой, обгоняли нас. Когда мы подошли к дому, дядя Гаспар сказал:

– Мальчики, идемте ужинать к нам.

Приглашение дяди Гаспара доставило мне большое удовольствие. Должен признаться, что я был счастлив не только от того, что мог провести вечер с Алексисом, но и оттого, что надеялся хорошо и сытно поесть. Со времени нашего ухода из Парижа мы все время питались кое-как: то сухой коркой, то ломтем хлеба. И хотя у нас имелось достаточно денег и мы могли прекрасно пообедать в любой харчевне, мы этого не делали, так как соблюдали самую строгую экономию, откладывая деньги на покупку коровы.

К моему великому разочарованию, попить в этот вечер нам не удалось. Правда, мы сидели за столом, сидели не на земле, а на стульях, но горячего не было, и ужин продолжался недолго.

– Ты ляжешь спать вместе с Алексисом, – обратился ко мне дядя Гаспар, – а Маттиа мы устроим в сарае, на сене.

Вечер и добрую половину ночи мы с Алексисом проговорили.

Дядя Гаспар работал забойщиком в шахте, а Алексис – его откатчиком. Вырубленный из земли уголь погружали в вагонетку, и Алексис должен был катить вагонетку по рельсам до того места, где ее прикрепляли к канату и подъемной машиной поднимали наверх.

Несмотря на то что Алексис совсем недавно стал работать шахтером, он очень любил эту работу и гордился своей шахтой. По его словам, она была самой красивой и замечательной шахтой во всей округе. Видя, что я внимательно его слушаю, он с жаром стал описывать мне ее устройство.

Рассказ Алексиса возбудил во мне сильнейшее любопытство и желание спуститься в шахту. Но когда на следующее утро я сказал об этом дяде Гаспару, тот ответил, что в шахту пускают лишь тех, кто там работает.

– Если ты вздумаешь стать шахтером, – прибавил он, смеясь, – то это легко устроить. В конце концов, работа не хуже всякой другой, а для тех, кто боится дождя и грома, как раз подходящая. Во всяком случае, это много лучше, чем бродить по большим дорогам. Ты станешь жить вместе с Алексисом. Ну как, по рукам? И для Маттиа мы найдем что-нибудь подходящее.

Но ведь я пришел в Варс не для того, чтобы стать шахтером, у меня были совсем иные намерения. Однако обстоятельства сложились так, что мне пришлось вскоре испытать на себе все ужасы, страхи и опасности, которые выпадают на долю шахтеров.

ГЛАВА III. ОТКАТЧИК

Накануне того дня, когда я собрался уходить из Варса, Алексис вернулся домой с поврежденной рукой. На него свалился тяжелый кусок каменного угля и раздробил ему палец. Ранение было не очень серьезным, но работать он, конечно, не мог. Дядя Гаспар

обычно легко мирился со всеми житейскими неприятностями, и только помеха в работе могла вывести его из равновесия. Услышав, что Алексис не сможет работать несколько дней, он вышел из себя. Кто будет его откатчиком во время болезни Алексиса? Заменить Алексиса было некому. Если бы еще дело шло о том, чтобы найти другого откатчика на его место, он бы нашел кого-нибудь, но взять заместителя на несколько дней было совершенно невозможно. Людей не хватало, в особенности детей. Дядя Гаспар был сильно огорчен, так как без откатчика он тоже не мог работать, а его средства не позволяли ему отдыхать. Я понимал причину его огорчения и считал, что должен ему отплатить за оказанное нам гостеприимство. Поэтому я спросил, трудно ли быть откатчиком.

– Ничего не может быть легче. Надо катить вагонетку по рельсам.

– А она тяжелая?

– Не очень, раз Алексис возит ее.

– Если Алексис может с ней справиться, значит и я могу?

– Конечно, можешь, если захочешь.

– Хочу, раз это вам нужно.

– Ты славный мальчуган, и завтра мы с тобой спустимся в шахту. Ты меня здорово выручишь, но это может быть полезным и для тебя. Если работа окажется тебе по душе, то, право, гораздо лучше работать, чем бродяжничать. Во всяком случае, волков там нет.

А что будет с Маттиа, пока я буду работать в шахте? Не мог же он оставаться на иждивении дяди Гаспара!

Поэтому я предложил ему вместе с Капи давать представления в окрестностях Варса. Маттиа охотно согласился.

– Я буду очень рад, если заработаю тебе денег на корову, – ответил он смеясь.

За эти три месяца, которые Маттиа прожил на свежем воздухе, он сильно изменился и совсем не походил на прежнего несчастного, умиравшего с голоду мальчика. Еще меньше походил он на того уродца, с которым я встретился на чердаке у Гарафоли. Голова его больше не болела. Солнце и вольный воздух вернули ему здоровье и жизнерадостность. Во время нашего путешествия он всегда был бодр и весел и нередко поддерживал меня в минуты усталости и грусти.

На следующее утро мне дали рабочую одежду Алексиса. Я в последний раз посоветовал Маттиа и Капи быть как можно благоразумнее и последовал за дядей Гаспаром.

– Внимание! – сказал он, передавая мне лампу. – Ступай за мной, но не спускайся с одной ступени, прежде чем не нащупаешь другую.

Мы вошли в галерею; он шел впереди, я сзади.

– Если ты поскользнешься на лестнице, старайся удержаться, чтобы не упасть. Помни, здесь очень глубоко.

Я не нуждался в этих наставлениях – я и без того был достаточно настороже, потому что неприятно и жутко покидать дневной свет и погружаться во мрак на такую глубину. Я инстинктивно обернулся назад. Мы уже довольно далеко прошли по галерее, и свет в Конце этого длинного черного коридора казался белым Шаром, как луна на темном, беззвездном небе. – Лестница, – предупредил меня дядя Гаспар.

Перед нами зияла черная пропасть; в ее бездонной глубине я различал колеблющиеся огоньки ламп, которые по мере удаления все уменьшались. То были лампочки рабочих, раньше нас спустившихся в шахту. Отголоски их разговоров, как глухое ворчанье, доносились до нас вместе с теплым воздухом. Воздух этот имел какой-то странный запах – нечто вроде смеси эфира с уксусной эссенцией. Одна лестница следовала за другой.

– Вот мы достигли первого этажа, – заметил дядя Гаспар.

Мы находились в галерее с каменными стенами и сводчатыми потолками. Высота свода была чуть повыше человеческого роста, но были такие места, где, для того чтобы пройти, приходилось наклоняться.

– Это от давления грунта, – объяснил мне дядя Гаспар. – Гора повсюду изрыта, земля оседает и, когда ее давление слишком сильно, разрушает галереи.

На земле лежали рельсы, а вдоль галереи протекал небольшой ручеек.

– Этот ручей, так же как и другие, получается от просачивания воды, и все они стекают в сточную яму. Водоотливная машина выкачивает ежедневно от тысячи до тысячи двухсот кубических литров воды в Дивону. Если она прекратит работу, шахта будет затоплена. Мы сейчас находимся под Дивоной.

И так как я сделал невольное движение, он рассмеялся.

– На пятидесятиметровой глубине нет опасности, что она польется тебе за шиворот.

– А если образуются дыра?

– Ну вот еще, дыра! Галереи несколько раз проходят во всех направлениях под рекой, и есть шахты, где приходится опасаться наводнений, но не здесь. Тут хватает других неприятностей: рудничного газа, обвалов, взрывов.

Когда мы пришли на место работы, дядя Гаспар объяснил мне, что я должен делать; а когда наша вагонетка наполнилась углем, помог мне подкатить ее к шахтному колодцу и научил, как переходить на запасной путь при встрече с другими откатчиками. Он оказался прав: работа откатчика была не трудная, и уже через несколько часов я с ней вполне освоился. Мне не хватало только сноровки и привычки, необходимых в каждой работе для того, чтобы она стала менее утомительной. Но я не жаловался на усталость. Жизнь, которую я вел все эти годы, в особенности последнее трехмесячное путешествие, закалила меня.

Дядя Гаспар объявил, что я молодец и со временем могу стать хорошим шахтером.

Хотя мне очень хотелось побывать в шахте, но я вовсе не собирался работать там постоянно. У меня не было никакого желания сделаться шахтером.

Когда я катил вагонетку по темным галереям, освещенным слабым светом ручной лампочки, не слыша ничего, кроме отдаленного грохота вагонеток, журчанья ручейков и ударов кирки, раздававшихся в мертвой тишине, часы работы казались мне бесконечно долгими и печальными. Оттого что спускаться в шахту и выходить из нее было делом слишком трудным, шахтеры оставались под землей двенадцать часов безвыходно и закусывали тут же на месте.

По соседству с дядей Гаспаром работал один откатчик. Но, в отличие от прочих откатчиков, это был не мальчик, а старик лет шестидесяти. В молодости он работал плотником, наблюдавшим за креплением галерей. Во время обвала ему раздробило три пальца, и это заставило его переменить профессию. Товарищи прозвали его «учителем», потому что он знал много такого, чего не знали не только обыкновенные забойщики, но даже мастера рудников.

Мы познакомились с ним в обеденный час и быстро сдружились. Я любил задавать вопросы, а он был не прочь поболтать, и вскоре мы стали неразлучны. В шахтах, где обычно мало разговаривают, нас прозвали болтунами.

Рассказы Алексиса не объяснили мне многого из того, что я хотел знать, а ответы дяди Гаспара совсем не удовлетворяли меня. Например, когда я спрашивал дядю Гаспара: «Что такое каменный уголь?», он отвечал:

«Это уголь, который находится в земле¹³».

Когда я задал этот вопрос «учителю», тот ответил мне совсем по-другому.

– Каменный уголь, – сказал он, – немногим отличается от древесного. Мы получаем древесный уголь, сжигая дерево в печке. А каменный уголь – это те же деревья, но росшие в лесах в очень древние времена и превращенные в уголь силами природы. – Так как я с изумлением посмотрел на него, он прибавил: Сейчас у нас нет времени разговаривать – надо работать, а вот завтра, в воскресенье, приходи ко мне, и я тебе все объясню. У меня есть куски угля и образцы различных пород, которые я собираю тридцать лет, по ним ты скорее поймешь то, что тебя интересует. Меня здесь в насмешку зовут учителем, но ты увидишь, что «учитель» может на что-то пригодиться. Итак, до завтра.

¹³ Здесь игра слов: каменный уголь по-французски дословно – земляной уголь.

На следующий день я сказал дяде Гаспару, что собираюсь пойти к «учителю».

– Ну что ж, – ответил он смеясь, – учитель нашел себе слушателя. Ступай, коли хочешь. Только смотри не загордись от его уроков. Если б «учитель» не был таким гордецом, он был бы очень хорошим человеком.

«Учитель» жил на некотором расстоянии от города, в бедном, печальном местечке, где в окрестностях было много естественно образовавшихся пещер. Он снимал нечто вроде погреба у одной старой женщины, вдовы шахтера, погибшего во время обвала. На самом сухом месте он устроил себе постель; но это было только относительно сухое место, потому что на деревянных ножках кровати росли грибы. Шахтеры привыкли к постоянной сырости, и «учителя» это ничуть не смущало. Для него самым важным было то, что квартира находилась вблизи горных пещер, где он делал раскопки, и что он мог в ней расположить свою коллекцию каменного угля и камней с отпечатками ископаемых животных и растений.

Он встретил меня радостным восклицанием:

– Я приготовил для тебя очень вкусное блюдо – жареные каштаны! Мы сначала полакомимся, а затем поговорим, и я покажу тебе свою коллекцию.

Он произнес слово «коллекция» таким тоном, что я понял, почему товарищи упрекают его в гордости. Насколько я мог судить, его коллекция действительно была чрезвычайно богатой, и занимала она все помещение. Маленькие образцы лежали на досках и столах, более крупные – прямо на земле. В течение многих лет «учитель» собирал все, что встречал любопытного, а так как рудники рек Серы и Дивоны богаты растительными окаменелостями, у него попадались весьма редкие экземпляры, которые могли привести в восторг любого геолога или натуралиста. Ему также не терпелось поговорить со мной, как мне – его послушать, и мы быстро покончили с едой.

– Ты хочешь знать, – сказал он мне, – что такое каменный уголь? Я объясню тебе это в немногих словах. Земной шар, на котором мы живем, не всегда был таким, как теперь. Он претерпел много изменений. Было время, когда наша страна была покрыта растениями, которые водятся теперь только в теплых странах, например папоротниковыми деревьями. Затем эта растительность сменилась другой, другая – третьей. Так продолжалось сотни, тысячи, а может быть, и миллионы лет.

Я покажу тебе сейчас несколько кусков угля; а главным образом много камней, взятых из стен и потолка наших галерей, на которых ты увидишь отпечатки различных растений, сохранившихся как в гербариях. Уголь образуется, как я тебе уже сказал, от скопления вымерших растений и деревьев, значит он не что иное, как разложившееся и слежавшееся дерево. Мы находим в земле залежи каменного угля в двадцать и тридцать метров толщиной. Сколько надо времени на то, чтобы наслоились такие пласты? Чтобы образовался пласт угля в тридцать метров толщиной, требуется последовательный рост на одном и том же месте пяти тысяч строевых деревьев, то есть надо пятьсот тысяч лет. Цифра поразительная, не правда ли? Но она не точная, потому что деревья не растут с одинаковой скоростью.

Больше ста лет требуется на то, чтобы они выросли и погибли, а когда одно поколение сменяется другим, нужен еще целый ряд изменений и сдвигов в земной коре, чтобы такой слой разложившихся растений был в состоянии питать новый слой. Следовательно, ты видишь, что пятисот тысяч лет недостаточно и что требуется гораздо больше времени. Сколько же? Этого я не знаю и определить не могу. Я хотел только дать тебе понятие о происхождении каменного угля, чтобы ты был в состоянии посмотреть мою коллекцию. Приступим к ее осмотру. Мое посещение затянулось до поздней ночи, потому что над каждым камнем, над каждым отпечатком растения «учитель» опять начинал свои объяснения. В конце концов я стал понимать многое из того, что раньше меня удивляло и было совершенно непонятно.

ГЛАВА IV. НАВОДНЕНИЕ

На следующее утро мы снова встретились с «учителем» в шахте.

– Ну как, доволен ли ты мальчиком? – спросил его дядя Гаспар.

– Да, он умеет слушать и, надеюсь, в скором времени научится и видеть.

– А пока пусть помнит, что у него есть руки, и скорее принимается за работу, – сказал дядя Гаспар.

И он отодвинулся, давая мне местечко в забое, чтобы я помог ему отделить кусок угля, который он начал вырезать. Откатчики обычно помогают забойщикам.

Когда я уже в третий раз катил свою вагонетку к шахтному колодцу, я услышал какой-то необычайный и страшный грохот.

Что там такое: оползень или обвал? Я прислушался. Шум продолжался и раздавался со всех сторон. Первым моим чувством был страх, и я собрался было бежать к лестницам. Но над моими страхами столько раз смеялись, что мне сделалось стыдно. Вероятно, где-нибудь в шахте произошел небольшой взрыв или вагонетка сорвалась с каната, а может быть, просто осыпалась земля.

Вдруг мимо меня, как эскадрон кавалерии, промчалась стая крыс. Затем мне показалось, что я слышу какой-то странный шорох, похожий на плеск воды. Я взял лампу и осветил ею землю. Да, это была вода; она поступала со стороны шахтного колодца и заливала галерею. Ужасный шум и рев происходил от воды, которая врывается в шахту.

Оставив на рельсах вагонетку, я опрометью бросился к забою:

– Дядя Гаспар, в шахте вода!

– Брось болтать чепуху!

– Дивона прорвалась. Спасайтесь!

– Не приставай ко мне!

– Послушайте сами!

У меня был такой взволнованный голос, что дядя Гаспар оставил кирку и прислушался. Шум становился все более грозным и ужасающим. Сомнений не могло быть: вода затопляла шахту.

С криком: «В шахте вода, беги скорее!» – дядя Гаспар схватил лампу и бросился в галерею.

Не пробежав и десяти шагов, я заметил «учителя», который тоже спускался в галерею, чтобы узнать о причине шума.

– В шахте вода! – закричал дядя Гаспар.

– В Дивоне дыра! – заявил я.

– Как ты глуп! – возмутился дядя Гаспар.

– Спасайтесь! – крикнул «учитель».

Вода быстро затопляла галерею. Она уже доходила до колен и сильно замедляла наши движения. «Учитель» бежал рядом с нами, и мы все кричали:

– Спасайтесь! В шахте вода!

Вода прибывала с бешеной скоростью. По счастью, мы находились недалеко от лестницы, иначе мы не успели бы до нее добраться. «Учитель» добежал первым, но остановился.

– Поднимайтесь раньше вы, – сказал он. – Я самый старый, и совесть у меня чиста.

Не время было разводить церемонии. Дядя Гаспар полез первым, я – за ним, «учитель» – позади нас, а за нами еще несколько шахтеров. Эти сорок метров между вторым и первым этажами никогда, вероятно, не проходили так быстро. Но прежде чем мы достигли последней ступеньки, сильная струя воды обрушилась нам на головы и потушила наши лампы.

– Держитесь крепче! – закричал дядя Гаспар. «Учитель», дядя Гаспар и я крепко уцепились за ступеньки, чтобы не слететь, но все шедшие позади были смыты водой. Если бы мы не были уже наверху, с нами случилось бы то же самое, потому что эта струя сразу превратилась в поток.

Хотя мы достигли первого этажа, мы все еще подвергались опасности, так как, прежде чем выйти на поверхность земли, нужно было подняться еще на пятьдесят метров, а вода

заливала уже и эту галерею. Кроме того, мы оказались впотьмах, так как лампы потухли.

– Мы погибли, – сказал довольно спокойно «учитель».

В то же мгновение в галерее появилось несколько ламп. Подбежавшие к нам шахтеры хотели через галерею добраться до лестниц, находившихся почти рядом. Но как преодолеть поток, преграждающий путь? Как уберечься от несущихся навстречу бревен?

У них вырвались те же слова, что и у «учителя»:

– Мы погибли!

– Да, так мы не спасемся! – воскликнул «учитель», который один среди нас всех сохранил полное присутствие духа. – Единственно, где можно укрыться, это на старых выработках.

Старые выработки были давным-давно заброшены, и туда никто не ходил, кроме «учителя», посещавшего их в поисках разных достопримечательностей.

– Вернемся обратно. Дайте мне лампу, я вас туда поведу, – заявил он.

Обычно его слова встречались с недоверием и насмешками, но сейчас все охотно повиновались этому старику, над которым потешались еще пять минут назад. Шахтеры протянули ему свои лампы. Он быстро схватил одной рукой лампу, а другой меня, и мы очутились впереди всех. Так как мы шли в одном направлении с потоком, то двигались довольно быстро. Сколько минут или секунд мы шли по галерее, не знаю, но вдруг «учитель» остановился.

– Мы не успеем, – объявил он, – вода прибывает слишком быстро.

И в самом деле, она уже доходила мне до бедер и поднималась все выше.

– Нам нужно укрыться в забое, – продолжал «учитель».

– А дальше?

– Забой никуда не ведет.

Подняться туда – означало попасть в тупик, но выбирать не приходилось. Надо было спешить в забой, выиграть несколько минут и, может быть, спастись.

Мы бросились в забой. Двое из наших товарищей побежали вдоль галереи, и мы их больше никогда не увидели. Немного придя в себя, мы услышали, как к шуму обвалов, падению воды, треску бревен и взрывам газа присоединился оглушительный рев.

– Это потоп!

– Конец света!

– Ребята, – сказал «учитель», – нам нельзя утомляться. Если мы будем так цепляться ногами и руками, то быстро выдохнемся. Необходимо вырыть ямки, чтобы иметь под собой опору.

Совет был правильный, но трудно выполнимый, потому что, кроме ламп, ни у кого не было никаких инструментов.

– Попробуем рыть крючками от лампочек, – продолжал «учитель».

Мы принялись рыть землю. Работа была трудная, так как забой был наклонный и скользкий. Но сознание того, что падение грозит нам смертью, удвоило нашу силу и ловкость. В несколько минут каждый из нас выдолбил впадину, куда можно было поставить ногу.

После этого мы перевели дух и рассмотрели друг друга. Нас было шестеро: «учитель», дядя Гаспар, два забойщика: Пажес и Бергуну, и два откатчика: Карори и я. Остальные шахтеры пропали в галерее.

Шум продолжал раздаваться с той же неистовой силой. Желая его преодолеть, мы говорили громко, и все-таки наши голоса звучали глухо.

– Скажи-ка что-нибудь, – попросил меня «учитель».

– А что мне сказать?

– Да все, что захочешь. Я произнес несколько слов.

– Хорошо, теперь немного тише. Так, прекрасно!

– Ты, верно, с ума сходишь, «учитель»! – сказал Пажес.

– Он со страха помешался.

- Или ты думаешь, что уже помер?
- Я думаю, что вода до нас не доберется, и если нам суждено умереть, то мы, во всяком случае, не утонем. Что ты этим хочешь сказать?
- Погляди на свою лампу.
- Так что ж – она горит.
- Горит, как всегда?
- Нет, пламя ярче, но короче обычного.
- Разве здесь гремучий газ?
- Нет, – сказал «учитель», – этого тоже не приходится опасаться.
- Не строй из себя колдуна.
- И не думаю. Мы находимся сейчас внутри воздушного колодца, и сжатый воздух мешает подъему воды. Забой является для нас тем же, чем стеклянный колпак для водолаза. Вытесненный водой воздух скопился в этой галерее и теперь сам вытесняет воду.
- Услыхав объяснения «учителя», шахтеры недоверчиво заворчали:
- Вот глупость-то! Разве вода не сильнее всего?
- Да, когда она свободно течет. Но если ты погружаешь в ведро с водой стакан дном кверху, доходит ли вода до дна стакана? Нет, там остается пустое пространство. Здесь такая же самая штука. Мы находимся как бы на дне опрокинутого стакана, и вода до нас не дойдет.
- Понятно, – сказал дядя Гаспар, – и вижу теперь, что мы напрасно смеялись над «учителем». Он знает многое, чего мы не знаем.
- Значит, мы спасемся? – спросил Карори.
- Спасемся? Неизвестно. Но что мы не утонем, это я могу сказать наверняка. Наше спасение в том, что забой закрыт и воздух благодаря этому не выходит. Но как раз то, что сейчас нас спасает, может впоследствии нас погубить. Воздух не может отсюда выйти, но и мы тоже не можем выйти.
- А когда вода спадет?
- Спадёт ли она, тоже неизвестно. Для этого надо знать, откуда она взялась. Вышла ли из берегов Дивона и залила шахты? Буря ли это? Прорвался ли какой-нибудь источник? Было ли землетрясение? Ответить на это можно, только находясь наверху, а мы, к несчастью, находимся под землей.
- Возможно, что весь город снесен водой?
- Возможно...
- Наступило тяжелое молчание. Шум воды прекратился. По временам слышались только глухие взрывы и чувствовались какие-то толчки.
- Шахта, верно, наполнилась водой, и ей больше некуда литься, – объяснил «учитель».
- Ладно, но что же нам делать? – спросил через минуту Бергуну.
- Ничего не делать, ждать, – ответил «учитель».
- Ждать чего?
- Просто ждать. Разве ты можешь прорыть ламповым крючком те сорок или пятьдесят метров, которые отделяют нас от поверхности земли!
- Но мы умрем с голоду!
- Самая большая опасность не в этом.
- Послушай, «учитель», не пугай! В чем же, по-твоему, самая большая опасность?
- Голод не так страшен. Я читал, что однажды рабочие, так же как мы, застигнутые водой в шахте, просидели без еды целых двадцать четыре дня. Нет, голод меня не пугает.
- А чего ты боишься, если думаешь, что вода больше не поднимется?
- Мы находимся под землей на глубине сорока метров, и, вероятно, над нами тридцать пять или сорок метров воды. Это значит, что воздух подвергается давлению четырех или пяти атмосфер. Сколько времени можно прожить в таком сжатом воздухе? Вот что меня беспокоит и что мы узнаем на собственной шкуре.
- Я не имел никакого представления о сжатом воздухе, и потому меня сильно испугали слова «учителя». Остальные мои товарищи знали не больше моего, а потому их, так же как и

меня, пугала неизвестность. Несмотря на то что «учитель» сознавал всю безнадежность нашего положения, он продолжал думать о том, как бы подольше продержаться.

– Главное, надо устроиться так, чтобы не свалиться в воду, – заявил он.

– Мы уже вырыли ступеньки.

– Вы скоро устанете стоять в одном положении.

– А ты полагаешь, что мы здесь долго проторчим? Нам придут на помощь.

– Безусловно. Но сколько времени пройдет, пока организуют наше спасение? Только те, кто наверху, могли бы это сказать. Мы же находимся под землей, и нам следует устроиться как можно лучше; если кто-нибудь из нас поскользнется, он погиб.

– Давайте свяжемся веревкой.

– А где веревка?

– Будем держаться за руки.

– По-моему, лучше всего вырыть площадки. Нас шестеро, на двух площадках мы гложем расположиться все.

– А чем рыть?

– Кирок-то у нас нет!

– Крючками от лампочек – там, где мягкий грунт, и ножами – где твердый.

Своим хладнокровием и решимостью «учитель» завоевал у нас авторитет, который возрастал с каждой минутой. В этом величие и красота мужества – оно внушает уважение. Мы чувствовали, что «учитель» морально сильнее нас, и ждали теперь от него спасения.

Все усердно принялись за работу, потому что поняли, что нужно устроиться так, чтобы не скатиться в воду.

– Сперва выберем места, где легче рыть, – предложил «учитель».

– Послушайте, – обратился к нам дядя Гаспар, – у меня есть предложение. Среди нас только один «учитель» сохранил присутствие духа. Хотя он такой же шахтер, как мы, но он знает больше других. Я предлагаю выбрать его начальником и руководителем работ. Что вы на это скажете, товарищи?

– Мы ждем твоих распоряжений, «учитель».

– И будем тебя слушаться.

– Ладно, – ответил «учитель», – если вы так решаете – я согласен, при условии, что вы будете делать все, что я прикажу. Нам, вероятно, придется здесь пробыть долго, и неизвестно, что может еще случиться. Но что бы ни произошло, вы обязаны меня слушаться, как своего начальника.

– Будем слушаться, – ответили все хором.

– Клянется? – спросил «учитель».

– Клянемся, – снова ответили шахтеры. И мы принялись за работу. У всех имелись хорошие ножи с крепкой ручкой и прочным лезвием.

– Трое самых сильных будут рыть, – сказал «учитель», – а более слабые: Реми, Пажес и я – выравнивать площадку и убирать породу.

– Нет, только не ты, – перебили его шахтеры. – Ты наш инженер, и ты уже стар, чтобы работать.

Нам предстояло вырыть в сланце две площадки такой величины, чтобы на каждой из них без риска скатиться вниз могло поместиться трое. Сделать это одними ножами было делом нелегким. Двое рыли грунт, а третий сбрасывал куски сланца. «Учитель» с лампой в руке следил за работой. При рытье мы нашли несколько обломков деревянной крепи, и они нам очень пригодились. Ими мы удерживали щебень, не позволяя ему скатываться вниз.

После непрерывной трехчасовой работы мы вырыли площадку, на которой могли усесться.

– Пока довольно, – объявил «учитель». – Позже мы увеличим площадку с таким расчетом, чтобы можно было на ней лежать. Не следует сразу расходовать много сил и утомляться.

«Учитель», дядя Гаспар и я разместились на нижней площадке, трое остальных – на

верхней.

– Надо поберечь лампы, – сказал «учитель». – Потушим их, пусть горит только одна.

Все его приказания выполнялись немедленно, но только мы собрались потушить лампочки, как «учитель» остановил нас;

– Минутку... А вдруг лампа потухнет? Есть у кого-нибудь спички?

Несмотря на то что в шахтах строго запрещалось зажигать огонь, почти у всех рабочих оказались в кармане спички. Четверо ответили:

– У меня!

– У меня тоже есть, – продолжал «учитель», – но они мокрые.

То же самое оказалось и у других, потому что у всех спички лежали в карманах брюк.

Карори, который соображал очень туго, наконец ответил:

– У меня тоже есть спички.

– Мокрые?

– Не знаю. Они у меня в шапке.

– Давай сюда шапку!

Вместо того чтобы подать свою огромную меховую шапку, Карори передал нам коробку спичек. Спички оказались сухими.

– Тушите лампы! – приказал «учитель». Осталась гореть одна лампочка, еле освещавшая нашу клетку.

ГЛАВА V. В ЗАБОЕ

Теперь в шахте стояла полная тишина. Шахта была затоплена, как правильно сказал «учитель», и вода, залив все галереи, замуровала нас в нашей тюрьме более прочно, чем каменная кладка. Это тяжелое, непроницаемое, мертвое молчание было страшнее того оглушительного шума, который мы слышали во время низвержения воды. Мы оказались в могиле, погребенные заживо. Над нашими головами находилось около сорока метров земли.

Работа отвлекает, и, окончив ее, мы все сразу пали духом.

В спертom воздухе становилось трудно дышать. Я чувствовал тяжесть в груди и звон в ушах. Вероятно, «учителю» было не легче, чем нам, но, желая отвлечь нас от мрачных мыслей, он заговорил:

– А теперь давайте посмотрим, что у нас есть из провизии. У кого есть хлеб? Все молчали.

– У меня в кармане корка хлеба, – ответил я. – В каком кармане?

– В кармане брюк.

– Тогда твой хлеб превратился в кашу. Но все-таки покажи его.

Я полез в карман, куда утром положил вкусную, хрустящую корочку, и вытащил оттуда какую-то слякоть. Я собирался уже бросить ее, но «учитель» остановил меня:

– Побереги эту похлебку, скоро она покажется тебе очень вкусной.

Такое предсказание было мало утешительным, но в то время мы не обратили на него внимания.

– Ни у кого больше нет хлеба? – спросил он. Никто не откликнулся.

– Это очень неприятно, – продолжал он.

– Ты что, голоден разве?

– Я забочусь не о себе, а о Реми и Карори. Хлеб нужен будет для них.

– А почему не для нас всех? – спросил Бергуну. – Это несправедливо.

– Значит, если б у нас был хлеб, мы бы сейчас перессорились? А вы как будто дали обещание слушаться меня. Но я не желаю никакого спора и объясню вам сейчас, почему хлеб предназначается для Реми и Карори. Установлено, что люди зрелого возраста, но не свыше шестидесяти лет, обычно более выносливы, чем молодежь. А Реми и Карори моложе всех пас.

– Ну, а тебе-то ведь больше шестидесяти?

– Я не в счет. К тому же я привык есть мало.
– Значит, – сказал Карори после минутного размышления, – если б у меня был хлеб, он достался бы мне.

– Тебе и Реми.

– А если б я не захотел его отдать?

– У тебя бы его отняли. Разве ты не обещал мне слушаться?

Карори довольно долго молчал, потом вдруг вынул из шапки краюху хлеба.

– Возьми, вот мой кусок.

– Шапка Карори полна сокровищ! Дайте-ка мне ее, – приказал «учитель».

Карори очень не хотелось отдавать шапку, но у него ее отняли и передали «учителю».

«Учитель» взял лампу и стал рассматривать содержимое шапки. Несмотря на наше грустное положение, мы все на минуту развеселились. В шапке оказался целый склад: трубка, табак, ключ, кусок колбасы, свисток, сделанный из косточки персика, бабки, три свежих ореха и луковица.

– Хлеб и колбасу мы поделим вечером между тобой и Реми.

– Но я уже сейчас хочу есть! – жалобным тоном заявил Карори.

– Вечером ты будешь еще голоднее.

– Какое несчастье, что в шапке этого малого не оказалось часов! Мы бы знали теперь, который час.

Мои часы, после того как побывали в воде, остановились совсем. Действительно, сколько могло быть времени? С каких пор находимся мы в забое? Одним казалось, что был полдень, другим – что шесть вечера. Одни считали, что мы сидим уже десять часов, другие думали, что не прошло и пяти.

Когда вопрос о времени был исчерпан, все замолчали. О чем думали мои товарищи, не знаю, но если судить по себе, то, вероятно, об очень печальных вещах. Я боялся воды, боялся темноты, боялся смерти. Молчание угнетало меня, а ненадежные стены забоя, казалось, давили меня своей тяжестью. Итак, я никогда больше не увижу Лизу, Этьеннету, Алексиса и Бенжамена. Как будут они теперь получать известия друг о друге? Артура, госпожу Миллиган, Маттиа и Капи – их я тоже никогда больше не увижу. А матушка Барберен, бедная матушка Барберен! Мысли одна мрачнее другой сменялись в моей голове.

Вдруг среди тишины раздался голос дяди Гаспара.

– По-моему, – сказал он, – о нашем спасении еще и не думают.

– Почему ты так решил?

– Мы ничего не слышим.

– Возможно, произошло землетрясение и весь город разрушен.

А может быть, в городе считают, что все погибли и ничего сделать нельзя.

– Значит, нас бросили на произвол судьбы?

– Отчего вы так скверно думаете о ваших товарищах? – перебил их «учитель». – Вы прекрасно знаете, что, когда случается несчастье, шахтеры скорее погибнут сами, чем оставят своего товарища без помощи. Разве не так?

– Да, это правда.

– Тогда почему же вы решаете, что нам не помогут?

– Ничего не слышно.

– Не слышно, это верно. Но я сомневаюсь, можем ли мы здесь что-либо услышать. Если работы по спасению не начаты, то это еще не значит, что нас бросили. Ведь мы не знаем, как произошла катастрофа. Если это землетрясение, то для оставшихся в живых работы и в городе достаточно. Если это только наводнение, как я думаю, то надо знать, в каком состоянии находятся стволы шахт. Возможно, и они и галерея для спуска рабочих разрушены. Я не утверждаю, что мы будем спасены, но уверен, что работы по нашему спасению уже ведутся.

Он сказал это с такой уверенностью, что даже наиболее малодушные перестали сомневаться.

Один только Бергуну возразил:

– А если решат, что мы погибли?

– Работать все равно будут; но мы постараемся доказать, что мы живы. Давайте стучать в стену как можно сильнее. Вы знаете, что звук хорошо передается через землю. Если нас услышат, то поймут, что следует торопиться, и будут знать, где нас искать.

Бергуну, у которого были толстые сапоги, тотчас же принялся колотить в стену ногами, как бы созывая шахтеров.

– А как ты думаешь, «учитель», – спросил дядя Гаспар, – как они будут нас спасать?

– Есть две возможности; первая – прорыть ход к этому забою, а вторая выкачать воду.

– Вырыть ход!

– Выкачать воду!

Эти восклицания не смутили «учителя»:

– Мы находимся на глубине сорока метров. Если будут рыть по восьми метров в день, то дней через семь-восемь до нас доберутся.

– В день не вырыть шести метров. – Трудно, но для спасения своих товарищей возможно.

– Мы не продержимся восемь дней. Подумай только, «учитель», – восемь дней!

– Ну ладно, а вода? Как ее выкачать?

Начался спор о том, каким образом лучше действовать. Из этого спора я понял только одно: что при самых благоприятных обстоятельствах придется прожить в нашем склепе не меньше восьми дней. Восемь дней! Не знаю, сколько времени я был под впечатлением этой ужасной мысли, как вдруг спор прекратился.

– Слушайте, слушайте! – сказал Карори.

– Ну что?

– С водой что-то творится!

– Ты, верно, уронил в нее камень.

– Нет, звук какой-то глухой. Все прислушались.

– Да, – сказал «учитель», – с водой что-то происходит.

– Что же, «учитель»?

– Не знаю.

– Вода спадает?

– Нет, не то. Стук раздается через равные промежутки времени.

– Через равные промежутки! Ребята, мы спасены! Это бадьями откачивают воду!

– Откачивают воду! – вскрикнули все в один голос и вскочили, как от электрического тока.

Мы забыли о том, что над нами сорок метров земли, не чувствовали больше сперттого воздуха. Стены забоя уже нас не давили, звон в ушах прекратился. Мы дышали легко, сердца свободно бились в груди.

Теперь, чтобы точнее описать вам эту страшную катастрофу, я должен рассказать, как она произошла и что было сделано для нашего спасения.

В понедельник утром, когда шахтеры спускались в шахту, небо было покрыто тучами и все предвещало грозу. Около семи часов утра разразилась гроза со страшным ливнем. Это был настоящий потоп. В несколько минут Дивона вышла из берегов, и вода затопила поверхность земли, где находились шахтеры. Рабочие, занятые наверху промывкой руды, спрятались от грозы и были в полной безопасности. В этой местности наводнения случались не раз; но так как входы в шахты расположены на значительной высоте, все считали, что вода не может в них проникнуть, и беспокоились только о том, как бы спасти кучу бревен, приготовленную для крепления галерей.

За этой работой и наблюдал инженер рудника. Вдруг он заметил поток, который стремился в только что образовавшуюся пробоину. Он сразу понял, в чем дело. Вода врывалась в шахту и убывала на поверхности. Следовательно, шахты будут затоплены. Полтора рабочих находились в этот день под землей, потому что полтора лампы было

роздано утром. Тридцать ламп было возвращено обратно, но сто двадцать шахтеров еще оставались в шахтах. Живы ли они? Смогут ли укрыться от воды в каком-либо убежище?

В это время в некоторых местах земля и камни начали взлетать на большую высоту. Дома дрожали, как от землетрясения. Газ и воздух, вытесняемые водой, скапливались и там, где давление земли было слабее, прорывали ее поверхность, как стенки котла. Катастрофа совершилась.

Новость быстро распространилась по Варсу. Со всех сторон к руднику бежал народ: рабочие, любопытные, жены и дети шахтеров, находившихся в шахтах. Они задавали вопросы, требовали ответа, кричали:

– От нас скрывают правду! Виноват инженер! Смерть ему!

И толпа ринулась в контору, где инженер, склонившись над чертежами, отыскивал места, где могли укрыться шахтеры, и решал, откуда надо было начинать спасательные работы.

К счастью, подоспели инженеры и шахтеры соседних рудников, а также городские рабочие, и толпу удалось сдержать.

– Отец мой! Где мой муж?! Отдайте мне моего сына! – слышались взволнованные крики, прерываемые рыданиями.

Что можно было ответить этим несчастным детям, женам, матерям?

– Мы сделаем все возможное, мы отыщем и спасем их, – успокаивали их инженеры.

Работа была организована именно так, как предполагал «учитель». Вода вычерпывалась баднями в трех стволах шахт, и эта работа должна была производиться и днем и ночью, до тех пор пока последняя капля воды не будет выкачана в Дивону. В то же время начали рыть подземные ходы. В каком направлении следовало их вести, никто не знал. Рыли наугад. По этому поводу среди инженеров возникли разногласия. Некоторые считали такую работу бесполезной. Но инженер рудника надеялся, что люди укрылись в старых выработках, и настаивал, чтобы ход вели по направлению к ним. Ход делали очень узким: в нем помещался только один забойщик. Отбитый уголь сваливали в корзины, которые передавали по контейнеру наружу. Как только забойщик уставал, его сейчас же сменял другой. Так, без перерыва, днем и ночью, производились обе работы: откачка воды и рытье хода. Если время тянулось медленно для тех, кто работал наверху, то насколько медленнее тянулось оно под землей! Нам, несчастным пленникам, оставалось только одно: ждать и ждать, не зная наверняка, успеют ли нас спасти. Шум бадей, черпающих воду, недолго радовал нас. Скоро у всех появились сомнения. Спасательные работы начались – это верно, но как долго они продолжатся неизвестно. В этом-то и заключался весь ужас. К нравственным мучениям присоединялись теперь и физические.

Находясь на узкой площадке, мы не могли сделать ни одного движения, чтобы размяться, и это нас страшно утомляло. У всех начались головные боли, которые становились все сильнее и мучительнее. Лучше других чувствовал себя почему-то Карори.

– Я голоден, – твердил он время от времени. – «Учитель», дайте хлебца!

В конце концов «учитель» решил отрезать нам по куску от краюхи, вынутой из шапки Карори.

– Мне мало, – заявил Карори.

– Придется есть понемногу, чтобы хлеба хватило подольше.

Остальные с наслаждением разделили бы с нами эту еду, но они обещали слушаться и держали свое слово.

– Нам запрещается есть, но пить, я думаю, можно? – спросил Бергуну.

– Пей сколько влезет, воды у нас хватит.

– Выпей хоть всю галерею.

Пажес хотел спуститься вниз, но «учитель» ему не позволил:

– Ты свалишь туда мусор. Реми легче тебя и более ловок, он спустится и достанет нам воды.

– В чем?

– В моем сапоге.

Мне дали сапог, и я приготовился соскользнуть вниз.

– Подожди, – сказал «учитель», – я подержу тебя.

– Не бойтесь, я умею плавать.

– Держись за меня, – и он протянул руку.

Оттого ли, что «учитель» плохо рассчитал свои движения, или у него онемели ноги, но он поскользнулся и полетел в темную яму головой вниз. Туда же полетела лампа, которой он мне светил. Мы очутились в полной тьме. У всех вырвался крик ужаса. К счастью, я уже спустился и бросился в воду вслед за «учителем».

Во время моих странствий с Виталисом я хорошо научился плавать и нырять и чувствовал себя в воде так же уверенно, как на земле. Но как ориентироваться здесь, в такой темноте? Об этом я не думал, а боялся только того, что «учитель» утонет. Где его искать? Куда нырять? Вдруг я почувствовал, как его рука судорожно схватила меня за плечо и потащила под воду. Сильным ударом ноги я поднялся на поверхность.

– Держитесь за меня, «учитель», опирайтесь сильнее и поднимайте голову! Я вас спасу.

Но до спасения было еще далеко, так как я не имел понятия, в какую сторону следовало плыть.

– Что же вы молчите? – закричал я.

– Реми, где ты?

Это был голос дяди Гаспара. Теперь я знал, что следует плыть налево.

– Зажгите лампу!

Почти тотчас же загорелся свет. Я ухватился за глыбу каменного угля и вытащил «учителя». Это было как раз вовремя, так как он наглотался воды и уже начал задыхаться. Дядя Гаспар и Карори подняли «учителя» на площадку. Вслед за ним взобрался и я. «Учитель» довольно скоро пришел в себя.

Правда, мы не утонули, но промокли с головы до ног, что было весьма неприятно. Сначала мы не обратили на это внимания, но вскоре холод дал себя знать.

– Дайте какую-нибудь куртку Реми, – приказал «учитель».

Никто не ответил.

– Все молчат?

– Мне самому холодно, – заявил Карори.

– А ты думаешь, нам тепло? Ведь мы промокли насквозь, – сказал «учитель».

– Вольно же вам было падать в воду!

– Раз так, – сказал «учитель», – придется кинуть жребий, кто из вас должен отдать что-либо из одежды.

Мне посчастливилось: я получил куртку Бергуну. А так как Бергуну был человек длинноногий, то его куртка оказалась сухой. Завернувшись в нее, я быстро согрелся.

После этого неприятного случая, на какое-то время расшевелившего всех, мы снова впали в оцепенение и к нам вернулись мысли о смерти. По-видимому, эти мысли сильнее угнетали моих товарищей, чем меня, потому что они не могли спать, а я заснул. «Учитель», опасаясь, как бы я во сне не скатился в воду, стал меня поддерживать, и я почувствовал себя как ребенок на коленях у матери.

«Учитель» был не только умным, но и очень добрым человеком. Когда я просыпался, он менял положение своей онемевшей руки и говорил:

– Спи, мальчик, не бойся, я держу тебя. Спи мой маленький!

И я снова спокойно засыпал, зная, что он меня не уронит.

ГЛАВА VI. СПАСЕНЫ!

Пребывание в одном и том же положении на узких площадках становилось невыносимым. Было решено увеличить их, и все дружно принялись за работу. Снова мы начали долбить почву и выбрасывать щебень. Так как у нас под ногами имелась твердая

точка опоры, работа шла легче, и мы быстро расширили нашу тюрьму. Теперь мы могли растянуться во всю длину, а не сидеть, как прежде, свесив ноги, что было крайне мучительно. Хотя краюха хлеба давалась нам маленькими порциями, ей все же пришел конец. Впрочем, последние куски были съедены нами как раз вовремя. Когда «учитель» передавал их нам, мы поняли по взглядам остальных, что если бы им еще раз не дали хлеба, они взяли бы его силой.

Мы больше не говорили о спасении, так как потеряли всякую надежду и думали только о смерти. Когда кто-нибудь из нас начинал особенно сильно отчаиваться, «учитель» старался ободрить его:

- Ты не пробудешь здесь дольше других. Бадьи работают, вода спадает.
- Как бы ты нас ни уверял, «учитель», бадьи никогда не вычерпают столько воды.
- Я уже много раз доказывал вам, что это возможно. Потерпите немного.

Если спасательные работы шли недостаточно быстро, то это происходило не по вине инженеров или шахтеров. Рытье наклонного хода продолжалось непрерывно, но было делом весьма трудным. Пласт угля, через который прокладывали ход, оказался очень твердым, и это задерживало проходку. На седьмой день нашего заключения было прорыто всего двадцать метров. В обычных условиях такая работа заняла бы больше месяца, и только благодаря рвению работающих дело шло так быстро.

Но вот на седьмой день один из шахтеров услышал легкий шум и слабые удары. Он прекратил долбить киркой и приложил ухо к земле. Думая, что это ему только кажется, он подозвал одного из своих товарищей, и они стали слушать вдвоем. Через минуту слабый стук, повторявшийся через правильные промежутки времени, долетел до них. Тотчас же новость стала передаваться из уст в уста. Ее встретили с недоверием, но когда она дошла до инженера, он поспешил к проходке. Наконец-то! Он отстранил шахтеров и приложил ухо к земле, но был настолько взволнован, что ничего не услышал.

– Я не слышу! – воскликнул он в отчаянии.

Однако те забойщики, которые первыми услышали стук, уверяли, что они не ошибаются и что стуки раздаются в ответ на их удары. Это были опытные люди, состарившиеся в руднике, и их словам нельзя было не доверять.

Инженер заставил выйти всех, кто пришел с ним, и остался только с двумя забойщиками. Они несколько раз сильно ударили киркой, а затем, затаив дыхание, прильнули ухом к почве.

Прошла минута томительного ожидания, и вдруг в ответ на их стук послышались равномерные удары.

– Стучите еще раз, чтобы убедиться, что это не эхо.

Забойщики снова постучали, и в ответ раздался удары – условный сигнал шахтеров.

Без сомнения, там были живые люди.

Новость распространилась по городу, и огромная толпа ринулась к руднику, еще более взволнованная, чем в день катастрофы. Прибежали жены, дети, матери и родственники пострадавших.

Доносившиеся из-под земли звуки были настолько слабы, что невозможно было точно определить место, откуда они исходят. Но было ясно, что спасшиеся от наводнения находятся в одной из трех старых выработок. Чтобы достигнуть этих забоев, нужно было рыть целых три хода. В дальнейшем ненужные проходы решено было оставить и все усилия сосредоточить на одном.

Работы возобновились с еще большим жаром. Соседние рудники прислали на место катастрофы своих лучших забойщиков. Появилась также надежда добраться до нас и через галерею, потому что уровень воды в шахтах стал понижаться.

Когда до нас дошли сигналы инженера, мы испытали ту же огромную радость, что и тогда, когда слышали шум откачивающих воду бадей.

– Спасены!

Потом, так же как и в тот раз, надежда сменилась отчаянием. Стук кирок ясно

указывал, что работающие находятся еще очень далеко. Нас разделяли двадцать, а может быть, и все тридцать метров. Сколько потребуется на то, чтобы пробить такую толщу? Несколько дней, неделя, месяц? Кто из нас сможет прожить так долго? Мы уже столько времени ничего не ели! Один «учитель» еще оставался по-прежнему мужественным, но в конце концов наше отчаяние заразило и его. Кроме того, он начал заметно ослабевать физически.

Пить мы могли сколько угодно, но есть было нечего, и голод сделался таким мучительным, что мы даже пробовали есть гнилое дерево, размоченное в воде, Карори, страдавший от голода больше нас всех, разрезал свой сапог и непрерывно жевал куски кожи.

Отсутствие света тоже доставляло нам много мучений. Масло постепенно выгорало. И когда выяснилось, что масло осталось только в двух лампочках, «учитель» решил зажигать свет лишь в случае крайней необходимости. Теперь мы все время сидели в темноте. Это было не только страшно, но и очень опасно: при малейшем неловком движении мы могли скатиться в воду.

Изредка мы стучали в стену, желая показать нашим спасителям, что мы еще живы. Мы слышали, как их кирки долбят без отдыха, но слабые звуки ударов указывали, что они находятся еще очень далеко от нас.

Когда я спустился однажды, чтобы набрать воды для питья, мне показалось, что вода понизилась на несколько сантиметров.

– Вода спадает!

– Боже мой!

И мы еще раз пережили восторг надежды. Нам очень не хотелось тушить лампочки, чтобы видеть, как будет спадать вода, но «учитель» запротестовал:

– Лампочки понадобятся нам позднее. Если масло сейчас выгорит, то что мы будем делать, когда нам будет необходим свет? У нас осталось еще тринадцать спичек. Каждый раз, как вам этого захочется, мы сможем ими воспользоваться.

Лампочка была потушена. Мы все напились воды, а затем в продолжение долгих часов, а может быть, и дней, не двигались. Единственное, что нас поддерживало, был стук кирок, долбящих проход, и шум бадей в стволах шахт.

Постепенно звуки становились слышнее, вода спадала, к нам приближались. Но успеют ли нас спасти?

Если спасательные работы продвигались с каждой минутой, то и наша слабость с каждой минутой увеличивалась и становилась мучительнее: мы слабели и телом и духом. Со дня наводнения мои товарищи ничего не ели. Но хуже всего было то, что из-за отсутствия свежего воздуха становилось трудней и трудней дышать. К счастью, по мере того как убывала вода, атмосферное давление уменьшалось, иначе бы мы все задохнулись.

Наконец удары киркой сделались более отчетливыми. Несомненно, к нам приближались. «Учитель», желая подбодрить нас, сообщил, что скоро до нас доберутся.

– Если бы они были так близко, как ты думаешь, мы бы слышали их голоса, а то мы друг друга не слышим.

– Они могут находиться всего за несколько метров и не слышать нас. Это зависит от той породы, которую они пробивают.

– Или от расстояния!

Тем временем уровень воды сильно понизился, и вскоре мы поняли, что вода не доходит больше до крыши галереи. Мы услышали царапанье по сланцу забоя и плеск воды, как если бы в нее упали куски угля. Мы зажгли лампу и увидели крыс, бежавших по низу забоя. Так же как и мы, они спасались в воздушном колоколе и теперь покинули свое пристанище в поисках пищи. Если им удалось добраться до нас, следовательно, вода не наполняла больше галерею доверху.

Мне захотелось спуститься вниз, чтобы посмотреть, насколько быстро исчезает вода. Между водой и крышей галереи образовалось уже большое пространство.

– Налови нам крыс, – закричал Карори, – мы их съедим!

Но чтобы поймать крысу, следовало быть более ловким, чем я. Однако понизившийся уровень воды в галерее внушил мне мысль, которая взволновала меня и окрылила надеждой. Я влез обратно на площадку.

– Вот что я думаю, «учитель». Крысы бегут по галерее – значит, там образовалось свободное пространство, по которому я могу доплыть до лестниц. Я начну кричать, меня услышат, и до нас доберутся скорее, чем через проход.

– Нет, я тебе запрещаю!

– «Учитель», я плаваю очень хорошо и чувствую себя в воде, как рыба.

– А если ты задохнешься от спертого воздуха?

– Но раз крысы не задохнулись, то и я проплыву.

– Ступай, Реми! – закричал Пажес. – Я подарю тебе мои часы.

– Гаспар, что вы на это скажете? – спросил «учитель».

– Ничего. Если он думает достичь лестниц, пускай плывет, я не имею права ему мешать.

– А вдруг он утонет?

– А может быть, наоборот, спасется, вместо того чтобы умереть здесь.

«Учитель» с минуту подумал, потом, взяв меня за руку, сказал:

– Ну, мальчик, поступай, как знаешь. Я считаю, что это сделать невозможно, но и невозможное иногда удается. Обними нас.

Я поцеловал его и дядю Гаспара и спустился в воду.

– Кричите все время, – попросил я. – Ваши голоса будут указывать мне путь.

Было ли пространство между крышей галереи и водой достаточным для того, чтобы я мог свободно проплыть? Вот что меня интересовало.

Сделав несколько движений, я решил, что могу спокойно плыть, но медленно, дабы не стукнуться головой. Попытка оказалась возможной, но что ждет меня впереди: смерть или спасение?

Я обернулся и увидел свет лампочки, отражавшейся в темной воде. У меня был маяк.

– Плынешь хорошо? – закричал «учитель».

– Да.

И я продолжал осторожно плыть дальше.

Путь от забоя до лестниц представлял затруднение в том отношении, что в одном месте галереи перекрещивались. В темноте легко можно было ошибиться и сбиться с пути. Крыша и стены галереи не могли служить достаточным ориентиром, но на полу был надежный указатель – рельсы. Плывая вдоль рельсов, я мог наверняка добраться до лестниц.

От времени до времени я опускал ноги и, нащупав рельсы, медленно плыл дальше. Рельсы и голоса товарищей убеждали меня в том, что я на верном пути. Голоса становились глуше, шум черпаков – сильнее; значит, я продвигался.

Наконец-то я увижу дневной свет и благодаря мне будут спасены мои товарищи! Эти мысли придавали мне силы. Я плыл посередине галереи, и стоило мне опустить ногу, как я касался ею рельса. Но вдруг, сделав очередное движение, я не нащупал рельса. Тогда я нырнул, желая достать рельсы руками, затем проплыл от одной стены галереи до другой и тоже не нашел их. Неужели я сбился с пути?

Отдышавшись и набрав воздуха, я снова нырнул, но так же безуспешно: рельсов не было. Очевидно, я ошибся и поплыл не по той галерее. Надо было возвращаться обратно. Но куда? Мои товарищи больше не кричали или я их не слышал, что было одно и то же. На мгновение я остановился, охваченный мучительной тревогой, не зная, куда направиться. Неужели я погибну здесь, в этой непроглядной тьме, под этим душным сводом, в холодной, как лед, воде! Но вдруг я снова услышал голоса и сообразил, в какую сторону повернуть.

Проплыв немного назад, я нырнул и ощупал рельсы. Следовательно, здесь начиналось разветвление. Я искал поворотный круг и не находил его, искал выходы, которые должны иметься в галерее, но и справа и слева наталкивался на стены. Тогда я сообразил, что пути

разрушены и что мне нечем руководствоваться.

При этих условиях мой план оказался невыполнимым; приходилось возвращаться обратно. Дорога теперь была мне знакома, я знал, что она безопасна, а потому плыл быстро, желая скорее достигнуть забоя. Голоса товарищей указывали мне направление. Я скоро очутился у входа в забой.

– Плыви, плыви! – закричал «учитель».

– Я не нашел выхода.

– Не важно, рытье хода быстро продвигается. Они слышат наши голоса, а мы их. Скоро мы сможем разговаривать.

Я быстро вскарабкался наверх и прислушался. В самом деле, удары кирки раздавались гораздо отчетливее и крики спасающих нас доносились хотя и слабо, но вполне ясно.

Когда первые мгновения радости прошли, я почувствовал, что страшно прозяб. Так как теплой одежды не было, меня зарыли по шею в мелкий уголь, который всегда сохраняет в себе известную теплоту, а дядя Гаспар и «учитель» прижались ко мне. Тут я им рассказал про свою разведку и о том, что потерял рельсы.

– Как ты не боялся нырять!

– Чего же бояться? Обидно только, что я ничего не нашел.

Но, как уже сказал «учитель», теперь это не имело значения. Если мы не будем освобождены через галерею, мы будем спасены через прорытый ход.

Крики становились все яснее. Вскоре мы услышали три слова, произнесенные медленно и раздельно:

– Сколько вас тут?

Дядя Гаспар ответил громче всех; ему было поручено ответить:

– Шестеро!

Последовало мучительное молчание. Без сомнения, наверху надеялись, что нас больше.

– Торопитесь! – закричал дядя Гаспар. – Мы еле живы.

– Ваши имена?

Он перечислил всех: Бергуну, Пажес, «учитель», Гаспар, Карори, Реми.

Для тех, кто был снаружи, этот момент оказался особенно трагическим. Когда узнали, что с нами скоро можно будет разговаривать, прибежали все родные и близкие пропавших шахтеров, и солдаты с великим трудом удерживали их у входа в галерею.

После того как инженер объявил, что нас только шестеро, наступило тяжелое разочарование; но у каждого еще таилась надежда, что среди этих шести мог оказаться его близкий.

Инженер повторил наши имена. Увы! Сбылись надежды только у родственников четырех шахтеров. Сколько горя и слез для всех остальных матерей и жен!

Мы, в свою очередь, захотели узнать, кто еще спасся.

– Сколько всего спаслось? – спросил дядя Гаспар.

Нам не ответили.

– Теперь недолго ждать. Мужайтесь! Не будем больше разговаривать, это тормозит работу. Потерпите еще несколько часов.

Эти часы были для нас самыми длинными и самыми мучительными. Каждый удар киркой казался нам последним. Но за этим ударом следовал другой, а за ним следующий. Время от времени раздавались новые вопросы.

– Вы голодны?

– Ужасно!

– Если вы очень ослабли, мы сделаем буровую скважину и пришлем вам бульону, но это задержит работу. Лучше потерпите, скорее будете на свободе.

– Потерпим! Торопитесь!

Откачка бадьями тоже не прерывалась ни на минуту, и вода продолжала убывать.

– Крикни им, что вода спадает, – сказал «учитель».

– Знаем. Через ход или через галерею, но мы доберемся до вас очень скоро.

Удары киркой стали ослабевать. Очевидно, готовились пробить отверстие, но боялись обвала, который мог задавить нас или столкнуть в воду.

«Учитель» объяснил, что следовало также опасаться воздушного толчка. Как только отверстие будет пробито, воздух может ворваться наподобие пушечного ядра и все разрушить. Приходилось быть настороже. Сверху от ударов кирки сыпались небольшие куски угля, которые скатывались вниз и падали в воду.

Странное дело: чем больше приближался момент нашего освобождения, тем слабее мы становились. Что касается меня, то я уже не мог больше двигаться и, хотя мне не было холодно, дрожал с головы до ног.

Наконец несколько больших кусков откололось и упало между нами. Вверху забоя образовалось отверстие, и мы были ослеплены ярким светом. Затем сразу же наступил мрак: сильнейший вихрь затушил лампы.

– Не бойтесь, сейчас зажжем свет! Подождите немного.

Ждать, снова ждать!

Но вдруг раздался плеск воды в галерее, и, обернувшись, я увидел свет.

– Мужайтесь, мужайтесь! – кричали нам. К нам подходили со стороны галереи. Впереди всех шел инженер; он первым поднялся в забой, и я очутился у него на руках раньше, чем успел вымолвить слово.

Помощь подоспела вовремя, я уже терял сознание. Однако я еще почувствовал, что меня уносят и завертывают в одеяло. Я закрыл глаза, но яркий дневной свет заставил меня их открыть. Мы оказались на воздухе. В тот же миг что-то белое бросилось на меня – это был Капи. Одним прыжком он вскочил на руки к инженеру и теперь лизал мне лицо. Затем кто-то взял меня за правую руку и поцеловал.

– Реми! – произнес слабым голосом Маттиа.

Я огляделся вокруг и увидел огромную толпу, которая стояла двумя плотными рядами, образовав посередине проход. Толпа молчала – было приказано не волновать нас криками, но их взволнованный вид и взгляды были красноречивее слов.

Двадцать рук протянулось ко мне, чтобы взять меня, но инженер, счастливый и гордый своим успехом, сам захотел донести меня до конторы, где для нас были приготовлены постели.

Два дня спустя я уже гулял по улицам Варса в сопровождении Маттиа, Алексиса и Капи, и все встречные останавливались, чтобы поглядеть на меня. Некоторые подходили и пожимали мне руку со слезами на глазах. Другие, напротив, отворачивались. Это были те, кто потерял близких. Некоторые с горечью спрашивали себя, почему спасся этот сирота-ребенок, в то время как их отец или сын погибли в шахте. Некоторые приглашали меня обедать или пойти с ними в кафе.

– Расскажи нам все, что испытал, – просили они. Я благодарил их, но не соглашался: мне вовсе не хотелось рассказывать о моих переживаниях равнодушным людям, которые думали заплатить мне за это обедом или кружкой пива. К тому же я предпочитал слушать рассказы Алексиса или Маттиа о том, что происходило наверху, пока мы находились под землей.

– Я никогда не верил тому, что ты умер, – говорил Маттиа – Я был убежден, что утонуть ты не можешь и, если спасательные работы пойдут достаточно быстро, тебя где-нибудь да отыщут. И я спрашивал всех: «Сколько времени можно прожить без еды? Когда выкачают воду? Когда проруют ход?» Но никто не мог мне толком ничего ответить. Когда инженер назвал ваши имена, я упал на землю и заплакал. Кто-то наступил на меня, но я был так счастлив, что почти не почувствовал боли.

То, что Маттиа даже не допускал мысли о моей смерти, наполнило мне душу чувством гордости. Вот как сильно он верил в меня!

ГЛАВА VII. УРОК МУЗЫКИ

Теперь у меня в Варсе появились друзья. События, которые заставляют столько пережить и перестрадать, обычно сближают людей.

Дядя Гаспар и в особенности «учитель» сильно привязались ко мне. Всем хотелось, чтобы я остался жить в Варсе.

– Я найду тебе хорошего забойщика, – говорил дядя Гаспар, – и мы с тобой не расстанемся.

– Хочешь получить место в конторе? – предлагал инженер.

Во время этих разговоров Маттиа был задумчив и очень мрачен. Я неоднократно спрашивал его, в чем дело, но он каждый раз отвечал, что он такой, как всегда.

Только когда я объявил ему о нашем уходе из Варса, он признался в причине своей грусти.

– Значит, ты не собираешься покинуть меня? – воскликнул он.

Вместо ответа я дал ему хорошего тумака – отчасти за то, что он посмел усомниться во мне, отчасти желая скрыть то волнение, которое вызвали в моем сердце его слова. Ведь Маттиа вовсе не был заинтересован в том, что я с ним оставался, – он отлично мог существовать и зарабатывать без меня.

Сказать по правде, он обладал такими огромными способностями, каких у меня не было.

Он гораздо лучше меня играл на всех музыкальных инструментах, пел, танцевал, исполнял различные роли. За тот короткий срок, пока я работал откатчиком, он накопил восемнадцать франков, что было значительной суммой. Сто двадцать восемь франков, которые были у нас, и восемнадцать франков, заработанных Маттиа, составляли уже сто сорок шесть франков. Теперь для покупки коровы не хватало всего нескольких франков.

Хотя я не думал оставаться в Варсе и работать в шахте, мне все-таки было очень грустно покидать Алексиса, дядю Гаспара и «учителя». Но так мне уж было суждено: разлучаться со всеми, кого я любил и кто привязывался ко мне.

И вот с арфой на плече и с мешком за спиной мы с Маттиа снова идем по большим дорогам. Капи очень счастлив и радостно катается в пыли.

Признаюсь, я тоже с удовольствием шагал по твердой дороге, которая звучала совсем иначе, нежели топкая почва рудника. Какое чудесное солнце, какие красивые деревья!

Перед уходом мы с Маттиа долго обсуждали маршрут.

В то время, когда я работал откатчиком, Маттиа встретился с одним жожаком медведя, который возвращался с курортов. По его словам, там можно было недурно заработать. Маттиа очень хотелось заработать побольше денег. Ведь тогда мы сможем купить самую лучшую корову, и матушка Барберен будет очень довольна.

И мы решили идти в Шаванон через Клермон.

По пути из Парижа в Варс я начал заниматься с Маттиа. Я выучил его читать и дал ему некоторое понятие о музыке. По дороге из Варса в Клермон мы продолжали наши уроки.

Был ли я плохим учителем, что вполне возможно; был ли Маттиа плохим учеником, что также возможно, но чтение давалось ему с большим трудом. Маттиа вычитывал в книге всевозможные фантастические вещи, делавшие честь его воображению, но отнюдь не его вниманию.

Тогда, теряя терпение, я со злостью кричал, что у него деревянная башка. Он не обижался и, глядя на меня своими большими ласковыми глазами, с улыбкой говорил:

– Правда, моя башка чувствительна только тогда, когда по ней колотят. Гарафоли был неглуп, он это сразу заметил.

Невозможно было сердиться, когда он так отвечал. Я начинал смеяться, и мы снова принимались за урок.

Но с музыкой дело обстояло совсем иначе. Здесь Маттиа с самого начала делал такие удивительные и необычайные успехи, что очень скоро начал ставить меня в тупик своими вопросами.

Признаюсь, это меня и задевало и огорчало. Я принимал всерьез свою роль учителя и

считал унижительным, что Маттиа обращался ко мне с бесконечными вопросами, на которые я не мог ответить. Не умея дать ему толкового разъяснения, я нетерпеливо отвечал:

– Это потому, что так должно быть. Таковы правила. Не в характере Маттиа было восставать против правил. Но когда я ему это говорил, он смотрел на меня, открыв рот и вытаращив глаза, и я чувствовал себя очень смущенным.

Через три дня после того, как мы ушли из Варса, он задал мне один из подобных вопросов. Вместо того чтобы просто сознаться, что я этого не знаю, я заявил: «Потому что это так». Тогда он принял озабоченный вид и в продолжение целого часа молчал, что для него являлось делом необыкновенным, так как он любил поболтать и посмеяться. Я стал приставать к нему, и он наконец заговорил:

– Конечно, ты хороший учитель, и я уверен, что никто бы не мог объяснить мне лучше тебя все то, что я знаю, но все же... – Он запнулся.

– Что – все же?

– Все же, вероятно, есть вещи, которых ты не знаешь. Ведь это бывает и с самыми учеными людьми, не правда ли? Я думаю, мы должны купить себе книжку, конечно, недорогую, в которой будут изложены основные правила музыки.

– Давай купим.

– Я так и думал, что ты со мной согласишься. В конце концов, ты не можешь знать всего, что есть в книгах, да ты ведь и не учился по книгам.

– Хороший учитель лучше самой хорошей книги.

– То, что ты сейчас сказал, наводит меня на одну мысль. Если ты не возражаешь, я хочу взять урок у настоящего учителя, – только один урок. Пусть он мне объяснит все то, чего я не знаю.

– Почему же ты не взял урока у настоящего учителя, когда был один?

– Потому что настоящим учителям надо платить, а я не хотел тратить твои деньги.

И хотя я был уязвлен словами Маттиа о «настоящем учителе», его последние слова меня очень тронули.

– Напрасно, – сказал я ему. – Деньги у нас общие, и ты зарабатываешь не меньше, чем я. А потому возьми столько уроков, сколько тебе нужно.

Затем я мужественно признался в своем невежестве.

– Таким образом и я тоже смогу научиться тому, чего не знаю.

Учителя, настоящего учителя, который был нам нужен, не простого деревенского музыканта, а артиста, мы могли найти только в большом городе. По карте я узнал, что самым замечательным городом на нашем пути будет Мант.

В Манте мы решили позволить себе этот большой расход и взять урок музыки. Я хотел как можно скорее доставить удовольствие Маттиа.

Пройдя через Межеанское плоскогорье, вероятно самую печальную местность на всем свете, где нет ни лесов, ни рек, ни обработанных полей, ни деревень, ни жителей, а только огромные и мрачные пустыри, мы наконец пришли в Мант.

Так как уже наступила ночь, мы не могли в тот вечер искать учителя. К тому же мы до смерти устали.

Но Маттиа не терпелось узнать, есть ли в Манте учитель музыки, и за ужином я спросил у хозяйки харчевни, где мы остановились, есть ли у них в городе хороший музыкант. Она была очень поражена моим вопросом: «Разве вы не знаете господина Эспинассу?»

– Мы пришли издалека, – сказал я. – Издалека? Откуда же?

– Из Италии, – ответил Маттиа. Она перестала удивляться и заметила, что тогда мы, понятно, можем не знать о таком музыканте, как господин Эспинассу. Но если бы мы пришли из какого-нибудь французского города, то она не стала бы даже разговаривать с такими невеждами, никогда не слыжавшими о господине Эспинассу.

– Кажется, мы нашли того, кто нам нужен, – обратился я по-итальянски к Маттиа.

Но я боялся, что такой знаменитый артист не захочет дать урок бедным бродячим

музыкантам.

– А господин Эспинассу очень занят? – спросил я.

– Наверно, очень занят Как же иначе! – Как вы думаете, он сможет принять нас завтра утром?

– Конечно. Он принимает всех, у кого есть деньги в кармане.

Мы успокоились и, несмотря на усталость, долго обсуждали те вопросы, какие завтра зададим этому знаменитому учителю.

Утром, тщательно умывшись и переодевшись во все чистое, мы взяли инструменты: Маттиа – скрипку, я – арфу, и отправились к господину Эспинассу. Капи хотел, конечно, отправиться с нами, но мы привязали его к конюшне, считая неприличным идти с собакой к знаменитому музыканту города Манта.

Придя по указанному адресу, мы растерялись: в витрине дома качались два маленьких медных таза для бритья, что никак не могло служить вывеской учителя музыки. Пока мы рассматривали эту вывеску, подошла какая-то женщина, и мы ее спросили, где живет господин Эспинассу.

– Тут, – ответила она, указывая на парикмахерскую. В конце концов, почему профессор музыки не может жить у парикмахера?

Мы вошли Лавка была разделена на две части. В правой половине на полках лежали щетки, гребни, банки с помадой, мыло В левой на прилавке и возле стены были разложены и развешаны музыкальные инструменты: скрипки, корнет-а-пистоны, трубы.

– Можно видеть господина Эспинассу? – спросил Маттиа.

Маленький человек, живой и подвижной, бривший в это время крестьянина, ответил басом:

– Это я.

Я посмотрел на Маттиа, давая ему понять, что такой музыкант-парикмахер совсем не тот человек, который нам нужен, и вряд ли стоит к нему обращаться и бросать деньги на ветер. Но вместо того чтобы меня послушаться, Маттиа уселся на стул и спросил с независимым видом:

– Не пострижете ли вы меня, после того как окончите бритье?

– Конечно, молодой человек. Могу и побрить вас, если пожелаете.

– Благодарю вас, – как-нибудь в другой раз, – ответил Маттиа. – Сегодня я не собираюсь бритья.

Я был ошеломлен поведением Маттиа, но он украдкой бросил на меня взгляд, прося не сердиться, а подождать.

Вскоре Эспинассу кончил брить крестьянина и с салфеткой в руке подошел к Маттиа.

– Сударь, – сказал Маттиа в то время, когда тот завязывал ему вокруг шеи салфетку, – у нас с товарищем спор, а так как мы знаем, что вы знаменитый музыкант, то вы, верно, сможете нам его разрешить.

– В чем он заключается, молодые люди? Я понял, чего добивался Маттиа. Прежде всего он хотел узнать, в состоянии ли этот парикмахер-музыкант ответить на его вопросы, затем заплатить ему за урок столько, сколько стоила стрижка волос. Маттиа оказался большим хитрецом!

– Почему, – спросил Маттиа, – скрипку настраивают на одних определенных нотах?

Я думал, что парикмахер даст ему ответ вроде моего и уже втихомолку посмеивался, но тот серьезно сказал:

– Вторая струна должна издавать по камертону звук ля, а остальные подстраиваются к ней таким образом, чтобы между ними получилась квинта,¹⁴ то есть соль на четвертой струне, ре – на третьей, ля – на второй и ми – на первой, или самой высокой, струне.

¹⁴ Квинта (лат.) – пятая (подразумевается ступень); так называется в теории музыки интервал (промежуток) между звуками в пять ступеней.

Смеялся не я, а Маттиа. Потешался ли он над моей изумленной физиономией, радовался ли тому, что наконец узнал то, что ему давно хотелось знать, но он смеялся от всего сердца.

Пока продолжалась стрижка волос, Маттиа засыпал Эспинассу вопросами, и на все, о чем бы он ни спрашивал, парикмахер отвечал так же легко и уверенно, как и на вопрос о скрипке. Затем он, в свою очередь, стал расспрашивать нас и скоро понял, с какой целью мы к нему явились.

Он громко расхохотался:

– Вот вы какие проказники!

Потом он захотел, чтобы Маттиа сыграл ему что-нибудь.

Маттиа, взяв скрипку, начал играть вальс.

– И ты не знаешь ни одной ноты? – удивился парикмахер, хлопая в ладоши и говоря Маттиа «ты», как будто знал его давно.

Я уже, кажется, упоминал о том, что в лавке были и другие инструменты. Окончив игру на скрипке, Маттиа взял кларнет:

– Я играю также на кларнете и на корнет-а-пистоне.

– Тогда сыграй, – попросил Эспинассу. И Маттиа сыграл по небольшой пьеске на каждом из этих инструментов.

– Мальчишка – настоящее чудо! – закричал Эспинассу. – Если ты останешься со мной, я сделаю из тебя большого музыканта, слышишь ли – большого музыканта! По утрам ты будешь бриться вместе со мной моих клиентов, а весь остальной день будешь учиться. Не думай, что я не смогу быть для тебя настоящим учителем, оттого что я парикмахер. Надо жить, есть, пить – вот для чего мне служит бритва.

Слушая его речь, я смотрел на Маттиа. Что он ответит? Неужели мне придется лишиться моего друга, товарища и брата, так же как я потерял одного за другим всех тех, кого любил? Сердце мое сжалось.

Положение до известной степени напоминало то, в каком находился я, когда госпожа Миллиган просила Виталиса оставить меня у нее. Я не хотел упрекать себя так, как упрекал себя впоследствии Виталис.

– Думай только о себе, Маттиа, – взволнованно прошептал я.

Но он быстро подошел ко мне и взял меня за руку:

– Расстаться с моим другом! Нет, этого я не могу, благодарю вас.

Эспинассу продолжал настаивать и добавил, что, когда Маттиа закончит свое первоначальное образование, он найдет средства послать его в Тулузу, а потом в Париж, в консерваторию. Но Маттиа твердил по-прежнему:

– Расстаться с Реми? Никогда!

– Ну ладно, парень, – сказал Эспинассу, – я все же хочу что-нибудь для тебя сделать. Я подарю тебе книжку, в которой ты найдешь то, чего не знаешь.

И он стал рыться в ящиках, пока не нашел книжку под заглавием: «Теория музыки». Она была очень старая, очень истрепанная, но какое это могло иметь значение!

Взяв перо, он написал на первой странице книги:

«Пусть мальчик, когда станет большим артистом, вспомнит о парикмахере из города Манта».

Не знаю, были ли тогда в Манте другие учителя музыки, кроме парикмахера Эспинассу, но нам посчастливилось встретить его, и, конечно, ни я, ни Маттиа никогда его не забудем.

ГЛАВА VIII. КОРОВА

Я всегда очень любил Маттиа, но после Манты я полюбил его еще сильнее. Ведь Маттиа отказался от спокойного, обеспеченного существования, от возможности получить образование, от будущего успеха, для того чтобы разделить со мной жизнь, полную

случайностей и опасностей, без уверенности не только в будущем, но и в сегодняшнем дне.

Я не мог сказать в присутствии Эспинассу, как взволновали меня слова Маттия о том, что он никогда со мной не расстанется. Но когда мы вышли, я взял Маттия за руку и крепко сжал ее:

– Знаешь, теперь мы друзья навеки! Он улыбнулся, глядя на меня своими большими глазами:

– Я и раньше был в этом уверен.

Маттия, прежде так плохо справлявшийся с чтением, стал делать поразительные успехи, с тех пор как начал читать «Теорию музыки» Куна.

К несчастью, он не мог уделять ученью столько времени, сколько хотел: приходилось с утра до ночи быть в пути.

Наконец мы дошли до курортов с минеральными водами, которые были целью нашего путешествия. Действительно, советы вожака медведя оказались правильными, и мы довольно быстро набрали шестьдесят восемь франков. Шестьдесят восемь франков с имевшимися у нас раньше ста сорока шестью составляли сумму в двести четырнадцать франков. Теперь мы могли идти в Шаванон, причем решили пройти через Юссель, где ожидалась большая ярмарка рогатого скота и где мы могли приобрести корову.

До сих пор эта корова существовала только в нашем воображении, причем каждый из нас представлял ее по-своему. Маттия хотелось купить белую, а я мечтал о рыжей, в память нашей бедной Рыжухи. Она должна быть доброй, ласковой и давать много молока. В мечтах все это было чудесно!

Но как превратить эту мечту в действительность? Выбрать хорошую корову дело нелегкое. По каким признакам следует ее выбирать, мы не знали. Кроме того, в харчевнях мы наслушались еще различных страшных историй. Крестьянин купил на ярмарке корову с прекрасным хвостом, таким длинным, что она могла отгонять им мух даже с кончика носа. На следующее утро оказалось, что хвост у нее приклеенный. Другой человек купил корову с фальшивыми рогами, третий, когда захотел подоить корову, увидел, что у нее вымя надуту и что она дает в сутки не больше двух стаканов молока.

Какой ужас, если мы подарим матушке Барберен такую безрогую корову или корову, совсем не дающую молока! Но однажды мы услышали рассказ о том, как ветеринар разоблачил плутни торговца. Тогда мы решили пригласить для покупки коровы ветеринара. Это будет стоить лишних денег, зато он поможет нам. Приняв это решение, мы весело пустились в путь и через два дня рано утром пришли в Юссель.

Здесь я уже чувствовал себя как дома. В Юсселе я впервые выступал перед зрителями в пьесе «Слуга генерала Душки», и тут же в Юсселе Виталис купил мне первые кожаные башмаки на гвоздях, доставившие мне такую огромную радость.

Оставив наши мешки и инструменты на том постоялом дворе, где мы когда-то останавливались с Виталисом, мы отправились разыскивать ветеринара. Выслушав нашу просьбу, ветеринар расхохотался:

– В нашей местности нет дрессированных коров.

– Нам совсем не нужна корова, умеющая показывать фокусы, – нам нужна корова, дающая хорошее молоко.

– ...и у которой настоящий хвост, – прибавил Маттия, потому что его сильно беспокоила мысль о приклеенном хвосте. – Господин ветеринар, мы решили просить вас помочь нам: мы боимся быть обманутыми барышниками. – А на кой черт нужна вам корова? – заинтересовался ветеринар.

В нескольких словах я рассказал ему, для кого мы ее покупаем.

– Вы славные мальчуганы. – сказал он. – Я пойду с вами на ярмарку и выберу для вас хорошую корову. Ручаюсь, что у нее не будет фальшивого хвоста.

– Ни фальшивых рогов? – спросил Маттия.

– Ни фальшивых рогов!

– Ни надутого вымени?

– Нет, это будет красивая, хорошая корова. Только, для того чтобы ее купить, надо иметь деньги.

Я молча развернул платок, в котором находились наши сокровища.

– Чудесно, приходите за мной завтра, в семь часов утра.

– А сколько мы должны заплатить вам, господин ветеринар?

– Ничего. Неужели я возьму деньги с таких ребят, как вы!

Тихий городок Юссель на следующее утро был полон движения и шума. Еще до восхода солнца мы услышали непрерывный грохот катящихся по мостовой телег, ржанье лошадей, мычанье коров, блеянье овец и крики крестьян, приехавших на ярмарку.

Когда мы спустились вниз, двор нашей харчевни был загроможден телегами и прибывающими повозками, из которых вылезали празднично разодетые крестьяне.

Ровно в семь часов мы пришли в ветеринару; он уже ждал нас. Мы отправились вместе на ярмарку, объяснив ему еще раз, какую корову нам хочется купить. В двух словах это можно было изложить так: она должна давать много молока и мало есть.

– Вот эта очень хороша, – заявил Маттиа, указывая на белую корову.

– Думаю, что та лучше, – возразил я, показывая на рыжую.

Ветеринар примирил нас тем, что, не остановившись ни перед той, ни перед другой, подошел к третьей. Это была небольшая рыжая корова с коричневыми ушами, черным ободком вокруг глаз и белым пятном на морде.

– Вот корова, которая вам подходит, – объявил ветеринар.

Тщедушный крестьянин держал ее за веревку. Ветеринар спросил, сколько он за нее хочет.

– Триста франков.

Нам сразу понравилась эта небольшая корова с лукавой мордой, но при словах «триста франков» у меня опустились руки: таких денег у нас не было. Я дал понять ветеринару, что следует искать что-нибудь подешевле. Он с этим не согласился. Тогда между ним и крестьянином начался торг. Ветеринар предложил полтора ста франков, крестьянин сбавил десять. Ветеринар прибавил до ста семидесяти, крестьянин спустил до двухсот восьмидесяти. Наконец, постепенно снижая цену, он дошел до двухсот десяти франков и на этом уперся. В это время Маттиа, подойдя сзади к корове, вырвал у нее из хвоста большой клоч волос, за что корова лягнула его.

– Ладно, я согласен дать двести десять франков, – сказал я и уже хотел взяться за веревку, но крестьянин не отдал ее:

– А на подарок жене?

Мы снова начали торговаться и в конце концов сошлись на двадцати су. Теперь у нас оставалось всего три франка.

Я опять протянул руку; крестьянин взял и крепко, по-дружески пожал ее.

Понятно, раз я его друг, то не забуду дать дочке на угощение. Угощение дочки обошлось мне в десять су.

Я в третий раз взялся за веревку, но крестьянин снова остановил меня.

– А вы захватили с собой веревку? – спросил он. – Я продаю корову без веревки.

По дружбе он согласился уступить мне свою веревку за тридцать су. Без веревки нельзя было вести корову, и я расстался с тридцатью су, подсчитав, что у нас останется еще двадцать.

Я вынул двести тринадцать франков и в четвертый раз протянул руку к корове.

Наконец корова была нам передана вместе с веревкой. Но теперь у нас почти ничего не оставалось, чтобы кормить ее и кормиться самим.

– Не беспокойся, – сказал Маттиа, – харчевни переполнены. Если мы пойдем порознь, то обойдем их все и к вечеру будем иметь хорошую выручку.

Мы отвели нашу корову в харчевню и, крепко привязав ее в хлеву, отправились каждый своей дорогой.

Вечером оказалось, что Маттиа заработал четыре франка пятьдесят сантимов, а я три

франка. Имея в кармане семь франков и пятьдесят сантимов, мы чувствовали себя богачами.

Мы попросили служанку подоить нашу корову и вместо ужина выпили молока. Никогда в жизни не пили мы такого вкусного молока! Маттиа объявил, что оно сладкое и пахнет померанцем, как то, которое он пил в больнице, но еще гораздо лучше. Мы были в восторге и пошли поцеловать нашу коровушку в ее черную морду. В ответ она облизала наши лица своим жестким языком.

На следующий день утром мы поднялись с восходом солнца и отправились в Шаванон. Теперь я уже не заглядывал поминутно в карту. Я знал куда идти, хотя прошло немало лет с тех пор, как я побывал здесь когда-то с Виталисом.

Боясь утомить корову и не желая являться в Шаванон слишком поздно, я решил переночевать в той деревне, где провел свою первую ночь с хозяином. Отсюда на следующее утро мы и отправились в путь, чтобы как можно раньше прийти к матушке Барберен.

До сего времени все шло прекрасно и судьба нам благоприятствовала, но тут случилось нечто совершенно непредвиденное.

Мы решили по дороге сделать привал, чтобы позавтракать самим, а главное, попасть нашу корову. Часов в десять мы нашли местечко, заросшее густой зеленой травой, сняли свои мешки и пустили корову в канаву. Вначале я держал ее привязанной, но она так спокойно и мирно паслась, что я очень скоро замотал веревку вокруг ее рогов и уселся возле нее с куском хлеба. Понятно, что мы кончили свой завтрак гораздо быстрее, чем она. Тогда, вдоволь налюбовавшись на нее и не зная что делать, мы стали играть в шарики. Мы очень любили всякие детские игры, и не проходило дня, чтобы мы не поиграли в шарики, в мяч или в чехарду. Часто Маттиа неожиданно говорил мне: «Давай поиграем!» Мы быстро сбрасывали мешки и инструменты и тут же на дороге начинали игру. Если бы у меня не было часов, мы зачастую играли бы до поздней ночи. Но часы всегда напоминали мне о том, что надо работать, зарабатывать деньги на жизнь, и тогда я снова надевал арфу на свое натертое лямкой плечо и говорил: «Вперед!»

Мы кончили играть раньше, чем корова кончила пастись. Когда она увидела, что мы подходим к ней, она начала жадно щипать траву, как бы желая показать, что она еще голодна.

– Подождем немного, – сказал Маттиа.

– Разве ты не знаешь, что корова может есть целый день!

– Тогда я сыграю ей на корнете, – предложил Маттиа, который не мог оставаться без дела. – У нас в цирке Гассо была корова, она очень любила музыку.

И Маттиа заиграл туш.

При первых звуках музыки корова подняла голову, а затем, прежде чем я успел схватить ее за веревку, помчалась галопом.

Мы бросились за ней вдогонку.

Я закричал Капи, чтобы он остановил ее. Собака пастуха запрыгала бы перед носом у коровы, но ученый пес Капи начал хватать ее за ноги. Разумеется, это ее не остановило, наоборот, она помчалась еще быстрее. Мы бежали за ней. На ходу я кричал Маттиа: «Ты дурак!», а он, не останавливаясь, отвечал: «Можешь меня вздуть, я это заслужил».

Ближайшая деревня была в двух километрах от того места, где мы отдыхали; и вот по направлению к этой деревне и мчалась теперь наша корова. Она влетела туда, конечно, прежде нас, и мы издали увидели, что люди преградили ей путь и схватили ее. Тогда мы немного замедлили бег; корова не потеряется, ее остановили и отдадут нам, когда мы придем. По мере того как мы приближались, толпа вокруг коровы росла, и когда мы подошли к ней, здесь уже было человек двадцать мужчин, женщин и детей, которые что-то обсуждали, посматривая на нас.

Я воображал, что мне стоит только сказать, что я владелец коровы, как мне ее отдадут. Но вместо этого крестьяне окружили нас и начали задавать вопрос за вопросом: откуда мы идем? Где мы взяли корову? Наши чистосердечные ответы их, однако, не убедили, и некоторые стали говорить, что корова, безусловно, украдена и что до выяснения дела нас

следует отвести в тюрьму.

От страха, который внушало мне слово «тюрьма», я побледнел, начал запинаться, а так как от бега запыхался, то и не мог ничего сказать в свое оправдание. Между тем появился полицейский. В нескольких словах ему рассказали, в чем дело. Наши объяснения показались ему подозрительными, и он заявил, что задержит корову, а нас отведет в тюрьму.

Я хотел возражать, Маттиа тоже хотел что-то сказать, но полицейский грубо оборвал нас. Тогда, вспомнив о той сцене, которая произошла у Виталиса с полицейским Тулузы, я велел Маттиа замолчать.

Вся деревня шла за нами до того места, где находилась тюрьма. Нас окружили со всех сторон, толкали, ругали и, вероятно, не будь полицейского, охранявшего нас, побили бы камнями как воров и преступников.

Тюремный сторож подвел нас к двери, запертой большим замком и двумя железными засовами, и открыл ее.

Затем нас обыскали, отобрали деньги, ножи, спички, после чего дверь камеры закрылась с ужасающим скрипом. Мы были в тюрьме. Надолго ли, неизвестно! Когда я мысленно задал себе этот вопрос, Маттиа подошел ко мне и, наклоня голову, сказал:

– Бей меня, бей по голове, бей изо всей силы за мою глупость!

– Ты сделал глупость, а я тебя не остановил, следовательно, я такой же дурак, как ты.

– Я хочу, чтобы ты меня побил, мне будет не так горько. Бедная наша корова! Бедная корова! – И он заплакал.

Пришлось утешать его. Я объяснил ему, что наше положение не так уж плохо. Мы сумеем доказать, что не украли, а купили корову. У нас есть свидетель ветеринар из Юсселя.

– А если нас обвинят в том, что мы купили корову на краденые деньги, как мы докажем, что они нами заработаны?

Маттиа был прав.

– Затем, – говорил Маттиа, продолжая плакать, – если мы даже выйдем из этой тюрьмы и нам вернут корову, можем ли мы быть уверены в том, что найдем матушку Барберен?

– А почему мы ее не найдем?

– С тех пор как ты с ней расстался, она могла умереть.

Я был поражен в самое сердце этим предположением. И в самом деле: матушка Барберен могла умереть. Хотя я находился в том возрасте, когда с трудом веришь в смерть, но уже знал по опыту, что можно потерять любимого человека. Разве я не потерял Виталиса?

– Почему ты раньше не говорил этого? – спросил я.

– Потому что, когда я счастлив, в моей дурацкой голове бывают одни только радостные мысли, а когда я несчастлив – одни только грустные. А я был так счастлив, что мы подарим корову матушке Барберен, что больше ни о чем не думал.

– У меня такая же дурацкая голова, как у тебя, милый Маттиа. Так же, как ты, я был вне себя от радости.

– Ах, наша корова! – плача, восклицал Маттиа. – Бедная наша корова!

Потом он вскочил и, сильно размахивая руками, продолжал:

– Что, если матушка Барберен умерла, а гадкий, злой Барберен жив? Что, если он возьмет нашу корову и заберет тебя самого?

Без сомнения, крики и угрозы толпы, полицейский, тюрьма навеяли на нас такие печальные мысли. Но Маттиа горевал не только о нас – он беспокоился также и о нашей корове.

– Кто ее покормит, кто ее подоит?

Несколько часов прошли в этих грустных размышлениях, и чем дальше, тем мы все сильнее и сильнее отчаивались.

Я всячески старался утешить Маттиа, говоря, что нас обязательно допросят и неизвестно, как еще обернется дело.

– Ладно, ну а что мы скажем на допросе?

– Правду?

Тогда тебя отдадут Барберену или же допросят матушку Барберен, чтобы проверить, не врешь ли ты... И тогда пропал весь сюрприз!

Дверь с грохотом отворилась, и мы увидели пожилого господина с седыми волосами. Его открытое и доброе лицо сразу успокоило нас.

– Вставайте, паршивцы, и отвечайте господину судья, – обратился к нам тюремщик.

– Хорошо-хорошо, – прервал его судья, – я сейчас допрошу вот этого, – и он пальцем указал на меня. – А вы уведите пока другого; с ним я поговорю после.

Маттиа вышел.

– Вас обвиняют в краже коровы, – заявил судья, глядя мне прямо в глаза.

Я ответил, что мы купили эту корову в Юсселе, на ярмарке, и назвал фамилию ветеринара, присутствовавшего при этой покупке.

– Это будет проверено.

– Очень хорошо. Тогда вы убедитесь, что мы не воры.

– А для чего вы купили корову?

– Чтобы отвести ее в Шаванон и там подарить моей кормилице в благодарность за ее любовь и заботы обо мне.

– Как зовут эту женщину?

– Матушка Барберен.

– Не жена ли она того каменщика, который был искалечен в Париже несколько лет тому назад?

– Да, сударь.

– Хорошо, я проверю.

На эти слова я не откликнулся так радостно, как на слова об юссельском ветеринаре.

Видя мое замешательство, судья стал допытываться, в чем дело... Я объяснил ему, что если он будет допрашивать матушку Барберен, то наш сюрприз не получится, и это меня огорчает. С другой стороны, я чувствовал большую радость. Если судья собирается допрашивать матушку Барберен, значит она жива. Затем судья сообщил мне еще одну важную новость; сам Барберен с некоторых пор находится в Париже. Последнее меня окончательно успокоило, и я сумел убедить судью ограничиться показаниями одного только ветеринара.

– А откуда вы взяли деньги на покупку коровы? Он задал как раз тот вопрос, которого опасался Маттиа.

– Мы их заработали.

– Где и как?

Тогда я рассказал, как мы прошли от Парижа до Варса и от Варса до Юсселя и как по пути зарабатывали и копили деньги.

– А что вы делали в Варсе?

Этот вопрос заставил меня приступить к новому рассказу. Когда мировой судья услышал, что я был заживо погребен на руднике, он остановил меня и спросил мягким, почти дружеским тоном:

– А кто из вас Реми?

– Я, господин судья.

– Как ты это докажешь? Жандарм говорит, что у тебя нет паспорта.

– Это верно, господин судья.

– Хорошо. Расскажи, как произошла катастрофа в Варсе. Я читал о ней в газетах, и ты меня не обманешь. Начинай, я тебя слушаю.

То, что судья стал говорить мне «ты», придало мне храбрости. Я видел, что он настроен благожелательно.

Когда я закончил свой рассказ, судья долго смотрел на меня добрыми и растроганными глазами. Я уже воображал, что он немедленно нас освободит, но этого не случилось. Он ушел, не сказав мне ни слова. Вероятно, пошел допрашивать Маттиа, чтобы узнать, совпадают ли наши показания.

Я довольно долго оставался в раздумье один. Наконец судья вернулся вместе с Маттиа.
– Я наведу справки в Юсселе, и если, как я надеюсь, ваши показания подтвердятся, вы завтра утром будете освобождены.

– А как же наша корова? – спросил Маттиа.

– Вам ее вернут.

– Я не об этом хотел спросить, – ответил Маттиа. – Кто ее покормит и подоит?

– Не беспокойся, мальчуган. Теперь Маттиа вполне успокоился.

– Когда подоят нашу корову, нельзя ли нам дать немного молока? – попросил он. – Мы бы славно поужинали.

После ухода судьи я сообщил Маттиа две важные новости, которые заставили меня забыть о том, что я нахожусь в тюрьме: матушка Барберен жива, а Барберен в Париже.

– Наша корова торжественно войдет в Шаванон! – воскликнул Маттиа.

И от радости он начал плясать и петь. Увлеченный его веселостью, я схватил его за руки, а Капи вскочил на задние лапки и начал прыгать между нами. Мы подняли такой шум, что напугали тюремного сторожа, который пришел посмотреть, не взбунтовались ли мы.

Он приказал нам замолчать. Но говорил с нами уже не так грубо, как раньше. Мы решили, что наше положение не так уж плохо, и вскоре получили этому подтверждение. Сторож не замедлил вернуться к нам с большой крынкой молока от нашей коровы. Но это было не все. Вместе с крынкой он принес большой ломоть белого хлеба и кусок холодной телятины, которые, как он сказал, послал нам судья. Никогда, вероятно, с заключенными не обращались так хорошо. Уплетая телятину и запивая ее молоком, я изменил свое мнение о тюрьме. Положительно, в ней было совсем не плохо! Таково же было и мнение Маттиа.

– Бесплатные еда и ночлег, – сказал он смеясь. – Нам здорово повезло!

Мне захотелось его попугать:

– А если ветеринар умер, кто будет свидетелем?

– Печальные мысли приходят в голову только тогда, когда ты несчастен, а сейчас для этого неподходящий момент, – ответил он мне, не рассердившись.

ГЛАВА IX. МАТУШКА БАРБЕРЕН

Мы неплохо переночевали в тюрьме, во всяком случае, нам приходилось проводить гораздо менее приятные ночи под открытым небом.

– Я видел во сне, как мы приводим корову, – сказал мне Маттиа.

– И я тоже.

В восемь часов утра дверь камеры отворилась. Вошел судья в сопровождении нашего друга ветеринара, который приехал сам, чтобы убедиться в том, что нас освободили. Судья не ограничился присланным нам накануне обедом – он передал мне красивую гербовую бумагу:

– Нельзя путешествовать без документов по большим дорогам. Вот паспорт, который я получил для вас у мэра. Отныне он будет вашей охранной грамотой. Счастливого пути, ребята!

Он пожал нам руки, а ветеринар расцеловал нас обоих.

Мы входили в эту деревню в довольно плачевном и жалком состоянии, зато выходили из нее торжествующие, гордо подняв голову и ведя на поводу нашу корову. Стоявшие у своих домов крестьяне провожали нас ласковыми взглядами.

Мы скоро дошли до той деревни, где я когда-то ночевал с Виталисом. Когда мы проходили по деревенской улице, мимо того дома, где Зербино стащил хлеб, мне пришла в голову мысль, которой я поспешил поделиться с Маттиа.

– Помнишь, я обещал угостить тебя блинами у матушки Барберен? Но для блинов необходимо иметь масло, муку и яйца.

– Это, должно быть, чертовски вкусно!

– Ужасно вкусно, ты увидишь. Их свертывают в трубочку и запихивают в рот. Но,

вероятно, у матушки Барберен нет ни муки, ни масла – ведь она очень бедная. Как ты думаешь, будет хорошо, если мы ей все это принесем?

– Замечательная мысль!

– Тогда держи корову, но смотри не выпусти ее. Я пойду в лавочку, куплю муки и масла. Яиц лучше не брать, мы можем их разбить по дороге. Если у матушки Барберен их нет, она займет у кого-нибудь.

Я пошел в лавку и купил все необходимое, а затем мы снова отправились в путь.

Я не хотел утомлять корову, и все же, торопясь поскорее прийти, невольно ускорял шаг. Оставалось десять километров, потом восемь, потом шесть... Странное дело, теперь, когда я шел к матушке Барберен, дорога казалась мне длиннее, чем в тот день, когда я от нее уходил. Я был страшно взволнован, лихорадочно возбужден и поминутно смотрел на часы.

– Не правда ли, какая красивая местность? – спрашивал я Маттиа.

– Да, деревья не заслоняют вида.

– Когда мы с холма спустимся к Шаванону, ты там увидишь чудесные деревья: дубы и каштаны.

– А каштаны на них есть?

– Еще бы! А во дворе у матушки Барберен есть кривое грушевое дерево, на котором удобно ездить верхом. На нем растут большие груши – вот такие... и очень вкусные! Да ты сам увидишь.

Что бы я ни описывал ему, я каждый раз повторял: «сам увидишь». Я был искренне убежден, что веду Маттиа в страну чудес. И в самом деле, разве она не была такой для меня? Ведь там мои глаза в первый раз увидели свет, там я начал свою сознательную жизнь, там я был счастлив и любим. Мне живо вспомнились мои детские годы, и я невольно сравнивал их с горестями, страданиями и приключениями моей тяжелой бродячей жизни. Радость все больше охватывала меня, по мере того как мы подходили к деревне. Воздух родной деревни опьянял меня. Я все видел в розовом свете. Все мне казалось прекрасным!

Наконец мы пришли на верхушку холма, откуда начинается спуск и где многочисленные тропинки ведут к Шаванону мимо домика матушки Барберен.

Сделав несколько шагов, мы дошли до того места, где я попросил у Виталиса позволения присесть, чтобы посмотреть в последний раз на домик матушки Барберен.

– Держи веревку, – сказал я Маттиа.

Одним прыжком я вскочил на вал. Ничего не изменилось в нашей долине – она выглядела, как прежде. Между двумя группами деревьев я различил крышу домика матушки Барберен. Из трубы поднималась прямо к небу тоненькая струйка желтого дыма.

– Матушка Барберен дома! – воскликнул я. Легкий ветерок пробежал по деревьям и, коснувшись струйки дыма, пахнул им мне прямо в лицо. Этот дым имел запах листьев дуба. Тогда глаза мои наполнились слезами и, соскочив с вала, я обнял Маттиа. Капи бросился на меня, я взял его на руки и тоже поцеловал. А Маттиа стал целовать морду коровы.

– Давай скорее спускаться, – сказал я.

– Если матушка Барберен дома, то как же мы устроим ей сюрприз? – спросил Маттиа.

– Ты войдешь один и скажешь, что привел ей корову, присланную ей неизвестным, а когда она тебя спросит, кто этот неизвестный, – появлюсь я.

– Как жаль, что мы не можем устроить торжественный вход с музыкой! Было бы замечательно.

– Маттиа, не дури!

– Не беспокойся, второй раз я не сделаю такой глупости. Но если бы эта дикарка любила музыку, звуки фанфары были бы сейчас очень кстати.

Когда мы очутились на одном из поворотов дороги, находящемся как раз над домиком матушки Барберен, мы увидели на дворе белый чепчик. Это была матушка Барберен. Она открыла калитку и, выйдя на дорогу, направилась к деревне.

Я указал Маттиа на нее.

– Она уходит! А как же наш сюрприз? – спросил он.

– Придумаем что-нибудь другое.

– Что же?

– Не знаю.

– Окликнем ее!

Искушение было велико, но я устоял. Я столько времени мечтал о сюрпризе, что не мог теперь от него отказаться.

Мы быстро подошли к калитке моего родного домика, и я вошел в нее так же, как входил много раз прежде.

Зная привычки матушки Барберен, я был уверен в том, что калитка закрыта только на щеколду и что мы сможем беспрепятственно войти в дом. Но прежде всего нужно было поставить в хлев корову. Я нашел хлев таким же, каким он был когда-то, только сейчас в нем хранился хворост. Я позвал Маттиа, мы сложили хворост в угол и привязали корову к стойлу. Все это мы проделали очень быстро, потому что запас хвороста у матушки Барберен был невелик.

– Теперь, – обратился я к Маттиа, – войдем в дом. Я сяду в уголок, у печки. Как только скрипнет калитка, ты спрячешься за кровать вместе с Капи, и она увидит только меня. Представляешь себе, как она будет рада!

Так мы и сделали.

Мы вошли в дом. Я уселся у очага, на том самом месте, где провел столько зимних вечеров. Свои длинные волосы я спрятал под воротник куртки и свернулся клубком, стараясь как можно больше походить на прежнего Реми – маленького Реми матушки Барберен.

Отсюда калитка была хорошо видна, и потому я мог не бояться, что матушка Барберен появится неожиданно. Я стал осматриваться вокруг. Мне казалось, что я покинул этот дом только вчера. Ничто здесь не изменилось, все было на старых местах. Даже бумага, которой было заклеено разбитое мной стекло, была та же, только сильно пожелтевшая и закопченная. Если бы я мог сойти со своего места, я бы с удовольствием посмотрел поближе на каждую вещь, но матушка Барберен могла вернуться с минуты на минуту, и мне следовало быть настороже. Вдруг я увидел белый чепчик, и в то же время заскрипела калитка.

– Прячься скорее! – шепнул я Маттиа. И съежился насколько мог.

Дверь отворилась. Уже с порога матушка Барберен заметила меня.

– Кто там? – спросила она.

Я смотрел на нее, ничего не отвечая, и она так же молча смотрела на меня.

Вдруг руки ее задрожали.

– Боже мой, – пробормотала она, – боже мой, неужели это Реми?

Я вскочил, бросился к ней и крепко обнял ее:

– Матушка!

– Мальчик мой! Это мой мальчик! Нам потребовалось немало времени, для того чтобы успокоиться и перестать плакать.

– Если бы я постоянно не думала о тебе, то ни за что не узнала бы тебя. Как ты изменился, окреп и вырос!

Сопенье Маттиа напомнило мне о том, что он сидит за кроватью, и я окликнул его. Он подошел.

– А вот мой брат, Маттиа.

– Значит, ты нашел своих родителей? – воскликнула матушка Барберен.

– Нет, это мой товарищ и друг, которого я так называю, а вот Капи – тоже мой товарищ и друг. Капи, поздоровайся с матушкой Барберен!

Капи вскочил на задние лапы и, прижав лапку к груди, важно поклонился.

Это очень рассмешило матушку Барберен и окончательно осушило ее слезы.

Маттиа, который не был так растроган, как я, знаком напомнил мне о нашем подарке.

– Пойдем во двор – обратился я к матушке Барберен. – Мне хочется посмотреть на кривую грушу, я о ней часто рассказывал Маттиа.

– Ты можешь также пойти посмотреть на свой садик, я его сохранила в том виде, как ты

его насадил. Я всегда верила, что ты вернешься.

– А мои земляные груши понравились тебе?

– Значит, это ты сделал тогда мне такой подарок? Я так и подумала. Ты всегда любил делать сюрпризы. Момент был подходящий.

– А хлев? – спросил я. – Изменился ли он с тех пор, как не стало Рыжухи? Бедняжка, так же как я, не хотела отсюда уходить.

– Хлев все тот же. Теперь я складываю туда хворост. Мы находились как раз перед хлевом, и матушка Барберен толкнула дверь. Наша корова, решив, что ей принесли поесть, замычала.

– Корова! Корова в хлеву! – воскликнула матушка Барберен.

Тогда, не в силах более сдерживаться, мы с Маттиа расхохотались. Матушка Барберен с удивлением смотрела на нас. Но появление в хлеву коровы было для нее такой неожиданностью, что, несмотря на наш смех, она ничего не поняла.

– Это подарок! – воскликнул я. – Наш подарок тебе! Думаю, что он не хуже земляных груш, не правда ли?

– Ох, какой же ты добрый, дорогой мой мальчик! – воскликнула матушка Барберен, целуя меня.

Затем мы вошли в хлев, чтобы матушка Барберен могла получше рассмотреть корову. Во время этого осмотра она то и дело радостно восклицала: «Какая чудесная корова!»

Вдруг она спросила:

– Значит, ты разбогател?

– Конечно, – смеясь, ответил Маттиа. – У нас осталось еще пятьдесят восемь су.

Матушка Барберен снова повторила свое восклицание, но уже несколько иначе:

– Добрые вы мальчики!

Тем временем корова продолжала мычать. – Она просит, чтобы ее подоили, – сказал Маттиа. Я сейчас же побежал в дом за ведром из белой жести, которое, как я заметил, по-прежнему висело на своем обычном месте. По дороге я наполнил его водой, чтобы вымыть запыхавшееся вымя коровы. Как была счастлива матушка Барберен, когда увидела, что ведро на три четверти наполнилось чудесным пенистым молоком!

– Я думаю, что эта корова будет давать больше молока, чем Рыжуха, объявила она.

Подоив корову, мы выпустили ее на двор пастись и вернулись в дом. Там на столе на самом видном месте лежали масло и мука, которые я успел вынуть, прибегая за ведром.

Когда матушка Барберен это заметила, она снова принялась восторженно охать, но тут я сознался, что этот новый сюрприз сделан не столько для нее, сколько для нас.

– Мы страшно голодны, и нам очень хочется поесть блинов. На этот раз нам как будто никто не помешает.

– Разве ты знаешь, что Барберен в Париже? – спросила матушка Барберен.

– Да.

– И знаешь также, зачем он поехал в Париж?

– Нет.

– Дело касается тебя.

– Меня? – спросил я испуганно. Но вместо ответа матушка Барберен так посмотрела на Маттиа, как будто не хотела говорить при нем.

– Маттиа для меня все равно что брат, и я от него ничего не скрываю, сказал я.

– Это очень долго рассказывать, – ответила она. Я понял, что она не хотела говорить, и, не желая огорчать Маттиа, не настаивал.

– А Барберен намерен скоро вернуться? – спросил я.

– Думаю, что нет.

– Тогда займемся блинами. Ты мне после расскажешь, почему он уехал. Есть у тебя яйца?

– У меня нет кур. – Мы не принесли тебе яиц, боясь разбить их по дороге, но, может быть, ты займешь у кого-нибудь?

Она смутилась. Я понял, что она, вероятно, не раз это делала, и потому ей неудобно занимать снова.

– Пожалуй, лучше я сам пойду и куплю их, – сказал я, – а ты тем временем поставишь тесто. Скажи Маттиа, чтобы он приготовил хворосту. Маттиа прекрасно умеет ломать его.

Я купил не только яиц, но еще и небольшой кусок сала. Когда я вернулся, тесто было замешено, и оставалось только положить в него яйца. Правда, оно еще не совсем поднялось, но мы были слишком голодны, чтобы ждать.

– Ну, хорошо, – говорила матушка Барберен, яростно взбивая тесто, – а почему ты мне ни разу не написал? Ведь я считала тебя погибшим «Не может быть, – думала я, – чтобы мой мальчик не написал мне, если он жив».

– Я знал, что ты не умеешь читать и не сможешь прочесть мое письмо, а кроме того, я до смерти боялся Барберена. Разве он не продал меня за сорок франков старому музыканту?

– Не вспоминай об этом, мой маленький Реми!

– Я не жалею, а только объясняю тебе, почему я не писал. Я боялся, что если Барберен узнает, где я, он снова захочет продать меня. Потому-то я ничего и не написал тебе, когда потерял своего хозяина, которого очень любил.

– Значит, он умер?

– Да, и я о нем сильно горевал. Ведь если я сейчас что-нибудь знаю, если я могу прокормить себя, то этим я обязан только ему. После его смерти я снова встретил добрых людей, которые приютили меня, и работал у них. Но если бы я написал тебе, что работаю садовником в Париже, меня бы стали разыскивать или требовать денег у этих добрых людей, а я не хотел ни того, ни другого.

– Да, я понимаю тебя.

– Но я никогда не забывал свою любимую матушку. А когда мне подчас было тяжело, я всегда мысленно призывал тебя на помощь. И, как только смог, пришел навестить тебя. Правда, сделал я это не сразу, но ведь не всегда поступаешь так, как хочешь. Да к тому же мне пришла в голову мысль купить тебе корову, а для этого надо было сначала заработать деньги. Сколько нам пришлось сыграть всевозможных песенок, и веселых, и грустных, сколько километров пройти пешком, сколько потрудиться, претерпеть лишений, чтобы осуществить задуманное! Но чем больше было трудностей, тем больше мы радовались. Не правда ли, Маттиа?

– Ах вы мои добрые, славные мальчуганы! Во время этого разговора матушка Барберен месила тесто для блинов, Маттиа ломал хворост, а я накрывал на стол. Затем я сбежал и принес кувшин свежей воды.

Когда я вернулся, миска была полна прекрасным желтым тестом, а матушка Барберен приготавливала сковородку. В печке ярко горел огонь, и Маттиа подбрасывал в него ветку за веткой. Капи, сидя у очага, умильно смотрел на все эти приготовления, а так как огонь по временам обжигал его, он с легким визгом поднимал то одну, то другую лапу. Пламя было такое сильное, что свет проникал в самые темные уголки, и я видел, как на занавесках кровати плясали тени, которые в детстве часто пугали меня по ночам.

Матушка Барберен поставила сковородку на огонь и, взяв кончиком ножа кусок масла, бросила его на сковородку, где оно сейчас же растаяло.

– Ах, как вкусно пахнет! – закричал Маттиа. Масло зашипело.

– Оно поет, – воскликнул Маттиа. – Сейчас я начну ему аккомпанировать!

Маттиа считал, что все должно делаться под музыку. Он схватил скрипку и под сурдинку стал подбирать аккорды в тон шипенью масла, что очень рассмешило матушку Барберен. Но минута была слишком торжественной, чтобы предаваться несвоевременному веселью. Матушка Барберен взяла большую ложку, погрузила ее в миску, зачерпнула оттуда тесто и вылила его на сковородку.

Я нагнулся вперед. Матушка Барберен встряхнула сковородку и ловким движением руки подбросила блин, к великому ужасу Маттиа. Но его опасения были напрасны. Блин снова лег на сковородку, но только другой стороной, показывая нам свой подрумяненный

бок. Я едва успел подставить тарелку, как блин соскользнул на нее.

Первый блин достался Маттиа. Обжигая себе пальцы, губы, язык и горло, он быстро проглотил его.

– До чего же вкусно! – сказал он с набитым ртом. Теперь была моя очередь, и я, так же, как Маттиа, не думал о том, что могу обжечься. Третий блин был готов, и Маттиа протянул за ним руку, но теперь яростно закричал Капи, заявляя о своих правах. Находя это вполне справедливым, Маттиа отдал ему блин, к великому негодованию матушки Барберен. Чтобы успокоить ее, я объяснил, что Капи ученый пес, который вместе с нами зарабатывал деньги на покупку коровы. Он наш товарищ и потому должен есть то же, что и мы. Сама же матушка Барберен заявила, что не будет есть блины, пока мы не насытимся.

Потребовалось довольно много времени, чтобы мы наконец наелись. Однако такой момент наступил, и мы оба дружно заявили, что не съедим больше ни одного блина, если матушка Барберен не съест хотя бы несколько штук.

Нам очень захотелось самим печь блины. Положить масло и налить тесто было нетрудно, но что нам никак не удавалось, это подбросить и перевернуть блин на сковородке. Я уронил свой в золу, а Маттиа угодил горячим блином прямо себе на руку.

Когда миска опустела, Маттиа, отлично понявший, что матушка Барберен не хотела говорить при нем о моих делах, изъявил желание посмотреть, как чувствует себя корова, и, не слушая наших возражений, отправился во двор.

Я ждал этой минуты с большим нетерпением и, как только Маттиа вышел, обратился к матушке Барберен:

– Теперь, я надеюсь, ты скажешь мне, зачем Барберен поехал в Париж?

– Конечно, дитя мое, и даже с большим удовольствием.

С большим удовольствием? Я был поражен. Но прежде чем продолжать, матушка Барберен посмотрела на дверь. Затем, успокоившись, подошла ко мне и с улыбкой тихо сказала:

– Реми, твоя семья разыскивает тебя.

– Моя семья?

– Да, твоя семья.

– Кто меня ищет? Матушка Барберен, говори же, говори скорее, прошу тебя! Нет, это невозможно – меня ищет Барберен!

– Да, конечно, он ищет тебя, чтобы вернуть семье.

– А не для того ли, чтобы снова забрать меня и снова продать? Но ему это не удастся!

– Реми, как можешь ты думать, что я согласилась бы участвовать в таком деле!

– Он тебя обманывает.

– Выслушай меня спокойно и не выдумывай новых ужасов.

– Я помню, как...

– Расскажу тебе все, что сама слышала, и чему ты, надеюсь, поверишь. В следующий понедельник этому будет ровно месяц. Какой-то незнакомый мужчина вошел в дом, где в то время находился Барберен. Я работала в нашей хлебопекарне. «Ваша фамилия Барберен?» – спросил незнакомец, говоривший с иностранным акцентом. «Да, – ответил Жером, – я Барберен». – «Это вы нашли на улице в Париже ребенка и воспитали его?» – «Да». – «Скажите, пожалуйста, где теперь этот ребенок?» – «А вам что за дело?» – спросил Жером.

Если бы я даже сомневался в правдивости слов матушки Барберен, то по любезному ответу Барберена мог убедиться, что дело происходило именно так.

– Ты ведь знаешь, – продолжала она, – что в хлебопекарне слышно все, что здесь говорится. К тому же разговор шел о тебе, и мне хотелось послушать. Я подошла ближе и нечаянно наступила на ветку. Ветка хрустнула. «Мы не одни?» тревожно спросил пришедший. «Это моя жена», – ответил Жером. «Здесь очень жарко, – сказал неизвестный. – Выйдем на улицу и там поговорим». Они ушли. Спустя три или четыре часа Жером вернулся домой один. Мне страшно хотелось знать, о чем говорил с Жеромом приехавший. Но Жером ничего путем не мог рассказать. Он сказал только, что человек этот тебе не отец, но что он

разыскивает тебя по поручению твоей семьи.

– Но где моя семья? Из кого она состоит? Есть ли у меня отец и мать?

– То же самое спросила и я у Жерома. Он ответил, что ничего не знает. Потом прибавил, что поедет в Париж разыскивать старого музыканта по адресу, который тот ему оставил: Париж, улица де-Лурсин, Гарафоли. Я хорошо запомнила его слова, запомни и ты их.

– Не беспокойся, я их знаю. А из Парижа Барберен ничего не писал тебе?

– Нет. Очевидно, он еще занят поисками. В это время Маттиа проходил мимо двери; я крикнул ему:

– Маттиа, мои родители разыскивают меня! У меня есть семья!

Но, странное дело, Маттиа совсем не разделял ни моей радости, ни моего восторга. Тем не менее я рассказал ему все, что мне сообщила матушка Барберен.

ГЛАВА X. СТАРАЯ И НОВАЯ СЕМЬЯ

Сколько раз во время моих скитаний я мечтал о том, как лягу в свою детскую кроватку и как сладко буду в ней спать, свернувшись калачиком укрывшись до подбородка! Сколько раз, ночуя под открытым небом, иззябший и промокший до нитки, я с грустью вспоминал о своем теплом одеяле!

Когда я лег, то сразу заснул, так как очень устал от прошедшего дня и ночи, проведенной в тюрьме. Однако я очень быстро проснулся и уже больше заснуть не мог. Я был слишком взволнован мыслями о моей семье.

Моя семья разыскивает меня, но чтобы найти ее, я должен встретиться с Барбереном. Одна эта мысль уже отравляла все мое счастье.

Где он находится? Точного адреса матушка Барберен не знала. Предполагалось, что он остановился у одного из хозяев, сдающих комнаты в квартале Муфтар, фамилии которых ей были сообщены.

Значит, я сам должен был отправиться в Париж на розыски того, кто искал меня.

Конечно, известие о том, что у меня есть семья, было для меня неожиданной и большой радостью, но эта радость омрачалась следующими обстоятельствами. Я надеялся отдохнуть и провести несколько дней с матушкой Барберен, поиграть с Маттиа во все свои любимые игры, а приходилось чуть ли не на следующий день снова пускаться в путь.

После пребывания у матушки Барберен я собирался идти на берег моря повидаться с Этьеннетой, а затем побывать у Лизы и сообщить ей новости о братьях и сестре. Теперь же нужно было от всего отказаться и спешить в Париж.

Почти всю ночь я не спал, думал и колебался. То мне казалось, что я обязан сперва выполнить свое обещание и навестить Этьеннету и Лизу, то, наоборот, что я должен идти скорее в Париж и разыскать свою семью. Я заснул, так ничего и не решив, и эта ночь, о которой я столько мечтал, оказалась самой тяжелой и беспокойной из всех оставшихся в моей памяти.

Утром, когда матушка Барберен, Маттиа и я собрались у очага, мы устроили совет. Я рассказал о своих ночных сомнениях.

– Надо сейчас же идти в Париж, – говорила матушка Барберен. – Родители тебя ищут, не заставляй их ждать.

– Значит, решено, идем в Париж. – согласился я. Но Маттиа, казалось, не одобрял моего решения.

– Ты считаешь, что нам не следует идти в Париж? – спросил я его. – Объясни почему.

Он отрицательно покачал головой.

– Я считаю, – ответил он наконец, – что нельзя забывать старых друзей ради новых. До сегодняшнего дня Лиза, Этьеннета. Алексис и Бенжамен были твоими братьями и сестрами и любили тебя. Своей новой семьей ты не знаешь – она ничего для тебя не сделала, кроме того, что когда-то бросила тебя на улице, и ты сразу же ради нее покидаешь тех, кто был к тебе

добр.

– Нехорошо говорить, что родители Реми его бросили, – перебила Маттиа матушка Барберен. – Возможно, что у них украли ребенка и они до сих пор оплакивают его, ищут и ждут.

– Этого я не знаю. Но я знаю, что Пьер Акен подобрал умирающего Реми, что во время болезни он ухаживал за ним, как за своим сыном, и что Алексис, Бенжамен, Этьеннета и Лиза любили его, как брата. По-моему, они имеют не меньше прав на его дружбу, чем те, кто по своей или чужой вине потеряли его. Для семьи Акен Реми не был родным, и они не обязаны были о нем заботиться.

Маттиа произнес эти слова таким тоном, словно он на меня сердился. Это меня очень огорчило.

– Маттиа прав, я не могу идти в Париж, не повидав Этьеннеты и Лизы, сказал я.

– Но как же быть с твоими родителями? – продолжала настаивать матушка Барберен.

– Ладно, мы не пойдем к Этьеннете, – решил я, – это будет слишком большим крюком. Кроме того, я могу послать ей письмо. Но по пути в Париж мы зайдем в Дрези и повидаем Лизу. Задержка будет небольшая. Лиза писать не умеет, и я главным образом ради нее предпринял это путешествие. Я расскажу ей об Алексисе и попрошу Этьеннету написать мне в Дрези, а потом прочту Лизе ее письмо.

– Хорошо, – улыбаясь, согласился Маттиа.

Было решено, что мы уйдем завтра. Я почти целый день провел за письмом к Этьеннете, в котором объяснил ей, почему не могу прийти повидать ее, как намеревался раньше.

На следующий день мне уже пришлось распрощаться с матушкой Барберен, но, конечно, эта разлука не была такой печальной, как тогда, когда я уходил с Виталисом. Я горячо обнял матушку Барберен и обещал в скором времени навестить ее вместе с моими родителями.

И вот мы снова идем по большим дорогам с мешками за спиной. Капи бежит впереди. Мы идем большими шагами, торопясь поскорее попасть в Париж.

Маттиа, сначала послушно следовавший за мною, говорит мне, что если мы будем так спешить, то быстро выбьемся из сил. Я замедляю шаги, но вскоре опять ускоряю их.

– Как ты торопишься! – огорченно говорит Маттиа. – Верно, но мне кажется, что и ты должен был бы спешить. Разве моя семья не будет также твоей семьей?

Он отрицательно покачал головой.

Я огорчился, заметив это движение, которое уже не раз замечал у него, с тех пор как речь заходила о моей семье.

– Разве мы с тобой не братья?

– О, что касается нас, конечно, я в этом не сомневаюсь. Я твой брат и останусь им навсегда.

– Ну так что же?

– А почему ты думаешь, что я стану братом твоих братьев, если они у тебя имеются, и сыном твоих родителей? Вероятнее всего, они не захотят принять в свою семью такого маленького оборванца, как я, и мне придется продолжать свой путь одному. Но я никогда не забуду тебя, как, надеюсь, и ты не забудешь меня.

– Мой дорогой Маттиа, как можешь ты так говорить!

– Я говорю то, что думаю. Я не могу радоваться, так как боюсь, что нам придется расстаться, а я надеялся всю жизнь прожить с тобой вместе. Я мечтал, что мы не останемся навсегда бедными уличными музыкантами, а начнем работать, учиться, будем настоящими артистами. Я прекрасно знаю, что ты также этого хочешь, но ведь теперь ты не сможешь распоряжаться собой по своему усмотрению.

Тогда я понял наконец причину его грусти. Маттиа боялся разлуки со мной. Он горячо любил меня, думал только о нашей дружбе и не хотел со мной расставаться.

Так как нам нужно было зарабатывать себе на пропитание, то мы часто

останавливались и играли в больших деревнях, встречавшихся по пути. Кроме того, мы решили сделать Лизе подарок. В одном из городов мы купили чудесную куклу с полным приданым. К счастью, кукла стоила много дешевле коровы.

После Шатильона мы вышли на берег канала. Его лесистые берега, спокойные воды и плывущие мимо баржи напомнили мне о том счастливом времени, когда я вместе с госпожой Миллиган и Артуром плывал на «Лебеде». Интересно, где теперь был «Лебедь» и его обитатели? Когда мы пересекали канал или шли вдоль его берегов, я постоянно спрашивал встречных, не видели ли они плавучий домик с верандой. Наверно, Артур выздоровел и госпожа Миллиган вернулась с ним в Англию. Однако, завидев издали лошадей, тащивших баржу, я всякий раз спрашивал себя, не «Лебедь» ли плывет нам навстречу.

Наступила осень, и наши дневные переходы делались все короче и короче. Мы старались по возможности до наступления темноты попасть в ту деревню, где собирались ночевать. И хотя мы очень спешили, особенно под конец, мы все же пришли в Дрези только поздно вечером.

Муж тетушки Катерины был смотрителем шлюза и жил в доме, выстроенном возле того шлюза, который он сторожил. Найти его поэтому оказалось весьма просто. Дом их стоял на краю деревни, окруженный высокими деревьями.

Сердце мое билось очень сильно, когда мы подходили к этому дому. Через окно, на котором не было ни ставней, ни занавесок, я увидел Лизу, сидевшую за столом рядом с теткой; а напротив, спиной к нам, сидел, по-видимому, ее дядя.

– Они ужинают, – объявил Маттиа, – мы пришли вовремя!

Но я остановил его и сделал знак Капи, чтобы тот не вздумал лаять. Затем, сняв арфу с плеча, я приготовился играть.

– Понимаю! – прошептал Маттиа. – Ты хочешь исполнить серенаду.¹⁵

– Нет, я буду только играть.

И я заиграл первые такты неаполитанской песенки, но не запел, так как боялся, что голос изменит мне.

Играя, я смотрел на Лизу. Она подняла головку, и я увидел, как заблестели ее глаза.

Тогда я запел.

Лиза быстро соскочила со стула и побежала к дверям. Я едва успел передать арфу Маттиа, как она была уже в моих объятиях.

Тетушка Катерина пригласила нас войти в дом и тотчас же усадила нас с Маттиа за стол.

– Пожалуйста, поставьте еще один прибор, – попросил я. – Мы не одни, с нами маленькая подружка. – Я достал из мешка куклу и усадил ее на стул рядом с Лизой.

Никогда не забуду, с какой горячей благодарностью посмотрела на меня Лиза.

ГЛАВА XI. БАРБЕРЕН

Если бы я не торопился в Париж, я бы долго, очень долго прогостил у Лизы. Нам столько нужно было сообщить друг другу, а объясняться на том языке, на котором мы с ней говорили, было нелегко.

Лизе хотелось рассказать мне о том, как она жила в Дрези, как привязались к ней дядя и тетка, у которых своих детей не было, о своих играх, прогулках и удовольствиях.

Я, в свою очередь, расспросил ее о том, что пишет отец, и рассказал ей все, что со мной произошло за время нашей разлуки. Мы проводили время в бесконечных прогулках вдвоем – вернее, впятером, потому что Капи и кукла принимали участие во всех наших развлечениях.

По вечерам, если не было сыро, мы усаживались возле дома, а если на дворе стоял туман, то возле очага, и я играл на арфе, чем доставлял Лизе большое удовольствие. Маттиа

¹⁵ Серенада (итал.) – приветственная песня, преимущественно вечерняя, обычно в честь возлюбленной.

играл на скрипке и корнете, но Лиза предпочитала арфу, и я этим немало гордился. Перед тем как идти спать, Лиза всегда просила меня спеть ей неаполитанскую песенку.

Наконец пришлось расстаться с Лизой и снова пуститься в путь. Не будь со мной Маттиа, я, довольствуясь самым необходимым, стремился бы только поскорее прийти в Париж. Но Маттиа не соглашался со мной.

– Будем зарабатывать столько, сколько сможем, – говорил он, принуждая меня снова и снова браться за арфу. – Кто знает, скоро ли мы найдем Барберена!

– Если мы не найдем его в полдень, мы найдем его в два часа. Улица Муфтар невелика.

– А если он уже вернулся в Шаванон? Придется ему писать, ждать ответа. А как мы проживем это время, если у нас не будет ни гроша в кармане? Можно подумать, что ты совсем не знаешь Парижа. Неужели ты позабыл каменоломню Жантильи? А я прекрасно помню, как чуть не умер в Париже от голода.

Мы снова вышли на ту дорогу, по которой шесть месяцев тому назад шли из Парижа в Шаванон. Мы решили зайти на ту ферму, где когда-то дали свой первый концерт. Молодожены узнали нас и снова захотели потанцевать под нашу музыку. После танцев нас накормили ужином и оставили ночевать.

Оттуда на следующее утро мы отправились в Париж. День нашего возвращения мало походил на день ухода: погода стояла пасмурная, холодная. Ни солнца, ни цветов, ни зелени по краям дороги. Наступала осень – и с нею пора осенних туманов. Теперь нам на голову с высоких стен летели не лепестки левкоев, а сухие, пожелтевшие листья.

Однако печальная погода мало влияла на мое настроение, радость переполняла меня. Мысль о том, что я скоро обниму мать, свою родную мать, а отец назовет меня своим сыном, опьяняла меня.

Зато Маттиа, по мере того как мы приближались к Парижу, становился все грустнее и грустнее и часто в продолжение нескольких часов не произносил ни слова. Он ничего не говорил мне о причине своей грусти, а я, понимая, что он боялся предстоящей разлуки, не захотел повторять то, в чем уверял его не раз, то есть что мои родители и не подумают нас разлучать.

Только когда мы подошли к Парижу и остановились позавтракать недалеко от заставы, Маттиа неожиданно сказал:

– Знаешь ли ты, о ком я сейчас думаю?

– О ком?

– О Гарафоли. Что, если он вышел из тюрьмы? Я ведь не знаю, на какой срок он осужден. Возможно, теперь он свободен и вернулся к себе домой. Мы будем искать Барберена на улице Муфтар, то есть в том же квартале, где живет Гарафоли. А вдруг мы с ним случайно встретимся? Он мой хозяин и дядя, он, вероятно, захочет взять меня снова к себе, и тогда я не смогу от него избавиться. Ты боишься попасть в лапы Барберена и можешь представить себе, как я боюсь попасться Гарафоли.

Увлеченный своими мечтами, я совсем забыл о Гарафоли. То, что мне сказал Маттиа, было вполне реальной опасностью.

– Как ты думаешь поступить? – спросил я его. – Быть может, тебе не стоит идти в Париж?

– Я думаю, что если я не пойду на улицу Муфтар, то вряд ли нарвусь на Гарафоли.

– Ладно, не ходи на улицу Муфтар. Я пойду туда один, а часов в семь вечера мы с тобой где-нибудь встретимся.

Мы решили встретиться поблизости от Собора Парижской богородицы. Маттиа и Капи пошли по направлению к Ботаническому саду, а я на улицу Муфтар. Впервые я остался один, без Маттиа и без Капи, в таком большом городе. Мне было тяжело и жутко, но я не унывал. Ведь вскоре я должен был найти Барберена, а с его помощью и свою семью!

На бумажке у меня были записаны имена и адреса тех хозяев, где мог остановиться Барберен. Я давно выучил их наизусть: Пажо, Барабо, Шопине.

Первым на моем пути оказался Пажо. Я довольно смело вошел в маленькую столовую,

помещавшуюся в первом этаже каких-то меблированных комнат¹⁶ и дрожащим голосом осведомился о Барберене.

– Что за птица этот Барберен?

– Барберен из Шаванона.

И я описал Барберена таким, каким он сохранился в моей памяти после его возвращения из Парижа: грубые черты лица, суровый вид, голова, наклоненная к правому плечу.

– Не знаю. Такого у нас нет.

Поблагодарив, я отправился к Барабо. Последний не только сдавал комнаты, но и торговал фруктами.

Я повторил свой вопрос. Сначала меня не слушали, так как муж и жена были очень заняты. Она резала шпинат, а он ссорился с покупательницей.

– Барберен?.. Да, такой жил у нас года четыре назад.

– Пять лет назад, – поправила его женщина, – и остался нам должен за целую неделю.

Где он, этот негодяй?

Я вышел крайне разочарованный и даже огорченный. Оставался один Шопине. Что я буду делать, если и этот ничего не знает? Где мне искать Барберена?

Шопине был владельцем столовой. Когда я вошел в помещение, он одновременно и стряпал и раздавал еду. Несколько посетителей сидели за столом.

Я обратился с вопросом к самому Шопине, который в это время с ложкой в руке разливал суп.

– Барберен здесь больше не проживает, – ответил он мне.

– Где же он? – с волнением спросил я.

– Откуда я знаю! Адреса он не оставил.

У меня, наверное, был такой огорченный и растерянный вид, что один из мужчин, сидевший за столом возле печки, обратился ко мне:

– А зачем тебе нужен этот Барберен? Откровенно ответить на его вопрос я не хотел.

– Я пришел с его родины и принес ему вести от жены. Она мне сообщила, что я найду его здесь.

– Если вы знаете, где находится Барберен, – обратился хозяин к тому, кто со мной разговаривал, – скажите мальчику. Ведь он не сделает ему ничего плохого. Не правда ли, мальчик?

– Конечно, нет.

Надежда снова вернулась ко мне.

– Барберен живет сейчас в гостинице Канталь, в проезде Аустерлица. По крайней мере, три недели назад он находился там.

Я поблагодарил и вышел. Но прежде чем пойти по указанному адресу, я решил разузнать о Гарафоли. Мне как раз надо было пройти мимо улицы де-Лурсин, и только несколько шагов отделяло меня от того дома, где я был когда-то с Виталисом. Как и в тот памятный для меня день, какой-то старик развешивал на грязной стене жалкие лохмотья. Можно было подумать, что он не переставал заниматься этим делом с тех самых пор.

– Гарафоли вернулся? – спросил я его. Старик посмотрел на меня и вместо ответа закашлялся. Я решил, что мне нужно дать ему понять, что я знаю, где находится Гарафоли, иначе от него ничего не добьешься.

– Он все еще там? – продолжал я с независимым видом. – Ему, верно, не весело.

– Возможно, но время идет.

– Для него, наверное, не так быстро, как для нас. Старик засмеялся при этой шутке, и это вызвало у него новый приступ кашля.

¹⁶ Меблированные комнаты – гостиница дешевого типа, где комнаты с мебелью сдаются за небольшую плату на более продолжительный, чем в гостиницах, срок.

– Не знаете ли вы, когда должен вернуться Гарафоли? – спросил я, когда он перестал кашлять.

– Через три месяца.

Гарафоли пробудет в тюрьме еще три месяца! Маттиа мог ничего не бояться; за эти три месяца мои родители найдут, конечно, способ оградить его от посягательств его ужасного дядюшки.

Не задерживаясь больше, я зашагал к проезду Аустерлица. Радостное чувство охватило меня, и я уже гораздо снисходительнее относился к Барберену. Он, наверное, не был таким злым, как казался; без него я бы замерз на улице или умер с голоду. Правда, он меня отнял у матушки Барберен и продал Виталису, но он не жил со мной, не знал меня и потому не был ко мне привязан. Несомненно, нужда заставила его так поступить, а нужда, как известно, плохой советчик. В настоящее время Барберен искал меня, был занят моими делами. Если я разыщу своих родителей, то из чувства справедливости обязан быть ему благодарным.

Расстояние от улицы де-Лурсин до проезда Аустерлица невелико, и я скоро разыскал гостиницу Канталь Гостиницей она оказалась только по названию – на самом деле это были жалкие меблированные комнаты. Их содержала глухая старуха с трясущейся головой.

Когда я обратился к ней, она приложила руку к уху и попросила меня повторить.

– Я плохо слышу, – шепотом сказала она.

– Я хочу видеть Барберена, Барберена из деревни Шаванон. Он живет у вас?

Услышав эти слова, она так громко всплеснула руками, что спавшая на ее коленях кошка испуганно соскочила на землю.

– Ах, ах! – простонала она, глядя на меня, и голова ее затряслась еще сильнее. – Вы тот самый мальчик?

– Какой мальчик?

– Которого он искал?

От этих слов у меня сжалось сердце.

– Что с Барбереном?! – испуганно воскликнул я.

– Покойным, покойным Барбереном, следует говорить.

Чтобы не упасть, я оперся на арфу.

– Разве он умер, – закричал я как можно громче, но от волнения мой голос звучал глухо.

– Скончался. Восемь дней назад скончался в больнице. Я оцепенел. Барберен умер! А как же моя семья? Где и как я найду ее теперь?

– Значит, вы тот самый мальчик, – продолжала старуха, – которого он разыскивал?

Я уцепился за эти слова. – Стало быть, вы знаете?. – спросил я.

– Знаю только то, о чем рассказывал бедняга. Что он приехал в Париж, желая найти и вернуть родителям того ребенка, которого он когда-то подобрал на улице.

– Где же моя семья, где моя семья? – спросил я задыхаясь.

– Ах, так вы и есть тот самый мальчик? – повторяла старуха.

И, продолжая трясти головой, она стала меня пристально рассматривать, но я оторвал ее от этого интересного занятия:

– Очень прошу вас, расскажите мне все.

– Но я ничего не знаю, кроме того, о чем уже сказала вам, мой мальчик, простите, молодой человек.

– Расскажите все, что говорил вам Барберен о моей семье. Вы видите, как я волнуюсь.

В этот момент какая-то женщина, по-видимому, служанка, вошла в комнату. Хозяйка гостиницы Канталь обратилась к ней:

– Вот так история! Это тот самый мальчик, которого разыскивал Барберен. Он явился, а Барберена уже нет в живых. Вот так история!

– Говорил ли вам когда-нибудь Барберен о моей семье? Где она живет и как ее фамилия? – перебил я ее.

– Нет, об этом он никогда ничего не говорил. Когда Барберен умер, мы осмотрели все

его вещи. Не из любопытства, конечно, а для того, чтобы сообщить его жене. Но мы ничего не нашли. В больнице тоже в его одежде не оказалось никаких бумаг.

– Увы, я отлично понял все, что мне сообщила старуха! Барберен умер и унес с собой тайну моего рождения. Почти находясь у цели, я ничего не достиг. Мои мечты и надежды рухнули!

Долгое время я не находил слов. Эти женщины рассказали мне все, что знали. Но они ровно ничего не знали, хотя и пытались выведать у Барберена его секрет. Я поблагодарил их и направился к двери.

– Куда же вы идете? – спросила меня старуха.

– Я должен встретиться с моим другом. – Ах, у вас есть друг?

– Да. – Он живет в Париже?

– Мы прибыли в Париж сегодня утром. – Ну, как если вам нужно жилье, вы можете устроиться у меня. Здесь вам будет очень хорошо. Смею вас уверить, вы будете жить в приличном доме. К тому же ваши родные, не получая известий от Барберена, несомненно обратятся сюда, и вы сами сможете их здесь встретить. Как найдут вас родные, если вас здесь не будет? Я говорю все это исключительно в ваших интересах. А сколько лет вашему другу?

– Он немного моложе меня.

– Подумать только, такие молодые люди – и одни на улицах Парижа! Можно повстречаться бог знает с кем, ведь есть гостиницы, где живет всякий сброд. То ли дело у меня – тут так спокойно, да и район хороший.

Я вовсе не был согласен с тем, что это спокойный и тихий район: гостиница Канталь находилась в одном из самых грязных и жалких домов, когда-либо мною виденных. А между тем за свою бродячую жизнь я повидал немало трущоб. Но над предложением старухи следовало подумать.

– Сколько будет стоить комната для меня и моего друга? – спросил я.

– Десять су в день не дорого?

– Хорошо, мы придем к вам сегодня вечером.

– Возвращайтесь пораньше. В Париже ночью небезопасно.

Так как было еще рано идти к месту нашей встречи, я решил побродить по набережным и посмотреть на Сену. Но вот начало смеркаться, зажглись газовые фонари. Тогда я направился к Собору Парижской богородицы, башни которого черными силуэтами выделялись на алеющем от заката небе. Увидев скамейку, я с удовольствием сел: у меня так ныли ноги, будто я долго шел. Тут я снова погрузился в свои печальные размышления. Давно не чувствовал я себя таким расстроенным и усталым. В огромном, ярко освещенном и оживленном Париже я был более одинок, чем среди полей и лесов. Проходившие мимо люди иногда оборачивались, чтобы посмотреть на меня. Но меня не трогало ни их любопытство, ни их сочувствие – я ждал и надеялся на сочувствие близких, которых, увы, не нашел. Только бой башенных часов интересовал меня. Я считал их удары и соображал, сколько времени оставалось до того момента, когда я встречу Маттиа, найду поддержку и утешение в его дружбе, увижу его ласковые, веселые глаза.

Незадолго до семи часов я услышал радостный лай и тотчас же увидел приближающийся ко мне белый предмет. Прежде чем я сообразил, в чем дело, Капи вскочил ко мне на колени и стал лизать мои руки. Я прижал его к себе и поцеловал в нос.

Тут же появился Маттиа.

– Ну как? – издали закричал он мне.

– Барберен умер...

Он пустился бежать, желая скорее очутиться возле меня.

В нескольких словах я рассказал ему все, что узнал.

Он искренне огорчился, и от его сочувствия мне стало легче. Я понял, что хотя Маттиа и боялся того, что моя семья может нас разлучить, он все же горячо желал, чтобы я ее нашел.

Он старался утешить меня сердечными и ласковыми словами и всячески убеждал, что не следует отчаиваться.

– Твои родители встревожатся, не получая от Барберена никаких известий. Они захотят узнать, в чем дело, и обратятся, конечно, в гостиницу Канталь. Пойдем в гостиницу, через несколько дней все уладится. То же самое говорила мне и старуха с трясущейся головой, но в устах Маттиа эти слова звучали для меня убедительнее.

Безусловно не стоило так огорчаться, надо было только терпеливо ждать. Немного успокоившись, я рассказал Маттиа о Гарафоли.

– Еще три месяца! – воскликнул он и от радости принялся петь и скакать посреди улицы.

Мы дошли до проезда Аустерлица по набережным. Теперь, когда волнение мое улеглось, я спокойно мог любоваться Сеной, освещенной полной луной, которая разбрасывала серебряные блески по ее воде, сияющей, как одно огромное подвижное зеркало.

Возможно, что гостиница Канталь и была «приличной», но красивой и удобной ее никак нельзя было назвать. Нас поместили в маленьком номере под крышей, который освещался тусклым огарком свечи. Номер был так тесен, что одному из нас приходилось садиться на кровать, чтобы другой мог пройти. Но не все еще потеряно, решил я, и с этой мыслью уснул.

ГЛАВА XII. ПОИСКИ

На следующий день я с утра принялся писать письмо матушке Барберен. Мне надо было сообщить ей все, что я узнал, и это оказалось нелегкой задачей. Нельзя было просто написать, что ее муж умер, – она была искренне привязана к своему старику. Много лет прожили они вместе, и матушка Барберен очень огорчилась бы, если б не увидела во мне сочувствия ее горю. Разумеется, я сообщил ей о постигшем меня разочаровании и о новых надеждах. Я просил ее тотчас же уведомить меня, в случае если моя семья напишет ей, и сообщить мне адрес в Париж, в гостиницу Канталь.

Затем я решил немедленно навестить Пьера Акена, чтобы передать ему нежные приветы и поцелуи от Лизы и Алексиса и рассказать об их житье-бытье.

Маттиа было очень интересно посмотреть тюрьму, и потому он отправился туда вместе со мной. А мне хотелось познакомить его с тем, кто более двух лет заменял мне отца.

Теперь я знал, как получают разрешение на свидание с заключенными, и поэтому нам не пришлось долго ждать у дверей тюрьмы, как тогда, когда я пришел сюда впервые. Нас пустили в приемную, куда вскоре вышел Акен. Он уже с порога протянул мне руки.

– Милый мой мальчик, хороший ты мой Реми! – говорил он, целуя меня.

Я подробно рассказал о том, как живут Лиза и Алексис. Но когда я стал объяснять ему, почему мне не удалось повидать Этьеннету, он перебил меня:

– А как твои родители?

– Разве вы знаете?

Тогда он сообщил мне, что у него недели две назад побывал Барберен.

– Барберен умер, – сказал я.

– Вот так несчастье!

Акен рассказал, что Барберен приходил к нему в тюрьму, желая узнать, где я нахожусь.

Когда Барберен приехал в Париж, он первым делом отправился к Гарафоли и, разумеется, не нашел его. Тогда он поехал в провинцию, в ту тюрьму, где сидел Гарафоли, и тот рассказал ему, как после смерти Виталиса я был взят в семью садовника. Барберен вернулся в Париж и разыскал Акена в тюрьме. От Акена он узнал, что я путешествую по Франции, и если нельзя точно знать, где я нахожусь в данный момент, то можно с уверенностью сказать, что рано или поздно я побываю у кого-либо из его детей. Барберен написал мне в Дрези в Варс, в Эснанд и в Сен-Кантен. Я не получил в Дрези его письма, вероятно, потому, что ушел оттуда раньше, чем оно прибыло.

– А что говорил вам Барберен о моей семье?

– Ничего, вернее очень мало. Твои родители будто бы узнали от полицейского комиссара, что подкинутый ребенок был отдан каменщику из Шаванона по фамилии Барберен. Тогда они обратились к нему. Но так как тебя там не оказалось, они попросили его помочь им разыскать тебя.

– Он не сказал вам их фамилии или где они живут?

– Я спрашивал его об этом, но Барберен мне ответил, что он после все скажет. Я не стал настаивать, прекрасно понимая, что он скрывал фамилию твоих родителей из боязни потерять часть вознаграждения, которое он надеялся получить от них. Так как я тоже некоторое время был тебе за отца, то Барберен вообразил, что я намерен получить за это плату. Я послал его к черту и с тех пор больше не видел. Я и не предполагал, что он умер. Итак, ты знаешь, что у тебя есть родители, но из-за этого старого скряги ты не знаешь, кто они и где они.

Я объяснил ему, на что я теперь надеюсь, и он вполне согласился с моими предположениями.

Твои родители нашли Барберена, а Барберен сумел разыскать сперва Гарафоли, затем меня. Они, без сомнения, обратятся в гостиницу Канталь, а потому живи пока там.

Эти слова были мне очень приятны и вернули мне веселое настроение. Остальное время прошло в разговоре о Лизе, об Алексисе и о катастрофе в руднике.

– Какая ужасная работа! – воскликнул Акен, когда я окончил свой рассказ. Бедный Алексис... Ах, было бы гораздо лучше, если б он остался садовником!

– Это время вернется. – заметил я.

– В ожидании этого чудесного момента, – сказал мне Маттиа, когда мы очутились на улице, – нам не следует терять напрасно время, а надо зарабатывать деньги.

– Если бы мы меньше занимались заработком по пути из Шаванона в Дрези и из Дрези в Париж, мы бы пришли в Париж раньше и застали бы Барберена в живых.

– Верно, я сам огорчен тем, что мы задержались, – следовательно, можешь меня не упрекать. – Я нисколько не упрекаю тебя, Маттиа! Если б не ты, я не смог бы подарить куклу Лизе и мы бы оказались сейчас в Париже без копейки денег.

– Хорошо, раз я тогда был прав, положиись и теперь на меня. К тому же нам ничего лучшего и не остается, как начать работать. В Париже я чувствую себя как дома и знаю тут много хороших местечек.

Он действительно хорошо знал все кафе, площади, дворы, закоулки, и к вечеру наша выручка достигла четырнадцати франков.

Так прошло три дня. На мои вопросы хозяйка гостиницы ежедневно отвечала одно и то же: «Барберена никто не спрашивал. Писем нет ни вам, ни Барберену». Но наконец, на четвертый день, она подала мне письмо. Это был ответ матушки Барберен – вернее, тот ответ, который был написан по ее просьбе, так как она сама не умела ни писать, ни читать. В нем говорилось, что незадолго до смерти мужа матушка Барберен получила от него письмо, которое она и пересылает мне, так как в нем содержатся сведения о моей семье.

– Скорее, скорее, – закричал Маттиа, – читай письмо Барберена!

С замиранием сердца я дрожащей рукой развернул письмо:

«Дорогая жена!

Я очень болен, лежу в больнице и вряд ли встану. У меня мало сил, а то бы я написал, как это со мной случилось. Но надо торопиться и сообщить о самом главном. Когда я умру, напиши в Лондон, Линкольнс-Инн, Грин-сквер, Контора Гресс и Гэлли. Этим людям поручено разыскать Реми. О том, что случилось с Реми, ты можешь узнать от старого садовника по фамилии Акен, который находится сейчас в Париже, в тюрьме Клиши. Но не предпринимай ничего до моей смерти. Целую тебя в последний раз.

Барберен.»

Я еще не успел кончить письмо, как Маттиа вскочил и закричал:

– Едем! В Лондон!

Я был настолько поражен известием, полученным в письме, что смотрел на Маттиа, не понимая, о чем он говорит.

– Если Барберен пишет, что найти тебя поручено английской конторе, продолжал он, – значит, родители твои англичане. Будь они французами, они не поручили бы английским юристам разыскивать во Франции своего пропавшего ребенка. А раз ты англичанин, тебе необходимо ехать в Англию. Это самый верный способ поскорее найти твоих родителей.

– Может быть, лучше написать этим юристам?

– Зачем? Легче договориться лично, чем письменно. У нас есть сорок три франка, это больше чем достаточно для путешествия в Англию. В Булони мы сядем на пароход, который доставит нас в Лондон.

– Разве ты бывал в Лондоне?

– Ты прекрасно знаешь, что нет. Но у нас в цирке Гассо работали два клоуна – англичане. – Они рассказывали мне о Лондоне и выучили меня некоторым английским словам, для того чтобы матушка Гассо, которая любила совать свой нос в наши дела, не могла нас понять. Я буду твоим проводником в Лондоне.

– Я тоже немного учился английскому языку с Виталисом.

– Да, но за три года ты, верно, все позабыл, а я его еще помню, вот увидишь. Потом, я хочу ехать с тобой в Лондон еще по одной причине.

– Какой?

– Если твои родители приедут сюда, в Париж, они могут не взять меня с собой, ну, а если я уже буду в Англии, им неудобно будет отсылать меня обратно.

Этот довод показался мне достаточно веским, и я тотчас же согласился ехать с Маттиа в Лондон.

Через две минуты наши мешки уже были увязаны, и мы спустились вниз, готовые к отъезду.

Когда хозяйка гостиницы увидела нас, она начала причитать:

– Разве молодой человек не будет ждать здесь своих родителей? Это ведь куда разумнее. И, кроме того, родители сами увидели бы тогда, как тут заботились об их сыне.

Но ее красноречие не могло меня остановить. Заплатив за ночлег, я торопился выйти на улицу, где меня ждали Маттиа и Капи.

– А ваш адрес? – спросила старуха.

Я записал адрес конторы «Грэсс и Гэлли» в ее книгу.

– В Лондон! – закричала она. – Такие дети едут в Лондон! Пускаются в дальнее путешествие по морю!

На переход от Парижа до Булони нам потребовалось восемь дней; мы неподолгу останавливались во всех больших городах, встречавшихся на пути, для того чтобы дать несколько представлений и пополнить наш капитал. По дороге Маттиа обучал меня английским словам, так как я был сильно озабочен, знают ли мои родители французский или итальянский язык? Как я буду с ними объясняться, если они говорят только по-английски? Что я скажу своим братьям и сестрам, если они у меня окажутся? Не останусь ли я навсегда чужим для них, если не смогу с ними разговаривать?

Когда мы пришли в Булонь, у нас в кармане было целых тридцать два франка значительно больше, чем требовалось на наш переезд.

Пароход в Лондон отправлялся на следующий день, в четыре часа утра. В половине четвертого мы уже были на борту и постарались устроиться как можно лучше за грудой ящиков, которые могли нас несколько защитить от холодного и сырого северного ветра.

При свете отдельных тускло горевших фонарей мы видели, как грузится пароход. Скрипели блоки, трещали ящики, опускаемые в трюм, и матросы хриплыми голосами перебрасывались короткими фразами. Весь этот шум покрывался свистом пара, белыми хлопьями вылетающего из трубы. Наконец прозвучал колокол, канаты были отвязаны, и мы тронулись в путь... в путь на мою родину!

Я часто рассказывал Маттиа, что нет ничего приятнее поездки на лодке. Тихо скользишь по воде, даже не ощущая ее движения. Поистине чудесно, как мечта.

Говоря так, я вспоминал о «Лебеде» и о нашем путешествии по Южному каналу. Но море было совсем не похоже на канал. Едва мы вышли в открытое море, началась качка; пароход глубоко нырял и снова взлетал на волнах, как на огромных качелях. Во время этих толчков пар вылетал из трубы с пронзительным свистом, затем вдруг все затихало и слышался только шум колес по воде то с одного бока, то с другого, в зависимости от того, куда наклонялся пароход.

Вдруг Маттиа, который уже давно помалкивал, резко вскочил.

– Что с тобой? – спросил я его.

– Мне нехорошо. Все вокруг так и пляшет.

– У тебя морская болезнь.

– Черт возьми, очевидно, да.

Бедняжка Маттиа, как он страдал! Я обнимал его, поддерживал его голову ничего не помогало. Он громко стонал. Время от времени он быстро поднимался и, шатаясь, шел к борту парохода, затем снова возвращался, чтобы прикорнуть возле меня. При этом он полусмеясь, полусердито грозил мне кулаком и говорил:

– Ох, уж эти англичане, ничего-то они не чувствуют!

– И очень хорошо, что не чувствуют. Когда наступило бледное, туманное, пасмурное утро, мы увидели высокие белые скалы и то там, то сям неподвижно стоявшие суда без парусов. Мало-помалу качка уменьшилась. Пароход плыл теперь почти так же спокойно, как по каналу. С обеих сторон виднелись, или, вернее, угадывались в утреннем тумане поросшие лесом берега. Мы вошли в Темзу.

– Вот мы и в Англии! – объявил я Маттиа. Но он совсем не обрадовался этой новости и, растянувшись на палубе, ответил:

– Дай мне поспать.

Я чувствовал себя превосходно во время переезда и потому не хотел спать. Устроив поудобнее Маттиа, я влез на ящики и уселся там, посадив Капи между ног.

Капи хорошо перенес переезд. Вероятно, он был «старым моряком»; с Виталисом ему приходилось много путешествовать.

С того места, где я расположился, река и оба ее берега были прекрасно видны. На воде находилась целая флотилия кораблей, стоящих на якорях. Посреди этих кораблей бегали маленькие пароходики и буксиры, оставляя за собой длинные ленты черного дыма. Многие из кораблей были готовы к отплытию, и на их мачтах виднелись матросы, которые лазили вверх и вниз по веревочным лестницам, казавшимся издали тоненькими, как паутина.

По мере того как наш пароход поднимался вверх по реке, зрелище становилось все красивее и занимательнее. Кроме пароходов и парусников, появились большие трехмачтовые суда, огромные океанские пароходы, прибывшие из дальних стран; черные угольщики, баржи, груженные соломой или сеном, похожие на стога, уносимые течением; большие красные, белые и черные бочки, кружащиеся в волнах. Интересно было также смотреть на берега, где виднелись нарядно выкрашенные дома, зеленые луга, деревья, не тронутые ножом садовника; постоянно встречались пристани, морские опознавательные знаки, позеленевшие, скользкие камни.

Я долго сидел так и смотрел по сторонам, любуясь окружающим. Но вот по обоим берегам Темзы дома стали нагромождаться длинными красными рядами. Потемнело, дым и туман так перемешались, что нельзя было разобрать, что гуще: туман или дым. Деревья и луга сменились лесом мачт. Не выдержав больше, я быстро соскочил вниз и подошел к Маттиа.

Он проснулся и, не чувствуя больше приступов морской болезни, был в таком хорошем настроении, что согласился лезть со мной на ящики. Он, так же как я, от всего приходил в восторг. В некоторых местах через луга протекали каналы, впадающие в реку, и они тоже были полны судами. К несчастью, туман и дым все сгущались, и чем дальше мы

продвигались, тем становилось труднее видеть.

Наконец пароход причалил к пристани. Мы приехали в Лондон и сошли на берег в потоке людей, которые смотрели на нас, но не разговаривали с нами.

– Вот настал момент, когда твой английский язык может нам пригодиться, обратился я к Маттиа.

Маттиа, нимало не смущаясь, подошел к толстому человеку с рыжей бородой и, сняв шляпу, вежливо спросил у него, как пройти на Грин-сквер.

Мне показалось, что Маттиа слишком уж долго объяснялся с этим человеком, который по нескольку раз заставлял повторять его одни и те же слова. Но я не хотел показать, что сомневаюсь в познаниях моего друга. Наконец Маттиа возвратился:

– Это очень просто – надо идти вдоль Темзы по набережной.

Но в те времена в Лондоне набережных не было, дома стояли почти у самой реки, и нам пришлось идти по улицам, которые тянулись параллельно Темзе.

Это были мрачные улицы, грязные, загроможденные экипажами, ящиками, тюками товаров; мы с трудом пробирались среди беспрерывно возникающих препятствий. Я привязал Капи на веревку, и он шел за мной по пятам. Был всего час дня, но в магазинах уже горел свет. Должен признаться, что Лондон не произвел на нас такого благоприятного впечатления, как Темза. Мы шли теперь не по большой улице, полной шума и движения, а по маленьким, тихим улочкам, которые переплетались между собой, и нам казалось, что мы топчемся на одном месте, как в лабиринте.

Мы уже думали, что заблудились, как вдруг очутились перед небольшим кладбищем с черными надгробными камнями, словно выкрашенными сажей или ваксой. Это и был Грин-сквер.

Пока Маттиа говорил с какой-то проходившей мимо тенью, я остановился, стараясь успокоить свое бьющееся сердце. Я с трудом дышал и весь дрожал. Затем я пошел вслед за Маттиа. Вскоре мы остановились перед медной дощечкой и прочли: «Грэсс и Гэлли».

Маттиа хотел позвонить, но я удержал его руку.

– Что с тобой? – спросил он. – Какой ты бледный!

– Подожди немного, я наберусь храбрости.

Он позвонил, мы вошли.

Я был настолько взволнован, что плохо различал окружающее. Мы очутились в какой-то конторе, где несколько человек что-то писали, нагнувшись над столами.

К одному из них и обратился Маттиа, потому что, разумеется, я поручил ему вести переговоры.

Он несколько раз повторил: «семья, мальчик, Барберен». Я понял, что он объясняет им, что я и есть тот самый мальчик, которого моя семья поручила отыскать Барберену. Внимательно осмотрев меня и Маттиа, человек поднялся, чтобы проводить нас в другую комнату.

Мы вошли в кабинет, полный книг и бумаг. Перед письменным столом сидел какой-то господин, а другой, в мантии и парике, держал в руках множество синих мешков с документами¹⁷ и беседовал с ним.

Человек, приведший нас, объяснил, кто мы такие, и оба господина осмотрели нас с головы до ног.

– Кто из вас ребенок, воспитанный Барбереном? – спросил по-французски господин, сидевший за письменным столом.

Услыхав, что он говорит по-французски, я почувствовал себя увереннее и выступил вперед:

– Это я.

– А где Барберен?

¹⁷ В те времена в Англии вместо папок для документов и бумаг употреблялись специальные мешки.

– Он умер.

Они переглянулись, и тот, у кого на голове был надет парик, вышел, унося с собой мешки.

– Как же вы попали сюда? – спросил мужчина, который первым обратился к нам.

– Пешком до Булони, а из Булони в Лондон – на пароходе. Мы только что прибыли.

– Откуда вы узнали, что вам следует ехать сюда? Я постарался как можно короче рассказать обо всем. Мне очень хотелось, в свою очередь, задать ему вопрос, особенно сильно интересовавший меня, но я не успел этого сделать.

Пришлось рассказать, как я рос у матушки Барберен, как попал к Виталису, как после смерти Виталиса был принят в семью Акен и как в конце концов вернулся к прежней жизни бродячего музыканта.

Пока я рассказывал, господин что-то записывал и поглядывал на меня так, что мне становилось не по себе. У него было злое лицо и какая-то фальшивая усмешка.

– А это что за мальчик? – спросил он, указывая на Маттиа кончиком пера, словно желая пронзить его.

– Мой друг, товарищ и брат.

– Очень хорошо. Какое-нибудь случайное знакомство, встреча на большой дороге, не так ли?

– Самый нежный, самый любящий брат.

– О, нисколько не сомневаюсь! Момент показался мне подходящим для того, чтобы задать тот вопрос, который не давал мне покоя:

– Скажите, моя семья живет в Англии?

– Да, она живет в Лондоне, по крайней мере, в настоящее время.

– Значит, я могу ее увидеть?

– Очень скоро вы будете в семье. Вас туда отвезут. Он позвонил.

– Ответьте, пожалуйста, еще на один вопрос: есть у меня отец? – Я с трудом произнес слово «отец».

– Не только отец, но и мать, и братья, и сестры.

– О, сударь...

Дверь отворилась, и я прекратил свои излияния. Я только взглянул на Маттиа глазами, полными слез. Господин обратился по-английски к вошедшему старику, и я понял, что он велел ему проводить нас.

Мы поднялись.

– Ах да! – обратился ко мне господин. – Я совсем забыл сказать, что ваша фамилия Дрискол; то есть такова фамилия вашего отца.

Несмотря на его несимпатичное лицо, я несомненно бросился бы ему на шею, если бы успел это сделать, но он рукой указал нам на дверь. Мы вышли.

ГЛАВА XIII. СЕМЕЙСТВО ДРИСКОЛ

Старик, которому было поручено доставить меня родителям, был маленький, сухонький человек с морщинистым лицом, одетый в засаленный черный фрак и белый галстук. Когда мы вышли на улицу, он принялся неистово тереть руки, трещать суставами пальцев и дрыгать ногами, словно хотел сбросить с себя свои стоптанные сапоги. Подняв кверху нос, он несколько раз глубоко вздохнул, как человек, долго сидевший взаперти.

– Он находит, что здесь чудесно пахнет, – сказал мне Маттиа по-итальянски.

Старик посмотрел на нас и, ничего не говоря, издал губами какой-то странный звук: «пст, пст...» По-видимому, это означало, что мы не должны отставать от него, чтобы не потеряться.

Вскоре мы очутились на большой улице, полной движения. Старик остановил ехавший экипаж, кучер которого, вместо того чтобы сидеть на козлах, находился где-то на запятках и правил лошадьёю по верх коляски. Позже я узнал, что такой экипаж называется кэбом.

Усадив нас, старик начал спорить с кучером через маленькое окошечко, прорезанное в верхней части экипажа. Несколько раз он произнес «Бэснал-Грин» очевидно, название квартала, в котором живут мои родители. Я знал, что слово «green» по-английски означает «зеленый», и поэтому решил, что этот квартал должен быть засажен красивыми деревьями. Конечно, он совсем не походит на те мрачные и грязные улицы Лондона, по которым мы только что проходили. Дом тоже, наверно, очень красивый и окружен большими деревьями.

Спор между нашим провожатым и кучером продолжался довольно долго. Маттиа и я, тесно прижавшись друг к другу, сидели в уголке, держа Капи у ног. Слушая их спор, я удивлялся тому, что кучер, по-видимому, не знает, где находится Бэснал-Грин. Разве так много красивых зеленых кварталов в Лондоне? После того, что мы видели, я бы скорее поверил тому, что здесь куда больше закопченных, грязных кварталов.

Наконец мы поехали, сперва по широким улицам, затем по узким, затем снова по широким. Стоял сильный туман, и мы почти ничего не могли разглядеть, что делалось вокруг нас. Было холодно, и в то же время трудно было дышать. Но это относилось только ко мне и Маттиа, потому что наш провожатый, напротив, чувствовал себя превосходно. Он глубоко дышал открытым ртом и фыркал так, словно торопился набрать побольше воздуха в свои легкие. По временам он опять начинал трещать суставами и вытягивать ноги. Можно было подумать, что он несколько лет не двигался и не дышал.

Несмотря на лихорадочное волнение, охватившее меня при мысли, что через несколько минут я обниму наконец отца, мать, братьев и сестер, мне страшно хотелось видеть город, по которому мы ехали. Ведь это был мой родной город.

Но я почти ничего не мог рассмотреть, кроме красноватого света газовых рожков, горевших в тумане, словно среди густого облака дыма. Даже фонари встречных экипажей можно было различить с трудом, и по временам нам приходилось внезапно останавливаться, чтобы не зацепить или не раздавить людей, толпящихся на улицах.

Комья грязи летели в наш экипаж и покрывали нас черными брызгами; скверный запах наполнял улицы. Неужели вся Англия такова, как этот грязный каменный город, называемый Лондоном?

Мы ехали уже довольно долго, с тех пор как вышли из конторы «Гресс и Гэлли». Все, казалось, подтверждало, что мои родители живут за городом. Мы с Маттиа держались за руки, и я при мысли о том, что скоро увижу своих родителей, крепко сжимал его руку. Мне хотелось сказать ему, что больше, чем когда-либо, считаю его своим другом.

Однако, вместо того чтобы выехать за город, мы очутились на еще более узких улицах и слышали свисток паровоза.

Мне показалось, что мы кружим на одном месте; наш кучер замедлял ход, как будто отыскивая дорогу. Вдруг он резко остановился и открыл окошечко.

Снова начался разговор – вернее, спор. Маттиа объяснил мне, что кучер не желает ехать дальше, так как не знает дороги. Спор продолжался; кучер и старик злобно перекликались через окошечко. Наконец старик отдал деньги ворчавшему кучеру, вылез из кэба и снова произнес «пст, пст.»; мы поняли, что он предлагает нам следовать за собой.

Мы очутились среди тумана, на грязной улице. Перед нами была ярко освещенная лавка, и свет газа, отраженный в зеркалах, позолоте и граненых бутылках, проникал сквозь туман, освещая улицу.

Это был бар, где торговали различными сортами водки.

– Пст, пст... – повторил наш вожатый.

И мы вместе с ним вошли в бар.

Никогда до сих пор я не видел такого великолепия: повсюду зеркала, позолота, серебряная стойка. Только люди, стоявшие перед этой стойкой или опиравшиеся на стены и бочки, были одеты в жалкие лохмотья, а их голые грязные ноги как будто вымазаны не успевшей высохнуть ваксой.

Подойдя к серебряной стойке, наш провожатый велел подать себе стакан белой, приятно пахнувшей жидкости. Выпив ее залпом с такой же жадностью, с какой некоторое

время назад глотал туман, он вступил в разговор с человеком, подавшим ему стакан. Нетрудно было догадаться, что он просил указать ему дорогу.

Наконец мы снова пошли за своим провожатым. Теперь улица была такой узкой, что, несмотря на туман, мы видели дома, стоящие по обеим сторонам. От одного дома к другому через улицу протянуты были веревки, на которых висели белье и какое-то тряпье.

Куда мы шли? Я стал беспокоиться. Маттиа поглядывал на меня, но ни о чем не спрашивал.

С улицы мы вошли в переулок, прошли его, затем через какой-то двор вышли в другой переулок. Дома здесь были беднее, чем в самой бедной деревушке Франции. Многие были просто сколочены из досок, как сараи или хлева, но, однако, это были жилые дома: на порогах стояли простоволосые женщины и копошились дети.

Там, где слабый свет позволял что-нибудь видеть, я различал бледных, с белыми, как лен, волосами женщин и полуголых ребятишек, еле прикрытых лохмотьями. В одном из переулков мы увидели свиней, рывшихся в какой-то вонючей луже.

Наш провожатый все шел и шел вперед. Несомненно, он заблудился. Вдруг к нам подошел мужчина в длинном синем сюртуке и в шляпе с лакированным ремешком. На его рукаве находилась черная с белым нашивка, а у пояса висела палка. Это был полицейский.

Снова начался долгий разговор, а затем мы двинулись в путь под предводительством этого полицейского. Мы проходили по переулкам, дворам, кривым улицам, мимо каких-то совершенно развалившихся домишек. Наконец мы остановились на одном дворе, посередине которого находилась небольшая лужа.

– Вот Двор Красного Льва, – сказал полицейский.

Я был настолько взволнован, что не помню, как открылась дверь, в которую он постучал. Но с того момента, как мы вошли в просторную комнату, освещенную лампой и огнем горевшего очага, мои воспоминания становятся яснее.

Перед огнем, в соломенном кресле, сидел неподвижно, как деревянная статуя, седобородый старик в черном колпаке. За столом сидели: мужчина лет сорока, с умным, но мало приятным и злым лицом, одетый в серый бархатный костюм, и женщина с распущенными белокурой волосами, спускавшимися на клетчатую шаль, завязанную крест-накрест. Взгляд ее выражал безразличие и равнодушие, а движения были апатичны и вялы; тем не менее в молодости она, по-видимому, была красива. В комнате находилось еще четверо детей, два мальчика и две девочки. Все они были блондины, с такими же льняными волосами, как у матери. Старшему из мальчиков было лет одиннадцать-двенадцать, младшей девочке – не более двух лет, и она еще ползала.

Я успел рассмотреть их всех раньше, чем наш провожатый из конторы «Грэсс и Гэлли» кончил говорить.

Что он говорил, я почти не слышал – вернее, не понял. Только фамилия Дрискол, моя фамилия, как сказал мне господин в конторе, дошла до моего сознания.

Глаза всех присутствующих, даже неподвижного старика, обратились к Маттиа и ко мне; только младшая девочка была занята Капи.

– Кто из вас Реми? – спросил по-французски мужчина в сером бархатном костюме. Я сделал шаг вперед:

– Это я. – Ну, мой мальчик, обними своего отца. Думая раньше об этом моменте, я представлял себе, с каким чувством счастья брошусь в объятия своего отца. Теперь я не находил в себе этого чувства. Однако я подошел и поцеловал его.

– Вот твой дедушка, твоя мать, твои братья и сестры, – продолжал он.

Прежде всего я подошел к матери и обнял ее. Она позволила мне себя поцеловать, но сама не поцеловала меня, а только проронила какие-то два-три слова, которых я не понял.

– Пожми руку дедушке, но будь осторожен, он парализован, – сказал мне отец.

Я подал руку братьям и старшей сестре. Когда я хотел взять на руки младшую, она оттолкнула меня, так как все ее внимание было обращено на Капи.

Переходя от одного к другому, я негодовал на самого себя. Что это значит? Я не

испытывал ни малейшей радости оттого, что находился в своей семье. У меня есть отец, мать, братья и сестры, есть дедушка; наконец-то мы вместе, а я совершенно равнодушен! Я ждал этой минуты с лихорадочным нетерпением, я сходил с ума от радости при мысли, что буду теперь иметь семью, родителей, которых смогу любить и которые будут любить меня. – и что же? Я чувствовал себя смущенным, с любопытством разглядывал их и не находил в себе ни капли нежности, не мог произнести ни одного ласкового слова! Неужели у меня такое черствое сердце и я недостоин того, чтобы иметь семью?

Но мне не дали времени предаваться своим чувствам.

– А это кто же? – спросил отец, указывая на Маттиа. Я объяснил ему, что нас с Маттиа связывает большая дружба и что мы друг друга очень любим.

– Ему, верно, захотелось повидать новые места! – сказал мой отец.

Я хотел возразить ему, но Маттиа перебил меня:

– Вот именно, – заявил он.

– А где Барберен? – продолжал мой отец. – Почему он не приехал с вами?

Я рассказал, что Барберен умер и что я был сильно огорчен, когда, придя в Париж, ничего не мог узнать о своих родителях.

– Ты не говоришь по-английски? – спросил отец.

– Нет. Я знаю французский, а потом хозяин, у которого я жил после Барберена, научил меня итальянскому.

– Виталис.

– Вы его знали?

– Да. Барберен мне о нем говорил, когда я приезжал во Францию. Но ты, наверное, хочешь знать, почему мы не искали тебя целых тринадцать лет и почему вдруг у нас появилась мысль обратиться к Барберену?

– Конечно, это страшно интересно.

– Садись поближе к огню, я тебе все расскажу. Я снял свой мешок и сел на указанное мне место. Но когда я протянул мокрые ноги к огню, дедушка, ни слова не говоря, плюнул в мою сторону; при этом у него был вид старого рассерженного кота. Я сразу понял, что ему это не нравится, и убрал ноги.

– Не обращая на него внимания, – сказал отец. – Старик не любит, когда садятся возле огня. Но если ты продрог, грейся, с ним можно не церемониться.

Я был изумлен, что так непочтительно отзывались о старике с седыми волосами. Мне казалось, что если нужно с кем-нибудь считаться, то именно с ним, и я решил сидеть поджав ноги.

– Ты наш старший сын, – продолжал отец. – Когда я женился на твоей матери, одна молодая девушка, мечтавшая, что я возьму ее в жены, вспылала жгучей ненавистью к своей сопернице. Желая нам отомстить, она украла тебя и отвезла в Париж, где и бросила на улице.

Мы искали тебя повсюду, но, конечно, не в Париже, так как не могли предположить, что тебя увезли во Францию. Мы считали, что ты погиб, и никогда бы не нашли тебя, если бы три месяца назад эта женщина, опасно заболев, не рассказала нам все перед смертью. Я немедленно поехал во Францию и обратился к комиссару того квартала, где тебя подбросили. Там мне сообщили, что ты был взят на воспитание каменщиком по имени Барберен. Я тотчас же отправился в Шаванон, но оказалось, что Барберен отдал тебя странствующему музыканту Виталису и что ты вместе с ним бродишь по Франции. Так как я не мог оставаться дольше во Франции и разыскивать Виталиса, то поручил это дело Барберену и дал ему денег на поездку в Париж. Я попросил его, когда он найдет тебя, немедленно сообщить об этом в контору «Грэсс и Гэлли». Я не мог дать Барберену своего лондонского адреса потому, что наша семья живет здесь только зимой. Мы торговцы и в теплое время года разъезжаем в повозках по Англии и Шотландии. Вот каким образом, мой мальчик, через тринадцать лет ты вновь обрел свою семью. Я понимаю, что ты немного испуган, ты нас не знаешь, не понимаешь языка, на котором мы говорим, так же как и мы не понимаем тебя, но я надеюсь, что скоро ты к нам привыкнешь.

Пока я внимательно слушал рассказ моего отца, мать накрыла стол, поставила тарелки, разрисованные голубыми цветами, и металлическое блюдо, на котором лежал большой кусок жирной говядины с картофелем.

– Вы, верно, здорово проголодались, мальчуганы? – спросил отец, обращаясь ко мне и к Маттиа.

Вместо ответа Маттиа сверкнул своими белыми зубами.

– Итак, сядем за стол, – сказал отец.

Раньше чем сесть, он пододвинул дедушкино кресло к столу. Потом, повернувшись спиной к огню, нарезал мясо и роздал каждому из нас по большому куску вместе с картофелем. Хотя я и не получил никакого воспитания, но все же удивился тому, что мои братья и старшая сестра ели руками. Они окунали пальцы в подливку и облизывали их, и ни отец, ни мать не обращали на это никакого внимания. Что касается дедушки, то он был всецело занят едой, и единственная рука, которой он владел, беспрерывно двигалась от тарелки к тарелке ко рту. Если ему случалось уронить кусок из своих дрожащих пальцев, мои братья смеялись над ним.

Я думал, что по окончании ужина мы проведем вечер всей семьей у очага. Но отец сказал, что ждет к себе друзей и что надо ложиться спать. Взяв свечу, он провел меня и Маттиа в сарай, который примыкал к комнате, где мы ужинали. Там стояли две большие повозки, в которых обычно разъезжают странствующие торговцы. Он открыл дверцу одной из повозок, и мы увидели две койки, расположенные одна над другой.

– Вот ваши постели, – сказал отец. – Спице спокойно!

Так встретила меня моя семья – семья Дрискол.

ГЛАВА XIV. Я В УЖАСЕ ОТ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ

Уходя, отец оставил свечу, но запер снаружи дверцу повозки. Нам не оставалось ничего другого, как лечь спать, что мы и сделали, даже не поболтав, по своему обыкновению, и не обменявшись впечатлениями дня.

– Покойной ночи, Реми, – сказал Маттиа.

– Покойной ночи, Маттиа.

Маттиа, так же как и я, не имел желания разговаривать, чему я был очень рад.

Если я не хотел разговаривать, то спать я тоже не хотел. Я потушил свечу, но не мог сомкнуть глаз, думая о событиях прошедшего дня и ворочаясь с боку на бок на своей узкой койке.

Я слышал, как ворочается Маттиа, занимавший верхнюю койку, и понял, что он также не может уснуть. – Ты не спишь? – шепотом спросил я его.

– Не сплю.

– Ты нездоров?

– Нет, я чувствую себя хорошо. Только все подо мной качается, как будто я все еще на море.

Но это ли мешало Маттиа спать? Скорее всего, ему не давали спать те же мысли, что и мне. Мы были с ним очень близки, он горячо любил меня и, понятно, не мог оставаться равнодушным к моей судьбе. Сон не приходил, время шло, но так как поблизости не было башенных часов, то я не мог определить, который теперь час.

Вдруг я услышал довольно сильный стук в ту дверь сарая, которая выходила на улицу. Стучали несколько раз через определенные промежутки, затем в нашу повозку проник свет. Меня это очень удивило, и я быстро огляделся вокруг, а Капи, спавший возле моей койки, проснулся и зарычал. Я увидел, что свет проникает через небольшое оконце, находящееся в той стенке повозки, где были приделаны наши койки. Ложась спать, я его не заметил, потому что оно было занавешено изнутри. Половина этого оконца была над постелью Маттиа, а другая половина – над моей. Боясь, чтобы Капи не разбудил весь дом, я зажал его морду рукой и посмотрел, что происходит снаружи.

Я увидел, что отец вошел в сарай, затем быстро и бесшумно отворил дверь на улицу. Потом так же тихо закрыл ее, пропустив внутрь двух мужчин, нагруженных тяжелыми тюками.

Приложив палец к губам, он другой рукой, в которой держал потайной фонарик, указал на нашу повозку. Это, по-видимому, означало, что не следует шуметь, чтобы не разбудить нас. Такое внимание тронуло меня, и я хотел было крикнуть ему, что не сплю, но, боясь рассердить его, промолчал.

Отец помог обоим мужчинам сбросить тюки на пол, потом куда-то вышел и скоро вернулся назад вместе с матерью. За время его отсутствия люди развязали тюки. В одном находились свертки различных материй, в другом трикотажные изделия: белье, чулки, перчатки. Отец брал каждую вещь, осматривал ее при свете фонаря и передавал матери, а та маленькими ножницами срезала ярлычки и прятала их в карман.

Все это показалось мне чрезвычайно странным, так же как и время, выбранное для покупки товаров. Продолжая осмотр, отец шепотом разговаривал с людьми, принесшими тюки. Не зная английского языка, я разобрал только несколько раз сказанное слово «полиция».

Когда содержимое тюков было тщательно просмотрено, мои родители и оба пришедших ушли из сарая и вошли в дом, очевидно для того, чтобы рассчитаться. В повозке снова наступила тишина.

Я говорил себе, что нет ничего странного в том, что я только что видел, но убедить себя в этом не мог. Почему люди, пришедшие к моим родителям, не вошли во Двор Красного Льва? Почему о полиции говорили шепотом, как будто боялись, чтобы их не услышали? Почему моя мать срезала ярлычки, висевшие на вещах?

Все эти вопросы не давали мне покоя, и, не находя на них ответа, я напрасно старался отогнать их прочь.

Через некоторое время свет снова проник в повозку, и я опять стал смотреть в щель. Я говорил себе, что не должен подглядывать, и в то же время подглядывал; считал, что мне лучше ничего не знать, и в то же время хотел все знать. Теперь родители были одни. Пока мать быстро связывала принесенные вещи в тюки, отец стал разгребать песок в одном из углов сарая. Под сухим песком, покрывавшим пол, оказался люк. Он поднял крышку люка и начал спускать в него тюки, в то время как мать светила ему фонарем. Спустив тюки, он поднялся наверх, закрыл люк и снова засыпал его песком. Когда он закончил работу, отверстие люка стало совершенно незаметным. Затем они разбросали по песку валявшуюся на полу сарая солому и ушли.

Когда они закрыли дверь и вошли в дом, мне показалось, что Маттиа шевельнулся и опустил голову на подушку. Видел ли он то, что здесь происходило? Я не осмелился спросить его. С ног до головы я был покрыт холодным потом. В таком состоянии я провел всю ночь. Петух, пропевший поблизости, возвестил мне, что начинается утро. Только тогда я заснул, но спал тяжелым, беспокойным сном, полным страшных кошмаров, от которых я задыхался.

Меня разбудил стук замка. Дверь нашей повозки открылась. Решив, что это отец пришел нас будить, я закрыл глаза, чтобы не видеть его.

– Твой брат выпускает нас, – сказал Маттиа. – Он уже ушел.

Мы поднялись. Маттиа не спросил меня, как обычно, хорошо ли я спал, и я, в свою очередь, не задал ему ни одного вопроса. Когда он взглянул на меня, я отвел глаза.

Мы вошли в кухню. Ни отца, ни матери там не оказалось. Дедушка по-прежнему сидел перед огнем в кресле, как будто бы он так и не двигался с вечера. Старшая сестра, которую звали Энни, вытирала стол, а старший из братьев, Ален, подметал комнату. Я подошел, чтобы поздороваться с ними, но они продолжали свою работу и не ответили на мое приветствие. Тогда я подошел к дедушке, но тот, не дав мне приблизиться, снова, как накануне, плюнул в мою сторону, что меня сразу остановило.

– Узнай, в котором часу я увижу сегодня родителей, – попросил я Маттиа.

Маттиа исполнил мою просьбу, и дедушка, услышав английскую речь, смягчился. Его лицо несколько оживилось, и он сообразовал ответить.

– Что он говорит? – спросил я.

– Что твой отец ушел на весь день, а мать спит и что мы можем пойти прогуляться.

– Больше он ничего не сказал? – спросил я, понимая, что перевод Маттиа был не совсем точен. Маттиа смутился:

– Не знаю, хорошо ли я понял остальное.

– Скажи то, что понял.

– Он сказал, что если нам подвернется что-либо подходящее, не следует этого упускать, и затем прибавил: «Запомни мой урок. Надо жить за счет дураков».

По-видимому, дедушка понял, что Маттиа передал мне его слова, потому что он сделал здоровой рукой такой жест, как будто клал себе что-то в карман, и подмигнул.

– Пойдем, – обратился я к Маттиа.

В продолжение двух-трех часов мы гуляли поблизости от Двора Красного Льва, не рискуя уходить далеко из боязни заблудиться. При свете дня Бэнал-Грин показался мне еще отвратительнее, чем накануне. На домах и людях был отпечаток крайней нищеты.

Мы с Маттиа молча осмотрели все, затем повернули обратно и вошли в дом.

Моя мать сидела в комнате, положив голову на стол. Решив, что она нездорова, я подбежал к ней, чтобы ее поцеловать, так как разговаривать с ней не мог. Я обнял ее. Она подняла голову и посмотрела на меня бессмысленным взглядом. От нее сильно пахло можжевелевой водкой. Я невольно попятился. Она снова уронила голову на стол.

– Джин, – сказал дедушка.

Он насмешливо посмотрел на меня и прибавил несколько слов, которых я не понял. Я стоял как вкопанный, ничего не понимая. Через несколько секунд я взглянул на Маттиа. Он тоже глядел на меня глазами, полными слез.

Я сделал ему знак, и мы вышли.

Довольно долго мы шли рядом, держась за руки, не говоря ни слова, не зная, куда идем.

– Куда ты направляешься? – тревожно спросил Маттиа.

Не знаю сам. Куда-нибудь, где мы можем поговорить. Мне столько нужно тебе сказать, а здесь, где так много людей, я не могу.

В это время мы вышли на более широкую улицу, и мне показалось, что я вижу в конце ее какие-то деревья. Мы направились туда. Там оказался огромный парк с большими зелеными лужайками и рошицами молодых деревьев. Лучшее место для нашей беседы трудно было найти.

– Ты знаешь, милый Маттиа, как я тебя люблю, – обратился я к своему товарищу, как только мы уселись в укромном местечке, – и знаешь также, что только из любви к тебе я просил тебя сопровождать меня в Лондон, а потому уверен, что ты не усомнишься в моей дружбе, о чем бы я тебя ни попросил.

– Как ты глуп! – ответил он, пытаясь улыбнуться.

– Ты не смеешься, чтобы я не заплакал, но что за беда – с кем же я могу поплакать, как не с тобой?

И, бросившись в его объятия, я залился слезами. Даже тогда, когда я был совсем одинок, я не чувствовал себя таким несчастным. Наплакавшись вдоволь, я постарался успокоиться. Я привел Маттиа в парк не для того, чтобы жаловаться на свою судьбу. Я думал о нем, а не о себе.

– Маттиа, – сказал я ему, – тебе надо вернуться во Францию.

– Расстаться с тобой? Никогда!

– Я заранее знал, что ты так ответишь. Но нам необходимо расстаться. Уезжай во Францию или Италию – все равно куда, но только не оставайся в Англии.

– А ты? Что же ты будешь делать?

– Я? Я останусь в Лондоне, так как я должен жить со своими родителями. Бери все деньги, какие у нас есть, и уезжай.

- Не говори так, Реми. Если кому из нас нужно уезжать, то именно тебе.
- Почему мне?
- Потому что...
- Он замолчал и отвернулся от моего вопрошающего взгляда.
- Маттиа, ответь мне прямо и откровенно, не боясь огорчить меня: ты не спал сегодня ночью, ты видел? Не поднимая глаз, он произнес глухим голосом:
- Я не спал.
- Что ты видел? – Всё.
- И что ты решил?
- Что это были не купленные, а краденые товары. Твой отец ругал пришедших за то, что они стучали в дверь сарая, а не в дверь дома. На это они ответили, что за ними следил полицейский.
- Ты сам видишь, что тебе необходимо уехать, – продолжал я.
- Если надо уезжать мне, то надо уезжать и тебе. Это одинаково необходимо для нас обоих.
- Слушай меня, пойми и не доставляй мне еще большего горя. Если бы в Париже мы встретили Гарафоли и он взял бы тебя к себе, разве бы ты захотел, чтобы я оставался с тобой? Ты несомненно сказал бы мне то же самое, что я говорю тебе сейчас.
- Маттиа молчал.
- Разве не так, скажи мне?
- Может быть, ты боишься, что я тоже начну срезать ярлычки с краденых товаров?
- Замолчи, Маттиа! Милый мой Маттиа, замолчи! – И я закрыл руками свое покрасневшее от стыда лицо.
- Ну что ж! Если ты боишься за меня, – продолжал Маттиа, – то я также боюсь за тебя и потому говорю: уедем вместе, вернемся во Францию, к матушке Барберен, к Лизе и твоим друзьям.
- Ты можешь уехать, а я нет. Это мои родители, и я обязан остаться с ними.
- Твои родители! Этот старый паралитик – твой дедушка? Эта женщина, валяющаяся на столе, – твоя мать?
- Маттиа, я запрещаю тебе так говорить! Ты ведь говоришь о моей матери и о моем дедушке. Я должен уважать и любить их.
- Да, если они действительно твои родители. Но если они не твои родители и это вовсе не твой дедушка, разве ты и тогда обязан уважать и любить их?
- Но ведь ты слышал рассказ отца?
- Его рассказ ровно ничего не доказывает. Они потеряли ребенка твоего возраста, стали его искать и нашли подходящего по годам. Вот и все.
- Ты забываешь, что их ребенок был подброшен в Париже на той же самой улице и в тот же самый день, когда Барберен нашел меня.
- А почему не могли в один и тот же день подбросить двух детей на одной и той же улице? Разве не мог ошибиться полицейский комиссар, посылая Дрискола в Шаванон? Ведь могло и так случиться!
- Нет, это вздор!
- Возможно, что я говорю и объясняю очень бестолково. Другой на моем месте, наверно, объяснил бы все гораздо лучше и понятнее.
- Нет, не в этом дело.
- Наконец, обрати внимание на то, что ты ничуть не похож ни на отца, ни на мать: у тебя темные волосы, а твои братья и сестры все – обрати внимание, все до одного – блондины. И еще одна странность: откуда такие бедные люди могли взять столько денег на поиски ребенка? Все это заставляет меня думать, что ты не Дрискол. Я прекрасно знаю, что я глуп, мне всегда это говорили, – что подделаешь, раз у меня такая голова! – но ты не Дрискол и не должен оставаться у Дрисколов. Если же, несмотря ни на что, ты решишь с ними жить, я останусь с тобой. Но нам следует сейчас же написать матушке Барберен и просить ее точно

описать те пеленки, в которых ты был найден. Когда мы получим ответ, ты спросишь об этом своего отца, и тогда, может быть, что-нибудь выяснится. До тех пор я никуда не уеду и останусь с тобой. Если придется работать, будем работать вместе.

ГЛАВА XV. КАПИ СТАНОВИТСЯ ВОРОМ

Мы вернулись домой только с наступлением ночи. Весь день мы провели в парке, купив себе на завтрак кусок хлеба.

Отец был дома, а мать уже крепко держалась на ногах.

Ни он, ни она не сделали никаких замечаний по поводу нашей продолжительной отлучки.

– После ужина отец сказал, что ему нужно поговорить с нами обоими, и для этого пригласил нас к очагу, что вызвало недовольное ворчание дедушки, свирепо охранявшего свое место у огня.

– Расскажите мне, как вы зарабатывали деньги во Франции, – попросил меня отец.

Я ответил на заинтересовавший его вопрос.

– Значит, вы никогда не боялись умереть с голоду?

– Никогда. Нам не только хватало на нашу жизнь, но мы смогли даже купить корову, – прибавил Маттиа и рассказал ему о покупке коровы для матушки Барберен.

– Вы, верно очень талантливы. Покажите-ка мне, что вы умеете делать.

Я взял арфу и сыграл одну пьесу, только, конечно, не свою любимую неаполитанскую песенку.

– Хорошо, хорошо, – сказал отец. – А что умеет делать Маттиа?

Маттиа также сыграл одну пьесу на скрипке и другую на корнет-а-пистоне. Последняя вызвала шумные аплодисменты детей, которые слушал и, окружив нас.

– А Капи? – спросил отец. – Что умеет делать Капи? Не думаю, чтобы вы ради собственного удовольствия таскали за собой собаку. Он, вероятно, тоже может прокормить себя?

Я очень гордился талантами Капи и с удовольствием заставил его показать несколько фокусов. Он имел, как обычно, большой успех у детей.

– Умная собака, настоящий клад, – заявил отец. Но Капи, по-видимому, ничуть не возгордился от его похвалы.

– Раз дело обстоит таким образом, – продолжал отец, – то вот что я предлагаю... Но прежде всего Маттиа должен решить, согласен ли он остаться в Англии и хочет ли он жить с нами.

– Я хочу остаться с Реми. – ответил Маттиа. – и последую за ним повсюду.

Отец, конечно, не догадался, что Маттиа подразумевал под этими словами, и остался доволен его ответом.

– Тогда возвращаюсь к своему предложению. Мы небогаты, и нам всем приходится работать. Летом мы разъезжаем по Англии, и дети предлагают мои товары тем, кто ленив и сам не желает ходить за покупками. Зимой у нас обычно почти нет работы. Пока мы живем в Лондоне, Реми и Маттиа могут играть на улицах, и я не сомневаюсь, что они будут иметь хорошую выручку, особенно когда наступят рождественские праздники. Но будет гораздо выгоднее, если Капи станет давать свои представления с Аленом и Недом.

– Капи привык выступать только со мной, – живо возразил я, так как ни за что не хотел расставаться с ним.

– Не беспокойся, он выучится работать с Аленом и Недом, а разделившись таким образом, вы больше выручите.

– Уверяю вас, что без меня он ничего не может, а паши выручки с Маттиа уменьшатся. С Капи мы заработаем гораздо больше.

– Замолчи, – перебил меня отец. – Мои слова – закон для всех. Таково правило нашего дома. Ты должен с этим считаться, как и все прочие.

Я понял, что возражать бесполезно, и замолчал. Но про себя подумал, что и для Капи действительность оказалась не лучше, чем для меня. Нас разлучат! Какое горе для нас обоих!

Мы снова отправились спать в повозку. Но в этот вечер отец нас уже не запирали.

На следующий день пришлось с утра заняться Капи. Я взял его на руки; нежно поглаживая и целуя его в нос, я объяснил ему, что от него требовалось. Бедный песик, как он смотрел на меня и как внимательно слушал! Передавая поводок Капи в руки Алена, я снова прочел ему наставление, но он был настолько умен и послушен, что хотя с грустью, но без сопротивления последовал за моими братьями.

Отец сам захотел проводить нас с Маттиа в такой квартал, где мы могли бы хорошо заработать. Пройдя через весь Лондон, мы очутились в такой части города, где находились широкие улицы и богатые, красивые дома, окруженные садами.

На этих великолепных улицах не видно было голодных бедняков, одетых в лохмотья; здесь гуляли дамы в ярких туалетах, катились блестящие, как зеркало, экипажи, запряженные чудесными лошадьми, которыми управляли толстые кучера с напудренными волосами.

Мы поздно вернулись на Двор Красного Льва, и я обрадовался, увидев Капи, грязного, но веселого. Обтерев его хорошенько сухой соломой и завернув в баранью шкуру, я уложил его спать вместе с собой. Кто из нас двоих был более счастлив, сказать трудно.

Так продолжалось некоторое время. Мы уходили рано утром и возвращались поздно вечером, играя то в одном, то в другом квартале. Капи в это время давал представления под руководством Алена и Неда.

Но однажды вечером отец объявил, что завтра я могу взять Капи с собой, так как Алел и Нед останутся дома.

Мы с Маттиа были очень довольны и решили заработать как можно больше, для того чтобы отныне нам давали Капи постоянно. Нам хотелось отвоевать себе Капи, и ради этого мы готовы были на всевозможные жертвы.

К несчастью, успеху нашего предприятия мешал туман, который не рассеивался в продолжение двух дней. Небо, или то, что в Лондоне называется небом, представляло собой сплошное облако оранжевого пара, а на улицах стоял серый туман, не позволявший ничего различить на расстоянии нескольких шагов. Прохожих было мало, а слушавшие нас из окон не могли видеть Капи. Это были плохие условия для хорошего сбора, и Маттиа проклинал туман, не предполагая того, какую услугу окажет он нам троим несколькими минутами позже.

Мы шли быстро, Капи бежал за нами. По временам я окликал его, что для Капи было равносильно тому, как если бы я вел его на цепочке.

Скоро мы дошли до Холборна, – одной из самых людных торговых улиц Лондона. Вдруг я заметил, что Капи исчез. Куда он девался? Я остановился в одной из аллей и тихо засвистел, боясь, что он издали меня не увидит. Я уже подумал, что его украли, как вдруг Капи подбежал ко мне, виляя хвостом и держа в зубах пару шерстяных чулок. Положив на меня передние лапы, он подал мне чулки. У него был такой торжествующий вид, словно он удачно проделал один из самых трудных своих фокусов и теперь требовал моего одобрения. Все это произошло в течение нескольких секунд, и я стоял в изумлении. Вдруг Маттиа выхватил у меня чулки и потащил в аллею.

– Пойдем быстрее, но бежать не будем.

Через несколько минут он объяснил мне, в чем дело.

– Я тоже был поражен и недоумевал, откуда взялись чулки, как вдруг услышал слова какого-то человека: «Где он, этот вор?» А вор-то – наш Капи, и не будь тумана, нас обоих арестовали бы сейчас за кражу.

Я все прекрасно понял и задыхался от негодования. Они сделали воровом нашего доброго, честного Капи!

– Вернемся домой, – сказал я Маттиа. – Держи Капи на поводке.

Маттиа ничего не ответил, и мы быстро зашагали ко Двору Красного Льва.

Отец, мать и дети сидели за столом и складывали куски материи. Я швырнул чулки на стол, чем вызвал смех Алена и Неда.

– Вот чулки. Их украл Капи, потому что его научили воровать. Думаю, что это сделано ради шутки.

Я весь дрожал, произнося эти слова, но твердо решил высказаться.

– А если это не шутка, – спросил отец, – что ты сделаешь тогда, скажи на милость?

– Привяжу ему веревку на шею и утоплю его в Темзе, хотя я его очень люблю. Я не желаю, чтобы Капи был вором, точно так же и сам не хочу им стать. Если б я знал, что это может произойти, то предпочел бы утопиться с ним вместе.

Отец посмотрел мне прямо в лицо и сделал такое движение, словно хотел меня убить; глаза его горели гневом. Однако я не опустил глаза. Постепенно его искаженное злобой лицо приняло обычное выражение.

– Ты прав, это глупая шутка, – сказал он, – и для того чтобы она больше не повторялась, Капи отныне будет выходить только с тобой.

ГЛАВА XVI. ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ

На все мои старания подружиться Ален и Нед отвечали злобой и ненавистью; чтобы я ни пытался сделать для них, все им не нравилось. Они явно не признавали меня своим братом. После приключения с Капи наши отношения совершенно испортились, так как я дал им понять – не словами, конечно, потому что я не мог свободно объясняться по-английски, но с помощью выразительных жестов, где главную роль играли мои кулаки, – что если они вздумают что-либо сделать с Капи, я сумею его защитить и отомстить за него.

Не пользуясь расположением братьев, я пытался завоевать симпатию сестер. Но Энни выказывала по отношению ко мне такое же недоброжелательство, как и братья. Не проходило дня, чтобы она не устраивала мне какой-нибудь каверзы, и я должен сказать – она была чрезвычайно изобретательна.

Оставалась только маленькая Кэт. Ей было всего три года, и потому она не могла еще действовать заодно со всеми. Она позволяла мне ласкать себя, во-первых, потому, что я заставлял Капи проделывать для нее различные фокусы, а во-вторых, потому, что я приносил ей сладости, которые во время представления дарили нам богатые дети, с важным видом заявляя: «Для собаки». Я с благодарностью принимал их, так как это давало мне возможность сохранять расположение маленькой Кэт.

Итак, изо всей семьи – той семьи, к которой я питал такую нежность в момент своего приезда в Англию, – лишь одна Кэт позволяла мне любить себя. Дедушка продолжал яростно плевать всякий раз, когда я к нему приближался. Отец вспоминал обо мне только вечером, принимая нашу выручку. Мать по большей части была не в себе. Какое горькое разочарование!

Маттиа отлично угадывал мои грустные мысли и то, что их вызывало; тогда он, как бы рассуждая сам с собой, говорил:

– Поскорей бы получить ответ от матушки Барберен!

Мы просили адресовать нам письмо до востребования и потому ежедневно заходили на главный почтамт. И вот наконец мы получили это долгожданное письмо.

Главный почтамт – не очень подходящее место для чтения. Мы вышли на улицу, чтобы успокоиться, и там я вскрыл письмо матушки Барберен, которое было написано по ее просьбе:

«Дорогой Реми!

Ты просишь сообщить, как выглядели пеленки, в которые ты был завернут. Я легко могу это сделать, потому что бережно сохранила все твои вещи, думая, что они пригодятся тебе, в случае если родители будут тебя разыскивать.

Прежде всего должна сказать, что настоящих пеленок у тебя не было. Если я

говорила тебе про пеленки, то просто по привычке, потому что наши дети всегда были запеленаты. Ты же не был запеленат – ты был одет. Вот какие вещи были на тебе: нарядный кружевной чепчик, распашонка из тонкого полотна, обшита кружевцами, фланелевое одеяльце, белые шерстяные чулочки, вязаные белые башмачки с кисточками, длинное платье из белой фланели и, наконец, длинная шубка с капюшоном из белого кашемира, с красивой вышивкой.

Полотняной пеленки у тебя не оказалось, так как ее заменили у полицейского комиссара простой салфеткой. Должна прибавить, что ни одна из этих вещей не была помечена. Впрочем, фланелевое одеяльце и распашонка имели, по-видимому, метки, но те углы, где обычно ставится метка, были отрезаны – очевидно, для того, чтобы затруднить поиски. Вот и все, дорогой Реми, что я могу тебе сообщить. Если ты думаешь, что эти вещи могут тебе понадобиться, напиши, я их тебе вышлю.

С удовольствием сообщаю тебе, что корова наша вполне здорова. Она по-прежнему дает много молока, и благодаря ей я живу, ни в чем не нуждаясь. Когда я смотрю на нее, то всегда вспоминаю тебя и твоего доброго товарища, маленького Маттиа.

Я буду очень рада получить от тебя весточку, и, надеюсь, хорошую. Ты такой ласковый и любящий мальчик, что не можешь не быть счастливым в своей семье. Отец, мать, братья и сестры – все безусловно полюбят тебя так, как ты этого заслуживаешь.

Прощай, мое дорогое дитя, сердечно тебя целую.

Твоя кормилица вдова Барберен».

«Милая матушка Барберен, – с грустью подумал я, – как она добра ко мне! Она любит меня, ей кажется, что все на свете должны любить меня так же, как она».

– Что за славная женщина, – сказал Маттиа, – она и про меня вспомнила! Но если б она даже забыла обо мне, я все же очень благодарен ей за письмо. Здесь все так подробно описано, что господину Дрисколу не следует ошибаться, перечисляя вещи, бывшие на тебе в тот день.

– Он мог позабыть их.

– Нельзя забыть, во что был одет пропавший ребенок, раз по этой одежде надеешься его найти.

Мне очень трудно было спросить у отца, как я был одет в тот день, когда меня украли. Если бы я задавал вопрос без всякого умысла, все было бы просто, но тайный мой замысел как раз и делал меня застенчивым и робким.

Но вот однажды, когда холодный дождь заставил нас вернуться домой раньше обыкновенного, я набрался храбрости и завел разговор о предмете, вызывавшем во мне такую мучительную тревогу.

При первых словах отец пристально посмотрел мне прямо в лицо, как он это делал обычно, когда его задевало то, что я ему говорил. Однако я выдержал его взгляд лучше, чем предполагал. Он быстро подавил свой гнев и улыбнулся. Правда, в этой улыбке было что-то жестокое, но все же он улыбался.

– В моих розысках мне лучше всего помогло то, что я мог точно описать одежду, в какую ты был одет, – произнес он. – Кружевной чепчик, полотняная распашонка с кружевами, одеяльце и платье из фланели, шерстяные чулки, вязаные башмачки, шубка с капюшоном из белого кашемира, с вышивкой. Я очень рассчитывал на метку «Ф. Д.», то есть Фрэнсис Дрискол. Но метки были предусмотрительно отрезаны той, которая тебя украла; она считала, что это помешает тебя найти. Пришлось предъявить твое свидетельство о крещении, его мне вернули, оно у меня здесь.

И он с необычайной любезностью начал рыться в ящике, а затем подал мне бумагу с печатями. – Если вы разрешите, пусть Маттиа мне ее переведет.

– Охотно разрешаю.

Из перевода, который кое-как сделал Маттиа, я узнал, что родился в четверг 2 августа и был сыном Патрика Дрискола и его жены Маргарет Грэнж.

Каких еще доказательств можно было требовать!

Тем не менее Маттиа, по-видимому, этим не удовлетворился. Вечером, когда мы ушли в нашу повозку, он снова приник к моему уху, как он это делал всегда, когда ему нужно было сообщить мне что-нибудь по секрету, и прошептал:

– Хочешь, я тебе скажу одну вещь, которая не выходит у меня из головы? Ты не ребенок господина Дрискола – ты ребенок, украденный им.

Я хотел возразить, но Маттиа уже взобрался на свою койку. Если б я был на месте Маттиа, я бы так же фантазировал, как он, но я не мог себе этого позволить, поскольку дело касалось моего отца.

Что может быть ужаснее сомнений! А я сомневался во всем, хотя и не хотел сомневаться. Был ли этот человек моим отцом? Была ли эта женщина моей матерью? И вся эта семья – моей семьей?

Мог ли я предполагать, что когда-нибудь буду горько плакать оттого, что у меня есть семья!

Как узнать правду? Я был не в состоянии разрешить мучившие меня вопросы.

На сердце было бесконечно тяжело, а между тем приходилось петь, играть веселые танцы, смеяться и паясничать. Лучшими днями для меня были воскресенья, потому что по воскресеньям музыка на улицах Лондона запрещалась и я мог спокойно предаваться печальным мыслям, гуляя с Маттиа и Капи.

Я мало походил теперь на того мальчика, каким был еще несколько месяцев назад.

В одно из воскресений, когда я собрался уходить с Маттиа, отец остановил меня, сказав, что я ему понадоблюсь, и отправил Маттиа гулять одного. Дедушка мой находился в своей комнате, мать ушла куда-то с Энни и Кэт, а братья бегали по улице. Дома оставались только отец и я. Около часу мы были одни, а затем в дверь постучали. Отец пошел открывать и вернулся в сопровождении мужчины, который совсем не походил на его обычных посетителей. Это был хорошо одетый господин с надменным и скучающим выражением лица; на вид ему было лет пятьдесят. Больше всего меня поразила его улыбка: движением губ он обнажал все зубы, белые и острые, как зубы молодой собаки, и трудно было понять, хочет ли он улыбнуться или укусить.

Разговаривая по-английски с отцом, он поминутно смотрел в мою сторону. Но когда встречался со мной глазами, тотчас же отворачивался.

Поговорив несколько минут, он перешел с английского на французский, на котором объяснялся свободно и почти без акцента.

– Это тот самый мальчик, о котором вы мне рассказывали? – спросил он отца, указывая на меня пальцем. – Он кажется здоровым и крепким.

– Отвечай же, – обратился ко мне отец.

– Ты вполне здоров? – спросил меня господин.

– Да.

– И никогда не хворал?

– У меня было воспаление легких.

– Так! Как же это случилось?

– Я провел ночь на снегу в большой мороз. Мой хозяин замерз, а я заболел воспалением легких.

– И давно это произошло?

– Года три назад.

– И не было никаких осложнений после болезни?

– Нет.

– Ты не чувствуешь порой утомления, слабости, не потеешь по ночам?

– Никогда.

Он встал и подошел ко мне. Затем пощупал мой пульс, положил ладонь мне на сердце, прижал свою голову к моей спине и груди, попросив меня глубоко дышать, потом заставил меня кашлять.

Проделав все это, он долго и внимательно смотрел мне в лицо, и, глядя на него, я решил, что он, вероятно, любит кусаться, так отвратительна была его улыбка.

Ничего не сказав мне, он снова заговорил по-английски с отцом, и через несколько минут они оба вышли из комнаты, но не на улицу, а в сарай.

Оставшись один, я с негодованием спрашивал себя, что означали расспросы этого господина. Хочет ли он взять меня к себе в услужение? Но тогда мне придется расстаться с Маттиа и Капи.

Через несколько минут отец вернулся. Он сказал, что ему надо уходить, а потому я могу идти гулять.

У меня не было ни малейшего желания идти гулять. Но что делать одному в этом тоскливом доме? Уж лучше погулять, чем оставаться здесь и скучать.

Так как на улице шел дождь, я пошел к повозке за бараньей шкурой. Каково же было мое удивление, когда я увидел там Маттиа! Я хотел заговорить с ним, но он зажал мне рукой рот и тихо сказал:

– Пойди открой дверь сарая. Я тихонько выйду за тобой. Не надо, чтобы кто-нибудь знал о том, что я сидел в повозке.

И только когда мы очутились на улице, Маттиа решился заговорить. – Знаешь ли ты, что за господин был сейчас у твоего отца? – спросил он. Это Джеймс Миллиган, дядя твоего друга Артура.

Я остановился как вкопанный посреди улицы. Маттиа взял меня за руку и повел, продолжая рассказывать:

– Так как мне было скучно гулять одному по этим пустынным улицам, я решил вернуться домой и поспать. Я лег, но не заснул. Твой отец вместе с господином вошли в сарай, и я невольно подслушал их разговор. «Крепок, как скала, сказал господин. – Другой на его месте несомненно бы умер, а он отделался воспалением легких!» Предполагая, что речь идет о тебе, я стал прислушиваться, но разговор внезапно перешел на другое. «А как здоровье вашего племянника?» спросил отец. «Лучше, он и на этот раз выкарабкался. Три месяца назад врачи опять приговорили его к смерти, однако „милая мамочка“ снова выходила и спасла его. Да, госпожа Миллиган превосходная мать!» Ты представляешь себе, как при этом имени я наострил уши! «Если вашему племяннику лучше, – продолжал твой отец, – все ваши хлопоты напрасны». – «В настоящий момент может быть, ответил господин, – но я не допускаю мысли, что Артур останется жив. Это было бы чудом, а чудес на свете не бывает. Необходимо, чтобы в день его смерти не оказалось никаких новых неожиданных препятствий, и тогда я, Джеймс Миллиган, явился бы единственным наследником». – «Будьте покойны, – ответил твой отец, так оно и будет, ручаюсь вам». – «Я твердо рассчитываю на вас», – сказал господин и прибавил еще несколько слов, которые я не очень хорошо понял. Перевожу их приблизительно, хотя они и кажутся мне бессмысленными: «Тогда мы увидим, как нам с ним поступить». После этого он ушел.

Когда я услышал этот рассказ, мне в первый момент захотелось пойти к отцу и спросить у него адрес Джеймса Миллигана, чтобы узнать новости об Артуре и его матери. Но я тотчас же понял, как это глупо. Разве можно спрашивать о здоровье племянника у человека, который с нетерпением ожидает смерти этого племянника! К тому же господин Миллиган не должен был знать, что его разговор с Дрисколом кем-то услышан. Артур был жив, он выздоравливал. Пока мне было достаточно этой радостной новости.

ГЛАВА XVII. ПРАЗДНИКИ

Теперь мы с Маттиа говорили только об Артуре, госпоже Миллиган и Джеймсе Миллигане. Где в настоящее время находились Артур и его мать? Где их искать? После посещения Джеймса Миллигана мы составили план действий, который казался нам легко выполнимым. Если Джеймс Миллиган один раз уже приходил во Двор Красного Льва, то было вероятно, что он придет сюда и во второй раз. По-видимому, у него были какие-то дела

с моим отцом. Джеймс Миллиган не видел Маттиа, поэтому Маттиа мог пойти за ним вслед и узнать, где он живет. Тогда мы попытаемся расспросить его слуг и таким путем, возможно, доберемся и до Артура.

Почему нет? В мечтах нам все это казалось вполне осуществимым.

Этот прекрасный план был хорош тем, что давал возможность отыскать Артура и временно избавлял меня от необходимости принять то или иное решение.

После приключения с Капи и письма матушки Барберен Маттиа не переставал твердить на все лады: «Вернемся во Францию». Но я постоянно отвечал ему одно и то же: «Я не имею права покинуть свою семью. Я должен остаться». Теперь к этой постоянной фразе: «Я должен остаться» – я стал прибавлять слова: «чтобы найти Артура», и Маттиа ничего не мог возразить. Конечно, мы были обязаны предупредить госпожу Миллиган о тайных замыслах брата ее умершего мужа.

Наступило такое время, когда мы стали выходить на заработки по ночам, потому что рождественские концерты происходят обычно ночью. Мы надеялись, что днем кому-нибудь из нас удастся подкараулить дядюшку Артура. – Как мне хочется, чтобы ты снова встретился с госпожой Миллиган! – заявил однажды Маттиа.

– А почему?

Он довольно долго колебался, прежде чем ответить:

– Потому что она была так добра к тебе. – И прибавил: – Кроме того, она, вероятно, поможет тебе отыскать твоих родителей.

– Маттиа!

– Я не могу представить себе ни на одно мгновение, что ты принадлежишь к семье Дрискол. Посмотри на всех членов этой семьи и посмотри на себя. Я говорю сейчас не только о внешнем сходстве. Ты совсем другой, не похож ни на кого из Дрисколов и, конечно, не принадлежишь к их семейству. Это выяснится, когда мы разыщем госпожу Миллиган.

– Каким образом?

– Да так, есть у меня одна мысль.

– Какая же?

– Не скажу.

– Почему?

– Потому что, если это глупость...

– Ну так что ж?

– Было бы слишком обидно, если бы это оказалось неверным. Не следует мечтать о радостях, которые никогда не сбудутся. Ты помнишь, каким мы представляли себе Бэснал-Грин и как вместо красивых зеленых лугов очутились перед грязными лужами! Этот урок должен нас кое-чему научить.

А пока мы продолжали наше хождение по Лондону. Мы не принадлежали к тем привилегированным музыкантам, которые имеют свой избранный квартал и своих собственных слушателей. Мы были слишком малы и неопытны, и нам приходилось уступать тем, кто умел отстаивать свои права силой. Сколько раз после нашего выступления, вместо того чтобы начать сбор, нам приходилось удирать со всех ног от какого-нибудь шотландца в плиссированной юбочке, с пледом и в шляпе с перьями, который одним звуком своей волынки обращал нас в бегство! Маттиа мог перекрыть корнет-а-пистоном любую волынку, но у нас не было сил состязаться с ее хозяином. Мы не могли также конкурировать и с труппой уличных музыкантов-негров. Эти люди, загримированные под негров причудливо разодетые во фраки с длинными фалдами и в огромных воротниках, откуда их головы торчали, как букет цветов из бумажной обертки, наводили на нас еще больший страх, чем шотландские певцы. Как только они появлялись на улице и раздавался звук их инструментов, мы почтительно умолкали и уходили куда-нибудь подальше или терпеливо дожидались окончания их концерта.

Однажды, когда мы стояли и слушали их игру, один из негров, наиболее причудливо одетый, стал делать какие-то знаки Маттиа. Я сначала подумал, что он насмехается над нами,

но, к моему великому удивлению, Маттиа ответил ему дружеским приветствием.

– Разве ты его знаешь? – спросил я.

– Это Боб.

– Какой Боб?

– Мой друг Боб, из цирка Гассо. Помнишь, я тебе рассказывал о двух клоунах? Это один из них, тот самый, которому я обязан тем, что немного говорю по-английски. Черт возьми, я его совсем не узнал! У Гассо он посыпал голову мукой, а здесь мажет ее ваксой.

Когда негры окончили свой концерт, Боб подошел к нам. По тому, как он обратился к Маттиа, я понял, что он очень любил моего товарища. Старый клоун стал бродячим музыкантом, потому что лишился работы в цирке. Он обрадовался Маттиа, как родному брату; это было видно по выражению его глаз. Но нам пришлось быстро расстаться: ему надо было уходить со своей труппой, а нам отправляться в другой квартал.

Было решено встретиться в воскресенье, чтобы рассказать друг другу все, что делал каждый из них с тех пор, как они расстались. Из дружбы к Маттиа Боб выказал мне тоже много расположения, и мы скоро приобрели в нем друга, благодаря опыту и советам которого наша жизнь в Лондоне сделалась намного легче. Боб очень полюбил Капи и часто с завистью говорил, что будь у него такая собака, он нажил бы с ней состояние. Не раз предлагал он нам троим вернее, четверым – объединиться и работать вместе.

Так обстояли дела, когда подошли рождественские праздники.

Теперь вместо того, чтобы уходить из дому с утра, мы отправлялись в намеченные нами кварталы между восемью и девятью вечера.

Мы начинали обычно с тех улиц, где движение экипажей уже прекратилось. Ведь для того чтобы наша игра была услышана через закрытые двери и разбудила детей в их кроватках, необходима была полнейшая тишина. Позднее мы переходили на центральные улицы. Проезжали последние экипажи, развозившие людей из театров, и ночная тишина сменяла оглушительный дневной шум. Тогда мы начинали играть свои самые любимые, самые трогательные песни. Окончив наше выступление, мы желали слушателям доброй ночи и веселого рождества, потом шли дальше и начинали играть снова.

Должно быть, очень приятно слушать музыку, лежа ночью в своей кровати, завернувшись в теплое одеяло. А нам надо было играть на улице, несмотря на то, что пальцы коченели от холода. Стояла туманная, сырая погода, порой северный ветер пронизывал нас до самых костей.

Время рождественских праздников было для нас очень тяжелым, однако мы не пропустили ни одной ночи. Мы знали, что детям богачей на рождество устраивают нарядные елки, дарят им богатые подарки и лакомства, а мы, жалкие бедняки, вынуждены были бродить по улицам и только в своем воображении представлять эти чудесные семейные празднества.

После праздников мы снова начали уходить на весь день, и возможность встретиться с Джеймсом Миллиганом стала маловероятной. Вся надежда была на воскресенье, поэтому по воскресеньям мы часто оставались дома, вместо того, чтобы идти гулять.

Мы терпеливо ждали.

Не объясняя, зачем ему это было нужно, Маттиа решил посоветоваться со своим другом Бобом, как узнать адрес госпожи Миллиган или адрес Джеймса Миллигана. На это Боб ответил, что надо знать, кто эта дама, а также чем занимается Джеймс Миллиган, так как фамилия Миллиган очень распространена не только в Лондоне, но и во всей Англии. Об этом мы не подумали. Для нас существовала только одна госпожа Миллиган – мать Артура, и один Джеймс Миллиган – его дядя.

Тогда Маттиа снова стал настаивать на возвращении во Францию, и наши споры возобновились.

– Значит, ты хочешь отказаться от намерения предупредить госпожу Миллиган? – говорил я ему.

– Конечно, нет, но ведь неизвестно, находится ли госпожа Миллиган в Англии.

– А почему ты думаешь, что она во Франции?
– Это всего вероятнее. Раз Артур снова был болен, мать, конечно, отвезла его в такую страну, где климат лучше.

– Не в одной только Франции хороший климат.

– Артур однажды уже поправился во Франции, и мать, несомненно, увезла его туда. Кроме того, я хочу, чтобы ты уехал отсюда. Иначе, вот посмотришь, с нами случится какая-нибудь беда. Уедем, пока не поздно!

Но хотя отношение ко мне всех членов семейства Дрискол несколько не изменилось, я все же не решился последовать совету Маттиа. Я мог сомневаться и сомневался, но твердой уверенности в том, что я не принадлежу к семейству Дрискол, у меня не было.

ГЛАВА XVIII. ТОРГОВЦЫ КРАДЕНЫМИ ВЕЩАМИ

Дни проходили за днями, недели за неделями, и наконец наступило время, когда наша семья должна была выехать из Лондона и начать разъезжать по Англии.

Повозки были заново выкрашены и нагружены теми товарами, какими собирались торговать летом. Чего-чего там только не было, и удивительно, как все эти вещи поместились в двух повозках. Из окна повозки я и Маттиа наблюдали, как выгружались из люка многочисленные тюки, попавшие во Двор Красного Льва столь необычным способом. Наконец товары были уложены, лошади куплены, где и как неизвестно, но они прибыли, и все было готово к отъезду.

Отец, считая, что мы с Маттиа неплохо зарабатываем игрой на скрипке и арфе, решил взять нас с собой в качестве музыкантов. О своем решении он объявил нам только накануне отъезда.

– Вернемся во Францию! – сказал Маттиа. – Воспользуемся первым подходящим случаем и сбежим!

– Почему нам не поехать по Англии? Быть может, мы встретимся с госпожой Миллиган.

– Потому что с нами непременно случится беда!

Снова мы едем по большим дорогам. Но теперь я не могу свободно идти, куда хочу, и делать, что мне вздумается: мы связаны с семьей Дрискол.

С чувством большого облегчения покидал я Лондон. Я не увижу больше Двор Красного Льва и этот люк, который невольно притягивал мои взгляды. Сколько раз ночью я внезапно просыпался от кошмара – мне чудился красный свет потайного фонаря, проникающий к нам через маленькое окошко повозки.

Мы шли пешком вслед за повозками и вместо зловонных запахов и нездоровых испарений Бэснал-Грина вдыхали теперь чистый воздух полей. Красивые окрестности, по которым мы проезжали, хотя и не назывались «зелеными», доставляли нам большое удовольствие своей свежей зеленью и веселым щебетанием птиц.

Уже в первый день нашей посадки я увидел, как производилась продажа так дешево приобретенных вещей. Мы приехали в большое село и остановились на площади. Одну из стенок повозки опустили и устроили нечто вроде прилавка, куда выставили на показ любопытным покупателям все товары.

– Обратите внимание на цены! Какие низкие цены! – кричал отец. – Более дешевых вы нигде не найдете. Так как я сам никогда не плачу за товары, то и могу продавать их дешево. Я не продаю, а отдаю задаром! Обратите внимание на цены! Смотрите, какие цены!

И я слышал, как люди, отходя, говорили:

– Товары, должно быть, краденые.

– Да он и сам этого не скрывает.

Если бы покупатели взглянули на меня, то по моему красному от стыда лицу поняли бы, что их предположения правильны.

Люди не видели, как я покраснел, зато Маттиа прекрасно это заметил и вечером

заговорил со мной, хотя обычно избегал откровенных разговоров об этом предмете.

– Как можешь ты переносить такой позор? – спросил он меня.

– Молчи, пожалуйста, если не хочешь сделать меня еще более несчастным.

– Я вовсе не хочу этого. Я хочу, чтобы мы вернулись во Францию. Еще раз говорю тебе, с нами случится беда. Чувствую, что это произойдет очень скоро. Пойми же, полиция рано или поздно должна заинтересоваться, почему господин Дрискол продает свои товары по такой низкой цене...

– Маттиа, умоляю тебя!..

– Нет, я должен открыть тебе глаза. Тогда всех нас арестуют, тебя и меня также, хотя мы с тобой ни в чем не виноваты. Но нам трудно будет это доказать. Разве мы не едим хлеб, купленный на деньги от продажи краденых товаров? Нас всех посадят в тюрьму, и ты не только не сможешь найти свою настоящую семью, но не сможешь также сообщить госпоже Миллиган о преступных замыслах Джеймса Миллигана. Удерем, пока не поздно!

Никогда еще слова, уговоры и просьбы Маттиа так сильно не волновали меня. Размышляя о них, я говорил себе, что нельзя дольше колебаться, что необходимо наконец принять какое-то определенное и твердое решение. Неожиданные обстоятельства сделали то, что я сам не решился сделать. Через несколько недель после нашего отъезда из Лондона мы приехали в город, в окрестностях которого должны были происходить скачки. В Англии скачки – большой народный праздник. Уже за несколько дней до начала к месту скачек со всех концов страны съезжаются уличные гимнасты, цыгане, странствующие торговцы, устраивающие здесь нечто вроде ярмарки. Мы тоже спешили принять участие в ярмарке: Маттиа и я как музыканты, а семья Дрискол как торговцы. Но вместо того чтобы прибыть на поле, где должны были проходить скачки, отец остановился в самом городе, надеясь, вероятно, более выгодно распродать товары. Так как мы приехали рано и не принимали участия в устройстве выставки товаров, то я и Маттиа пошли посмотреть на скаковое поле, которое было расположено довольно близко от города.

Мы вышли в степь, в обычное время безлюдную и пустынную, а теперь сплошь застроенную наспех сколоченными бараками, где разместились различные кабачки, лавки и даже гостиницы. Повсюду виднелись палатки, стояли повозки и горели костры, вокруг которых толпились люди в живописных одеяниях.

У одного из таких костров, над которым висел котелок, мы увидели нашего друга Боба. Он очень нам обрадовался. Боб приехал на скачки с двумя товарищами-акробатами и намеревался дать здесь несколько представлений. Но их подвели музыканты, они почему-то не явились; теперь Боб боялся, что их выручка сильно уменьшится. Боб предложил нам заменить отсутствующих музыкантов, обещая поделить заработанные деньги поровну между всеми участниками и даже выделить одну долю на Капи. Я понял, что Маттиа очень хочется выручить Боба, а так как мы вольны были делать все, что нам заблагорассудится, при одном лишь условии приносить деньги домой, то я с удовольствием согласился. Было решено, что завтра с утра мы явимся в распоряжение Боба и его друзей.

Но когда мы вернулись в город и я рассказал отцу о нашем намерении, тот неожиданно возразил.

– Капи завтра понадобится мне самому – вам придется идти без него.

Эти слова очень обеспокоили меня: не хочет ли он взять Капи на какое-нибудь гнусное дело? Но отец тотчас же рассеял мои опасения.

– У Капи гонкий слух, – сказал он, – и он прекрасный сторож. Его надо оставить при повозках, так как в этой суতোлке нас легко могут обокрасть. Идите к Бобу, а если задержитесь до поздней ночи, то найдете нас в «Харчевне большого дуба».

«Харчевня большого дуба», где мы провели предыдущую ночь, была расположена на расстоянии одного километра от скачек, в пустынной и мрачной местности. Хозяевами ее были муж и жена, наружность которых отнюдь не внушала доверия. Найти эту харчевню даже ночью было нетрудно – туда вела прямая дорога.

На следующее утро я сам погулял с Капи, накормил и напоил его, чтобы быть

уверенным, что он не останется весь день голодным; потом привязал его к повозке, которую он должен был стеречь.

Затем мы с Маттиа отправились на скаковое поле и тотчас же принялись играть. Мы играли до самого вечера. Кончики пальцев у меня так сильно болели, словно были исколоты шипами, а Маттиа так много дул в свой корнет-а-пистон, что с трудом дышал. Боб и его товарищи без усталости показывали нам свои фокусы, и мы не имели права от них отставать. Я надеялся, что с наступлением вечера мы отдохнем, но вместо этого мы перешли из палатки в большой, наспех сколоченный из досок кабачок, где выступления возобновились. Так продолжалось до полуночи. Я еще извлекал какие-то звуки из своей арфы, но уже плохо соображал, что играю. Маттиа был не в лучшем состоянии. Двадцать раз Боб объявлял, что это последнее представление, и двадцать раз все начиналось снова.

Наши товарищи устали еще больше, чем мы. Некоторые из номеров начали у них срываться. И вдруг большой шест, который служил им для упражнений, упал на ногу Маттиа. Боль была настолько сильная, что Маттиа закричал. К счастью, повреждение оказалось несерьезным. Нога была ушиблена, кожа на ней содрана, но кость была цела. Тем не менее идти Маттиа не мог.

Как тут быть?

Мы решили, что он останется ночевать в повозке Боба, а я один пойду в «Харчевню большого дуба». Мне необходимо было узнать, куда направится завтра семья Дрискол.

Несмотря на усталость, я шел быстро и довольно скоро пришел в «Харчевню большого дуба». Но напрасно искал я наши повозки. Около харчевни стояли какие-то жалкие двуколки с холщовым верхом, большой барак из досок и две крытые фуры, откуда при моем приближении раздавалось рычанье хищных зверей, но повозок семьи Дрискол нигде не было видно. Повертевшись вокруг харчевни, я заметил свет в одном из окон и, предполагая, что там еще не все спят, постучался. Хозяин, отталкивающее лицо которого я заметил еще накануне, отворил дверь и направил фонарь прямо на меня.

Я видел, что он узнал меня. Но вместо того чтобы впустить меня в дом, он спрятал фонарь за спину, огляделся вокруг и прислушался.

– Ваши повозки уехали, – зашептал он. – Отец велел вам догонять его в Луисе, не теряя времени. Счастливого пути!

И, не прибавив больше ни слова, он захлопнул дверь перед самым моим носом.

Я уже настолько знал английский язык, что мог понять эту фразу. Но одного, и самого главного, я не понял. «Луис» – сказал хозяин харчевни, а что это: город или местечко? И где он находится? Да если бы я и знал, где находится Луис, я все равно не мог сейчас идти туда, так как мне пришлось бы тогда бросить больного Маттиа. Невзирая на переутомление, я пустился в обратный путь и через полтора часа лежал уже в повозке Боба, рядом с Маттиа.

Рассказав ему в нескольких словах о том, что произошло, я немедленно заснул. Сон восстановил мои силы. Утром я проснулся, готовый идти в Луис, если только Маттиа сможет сопровождать меня.

Выйдя из повозки, я подошел к Бобу, который встал раньше меня и теперь разводил костер. Я смотрел, как он, стоя на четвереньках, изо всех сил дул на огонь. Вдруг мне показалось, что я вижу Капи. Но моего Капи почему-то вел на поводке полицейский.

Пока я задавал себе вопрос, что бы это значило, Капи, почуяв меня, сильно рванулся и вырвался из рук полицейского. Мгновенно он очутился возле меня. Полицейский подошел к нам.

– Это ваша собака? – спросил он.

– Моя.

– Тогда я должен вас арестовать. – И он крепко схватил меня за руку.

Увидев это, Боб поспешил к нам.

– Почему вы хотите арестовать этого мальчика?

– А вы что, его брат?

– Нет, я его друг. – Сегодня ночью мужчина и мальчик с помощью приставной

лестницы проникли в церковь святого Георгия. С ними была эта собака, которую они посадили их караулить. Но вора помешали. Они были захвачены врасплох и удрали через окно, оставив собаку в церкви. Я был уверен, что собака поможет мне найти жуликов, и вот теперь уже поймал одного. А где твой отец? Я ничего не ответил: я был убит.

Однако я прекрасно понял, что произошло: Капи был взят у меня не для охраны повозки, а для того, чтобы стеречь и предупредить тех, кто будет обкрадывать церковь. Повозки уехали поздно ночью потому, что кража была обнаружена и пришлось скорее спастись бегством.

Но я должен был теперь позаботиться о себе. Какова бы ни была их вина, надо защищаться и доказать свою непричастность, надо объяснить, что я делал этой ночью.

Пока я размышлял таким образом, Маттиа, услышав шум и наш разговор с полицейским, выскочил из повозки и, хромая, подбежал ко мне.

– Скажи ему, что я не принимал участия в краже, – попросил я Боба. – Ведь я был с вами до часу ночи. Затем пошел в «Харчевню большого дуба», поговорил с ее хозяином и тотчас же вернулся сюда.

Боб перевел мои слова полицейскому, но они его несколько не убедили, скорее наоборот:

– Как раз в четверть второго ночи воры и забрались в церковь. А если мальчик ушел отсюда в час или несколькими минутами раньше, как вы утверждаете, он вполне мог оказаться в церкви в это время.

– Но отсюда до города ходьбы больше четверти часа, – возразил Боб.

– Ну, а если он бежал? – сказал полицейский – И кто мне докажет, что он ушел ровно в час?

– Я могу вам поклясться! – воскликнул Боб.

– Вы? – усмехнулся полицейский. – Сперва следует узнать, чего стоит ваше показание. А пока что я забираю мальчишку, он объяснит все на суде. Маттиа кинулся ко мне. Я подумал, что он хочет поцеловать меня на прощанье.

– Мужайся, – шепнул он мне, – мы тебя не оставим! И только после этих слов он поцеловал меня. – Возьми Капи! – обратился я к Маттиа по-французски.

Но полицейский понял меня:

– Нет-нет, собака останется у меня. Она помогла мне найти одного – поможет найти и других. Меня арестовывали не в первый раз, но теперь я испытывал какой-то особенный мучительный стыд. Тогда меня обвинили в краже своей собственной коровы, и мне нетрудно было доказать несправедливость подобного обвинения. Но в настоящее время я как бы действительно являлся сообщником воров.

Камера, куда меня заперли, несколько не походила на ту деревенскую тюрьму, где я сидел в первый раз. Это была уже настоящая тюрьма. Единственное окно было загорожено толстыми железными прутьями; о побеге нечего было и думать. В камере имелась только скамья для сиденья и койка для сна.

Я упал на эту скамью и долгое время сидел в полном унынии. Как ужасно было мое настоящее и как пугало меня будущее!

«Мужайся, мы тебя не оставим!» – сказал Маттиа. Но что может сделать Маттиа? И даже Боб, если он захочет ему помочь?

Я подошел к окну и раскрыл его, желая попробовать железные прутья, находившиеся снаружи; они были вделаны в камень. Стены камеры были около метра толщиной, пол выложен каменными плитами, а дверь покрыта железом. Окно выходило на узкий и длинный двор, упиравшийся в высокую стену, не менее четырех метров высотой. Из такой тюрьмы нельзя убежать даже с помощью самых преданных друзей.

Пережитые волнения не позволили мне заснуть всю ночь, несмотря на то, что я сильно устал накануне. Я не мог прикоснуться к еде, которую мне принесли, зато накинудся на воду. Каждые четверть часа прикладывался я к кружке и пил из нее большими глотками, но никак не мог утолить жгучую жажду и уменьшить горечь во рту.

Когда ко мне в камеру вошел тюремщик, я очень обрадовался. Меня тревожил вопрос, скоро ли меня поведут на допрос – вернее, скоро ли я смогу оправдаться.

С этим вопросом я и обратился к тюремщику, который показался мне не злым человеком. Он очень охотно ответил мне, что суд назначен на завтра. В свою очередь, он также начал меня расспрашивать.

– Как забрались вы в церковь? – спросил он. Я запротестовал против этого обвинения и заявил ему, что даже не входил в церковь. Он недоверчиво посмотрел на меня и, пожав плечами, сказал с возмущением:

– До чего испорчены мальчишки в Лондоне?

И вышел.

Его слова жестоко поразили меня. Если даже тюремщик не поверил мне, то поверит ли мне судья? К счастью у меня есть свидетели, они будут показывать в мою пользу, и судья обязан их выслушать. Но для этого они должны явиться в суд, а явятся ли они, неизвестно.

Ах, как я был глуп, когда не верил предчувствиям и опасениям Маттиа!

На следующее утро тюремщик вошел в мою камеру и принес мне кувшин с водой и таз. Он предложил мне умыться, сказав, что скоро я должен предстать перед судом, и прибавил, что приличный вид часто бывает лучшим средством защиты.

Тщательно умывшись, я хотел сесть на скамью, но усидеть на одном месте не мог и начал кружить по камере, как зверь в клетке.

Я стал обдумывать, как мне защитить себя и как отвечать судье. Но я был в таком смятении, что не мог заставить себя думать о предстоящем; в моем усталом мозгу проносились всевозможные нелепые мысли. Тюремщик вернулся и приказал мне следовать за ним. Пройдя несколько коридоров, мы очутились перед маленькой дверью, которую он открыл.

Теплый воздух пахнул мне в лицо, я услышал неясный гул.

Перешагнув через порог, я очутился в зале суда. Это была большая, высокая комната с широкими окнами, разделенная на две половины: одна предназначалась для судей, другая для публики.

Судья сидел на высоком возвышении. Ниже перед ним сидело еще трое судейских: это были секретарь суда, сборщик штрафов и прокурор. Прямо передо мной находился человек в мантии и парике, как выяснилось позднее – мой адвокат.

На другом возвышении я увидел Боба, обоих его товарищей, хозяина «Харчевни большого дуба» и других незнакомых мне людей. Напротив них сидел арестовавший меня полицейский и рядом с ним еще несколько человек. Я понял, что все это были свидетели. В толпе я увидел Маттиа. Наши глаза встретились, и я сразу почувствовал прилив мужества. Друзья обо мне позаботились, меня будут защищать. Я не должен унывать: я должен, в свою очередь, защищаться.

Прокурор начал речь; в немногих словах, так как, по-видимому, очень торопился, он изложил суть дела: «Совершена кража в церкви святого Георгия. Воры – мужчина и мальчик – проникли в церковь через окно с помощью приставной лестницы. С ними была собака, которую они привели для того, чтобы она могла предупредить в случае опасности. Запоздавший прохожий – было уже четверть второго – увидел в церкви свет, он прислушался и услышал какой-то шум. Прохожий тотчас же разбудил церковного сторожа, и они вместе с другими людьми пошли к церкви. Пока открывали дверь, воры убежали через окошко, оставив собаку, которая сама не могла выбраться по лестнице. Полицейский Джерри нельзя не похвалить его за сообразительность и усердие – привел собаку на скаковое поле, и там она узнала своего хозяина находящегося сейчас на скамье подсудимых. На след второго вора уже напали».

Высказав далее свои соображения о моей виновности, прокурор замолчал, и какой-то резкий голос закричал: «Тише!»

Тогда судья, даже не повернувшись ко мне, словно он говорил с самим собой, спросил мою фамилию, возраст и профессию.

Я отвечал по-английски, что мое имя Фрэнсис Дрискол и что я живу в Лондоне со своими родителями в Бэснал Грине, Двор Красного Льва. Потом я попросил позволения говорить по-французски, объяснив судье, что я вырос во Франции и в Англии нахожусь всего несколько месяцев.

– Не пытайтесь меня обмануть, – произнес сурово судья, – я знаю французский язык.

Я перешел на французский и стал объяснять, что я ни коим образом не мог быть в церкви в час ночи, потому что в это время находился на скаковом поле, а в половине третьего – в «Харчевне большого дуба».

– А в час с четвертью где вы были? – спросил судья. – В дороге.

– Это как раз и требуется доказать. Вы говорите что находились на дороге к «Харчевне большого дуба», а обвинение держится того мнения, что вы находились в церкви. Если вы ушли со скакового поля на несколько минут раньше часа, вы вполне могли встретиться с вашим сообщником, он мог ждать вас с приставной лестницей около церковной стены, а после кражи побывать в «Харчевне большого дуба».

Я пытался доказать ему, что это невозможно, но видел что судья мне не верит.

– Объясните нам, каким образом ваша собака очутилась в церкви, – спросил меня судья.

– Я и сам не могу этого понять. Собаки со мной не было. Уходя утром, я привязал ее к нашей повозке.

Больше я ничего не прибавил, так как побоялся дать им какие-нибудь улики против отца. Я посмотрел на Маттиа, он сделал мне знак продолжать, но я молчал.

Тогда вызвали сторожа церкви святого Георгия и предложили ему поклясться в том, что он будет говорить правду. Это был толстяк небольшого роста, с очень величественным видом, несмотря на свое красное лицо и сизый нос.

Он начал подробно рассказывать, как он был возмущен и встревожен, когда его внезапно разбудили и сказали, что в церковь залезли воры; как он стал поспешно одеваться и даже оторвал от жилетки две пуговицы, как прибежал в церковь, открыл дверь и увидел... кого? – собаку!

Мой адвокат, молчавший до сего времени, вдруг поднялся, тряхнул париком, поправил мантию на плечах и попросил слова.

– Кто вчера вечером запирали дверь церкви? – спросил он.

– Я, – ответил сторож. – Это моя обязанность.

– Очень хорошо. А вы можете поклясться в том, что не заперли сами в церкви эту собаку, о которой идет речь?

– Если бы собака была в церкви, я бы ее заметил. – У вас хорошее зрение?

– Зрение нормальное.

– А не вы ли шесть месяцев назад уткнулись носом в телячью тушу, повешенную перед лавкой мясника?

– Не вижу смысла задавать подобные вопросы такому человеку, как я! – закричал сторож, позеленев от злости.

– Будьте любезны ответить на этот вопрос, допустив, что он имеет какой-то смысл.

– Действительно, я налетел на тушу, которую ни с того ни с сего выставили перед витриной мясника.

– Значит, вы ее не заметили. – Я о чем-то задумался. – Вы запирали церковь после того, как пообедали?

– Конечно.

– А на телячью тушу вы наскочили тоже после обеда?

– Но...

– Вы хотите сказать, что в тот день вы не обедали?

– Нет, я обедал. – А за обедом какое пиво вы пьете: слабое или крепкое?

– Крепкое.

– А сколько бутылок?

- Две.
- А больше двух никогда не пьете?
- Иногда выпиваю три.
- А случается, что вы пьете по четыре или по шесть бутылок?
- Очень редко.
- А после обеда вы пьете грог?¹⁸
- Иногда пью.
- Вы любите крепкий грог или слабый?
- Не слишком слабый.
- А сколько стаканов вы выпиваете?
- Смотря по обстоятельствам.
- Можете ли вы поклясться в том, что не выпиваете иногда по три или даже по четыре стакана?

Сторож побагровел от злости и ничего не ответил, а адвокат сел и, садясь, сказал:

– Допрос этого свидетеля показал нам, что собака могла быть заперта в церкви им самим. Он после обеда бывает порою так задумчив, что не замечает даже телячьих туш. Вот все, что я хотел выяснить.

Если бы я мог, я бы расцеловал моего адвоката. Действительно, почему Капи не мог быть случайно заперт в церкви? А если сторож сам его запер – значит, не я его туда привел и, следовательно, не я виноват. Единственная улика против меня отпала.

После сторожа давали показания люди, пришедшие с ним в церковь. Но они ничего ровно не видели, кроме открытого окна, через которое убежали воры.

Потом выступали свидетели с моей стороны: Боб, его товарищи, хозяин харчевни. Все они показывали, где я находился в тот вечер и в какое время. Но один пункт, притом самый важный: в котором часу я ушел со скакового поля – так и остался невыясненным.

По окончании допроса судья спросил меня, не хочу ли я еще что-нибудь добавить, предупредив, что я могу и не говорить, если не нахожу нужным.

Я ответил, что я невиновен и всецело полагаюсь на правосудие.

Судья прочел вслух протокол показаний, а затем объявил, что меня должны перевести в другую тюрьму. Там я буду ждать решения, следует ли передать мое дело в суд присяжных.

Суд присяжных!

Я упал на скамью. Почему я не слушался Маттиа!

ГЛАВА XIX. БОБ

Только вернувшись к себе в камеру, я после долгих размышлений нашел причину, почему меня не оправдали. Судья хотел дождаться ареста тех, кто был в церкви, и таким образом выяснить, был ли я их сообщником. Как сказал прокурор, «на их след напали», и, очевидно, мне предстояло оказаться в ближайшее время вместе с ними на скамье подсудимых.

Незадолго до наступления ночи я услышал звук корнет-а-пистона и узнал игру Маттиа. Мой друг, вероятно, хотел этим сказать, что он думает обо мне и тоже не спит. Звуки раздавались за стеной, находившейся перед моим окном. По-видимому, Маттиа стоял на улице, за стеной, и нас разделяло небольшое расстояние, всего несколько метров. К сожалению, глазами нельзя пробить камни, но если взгляд не проникает сквозь стены, то звук проникает через них. К звукам корнета присоединился шум шагов, неясный гул голосов, и я решил, что Маттиа и Боб дают представление.

Почему они выбрали такое место? Неужели они рас считывали сделать здесь хороший сбор? Или они хотели меня о чем-то предупредить?

¹⁸ Грог – алкогольный напиток, смесь из кипятка с ромом или с коньяком и с сахаром.

Вдруг я услышал голос Маттиа. Он отчетливо крикнул по-французски: «Завтра, на рассвете!» И тотчас же с новой силой зазвучал корнет.

Я сразу догадался, что не к английским зрителям, а ко мне обращался Маттиа со словами: «Завтра, на рассвете!», но понять, что означали его слова, было довольно трудно.

У меня снова возникло множество вопросов, на которые я не находил ответа. Только одно было совершенно ясно и определено: завтра утром я должен проснуться до рассвета и чего-то ждать, а до тех пор набраться терпения. Как только стемнело, я улегся на койку, решив поскорее уснуть, но не мог. Я слышал, как часы неоднократно били на башне.

Когда я проснулся, было еще совсем темно; звезды мерцали на небе, ничто не нарушало тишины. До рассвета, по-видимому, было еще далеко. Вскоре на башенных часах пробило три. Я проснулся слишком рано, но снова лечь побоялся; к тому же я был уверен, что при всем желании не смогу заснуть.

Прислонившись к стене, я не сводил глаз с окна. Наконец звезда, на которую я смотрел, стала тускнеть, и небо слегка посветлело. Начинался день. Вдали запели петухи.

Я встал и на цыпочках подошел к окну. Открыть его без шума оказалось нелегко, однако очень медленно и осторожно я все же открыл его. Но оставались еще железные прутья, толстые стены и обитая железом дверь. Надеяться на освобождение при таких условиях казалось безумием, и все-таки я надеялся.

Звезды становились все бледнее и бледнее. Я дрожал от утреннего холода, но не отходил от окна, смотрел и прислушивался, не зная сам, что мне предстоит увидеть или услышать. Туман поднялся и рассеялся, и все предметы стали понемногу ясно вырисовываться. Я стоял, затаив дыхание, но не слышал ничего, кроме биения собственного сердца.

Вдруг мне показалось, что кто-то царапает стену, а так как я не слышал шагов, то решил, что ошибся. Тем не менее я насторожился. Шорох продолжался, потом над стеной показалась голова, и хотя было еще темно, я сразу узнал Боба.

Он увидел, что я стою, прижавшись к решетке.

– Тсс! – произнес он еле слышно и сделал мне знак рукой, чтобы я отошел от окна.

Не понимая, зачем это нужно, я все же послушался. Мне показалось, что в другой руке Боб держал длинную блестящую трубочку, сделанную как бы из стекла. Он поднес ее ко рту. Затем я услышал слабый свист и в то же время увидел, как в окно влетел и упал к моим ногам маленький белый шарик. Голова Боба мгновенно исчезла за стеной. Все стихло.

Я стремительно бросился к шарiku. Тонкая бумажка была плотно обернута вокруг маленького кусочка свинца. Мне показалось, что на ней что-то написано, но так как было еще недостаточно светло, я не мог ничего прочесть. Приходилось ждать наступления дня. Я постарался как можно тише закрыть окно и быстро улегся на койку, держа шарик в руке.

День не наступал очень долго – слишком долго для меня, ожидавшего его с таким нетерпением. Но вот сначала желтый, а затем розовый свет заскользил по стенам камеры; тогда я развернул бумажку и прочел:

«Завтра вечером тебя будут перевозить в городскую тюрьму. Ты поедешь с полицейским по железной дороге в отдельном купе. Сядь около двери, через которую войдешь в вагон. Спустя некоторое время (будь особенно внимателен), при переходе на другой путь, поезд замедлит ход. Тогда открывай дверцу и смело прыгай вниз. Прыгай, вытянув вперед руки, и старайся удержаться на ногах. Затем поднимись на холм, который будет от тебя слева, там мы встретим тебя с лошадью и повозкой. Не бойся ничего, через два дня мы будем во Франции. Смелее, не унывай! Только постарайся прыгнуть как можно дальше и удержаться на ногах».

Спасен! Теперь меня не станут судить, и я не увижу того, что произойдет на суде. Какое счастье! Ах, дорогой мой Маттиа, дорогой Боб! Я не сомневался в том, что Боб, конечно, помогает Маттиа. «Там мы встретим тебя с лошадью...» Ясно, Маттиа один не мог бы этого устроить.

И я снова прочел записку: «...поезд замедлит ход», «холм, который будет от тебя

слева», «...удержаться на ногах». Конечно, я храбро брошусь вперед. Лучше умереть, чем быть осужденным за воровство!

Ах, как все чудесно придумано! «Через два дня мы будем во Франции».

Мою радость омрачала только мысль о Капи, но я постарался отогнать ее от себя. Не может быть, чтобы Маттиа бросил Капи. Если он нашел средство устроить мне побег, он, несомненно, найдет какой-нибудь способ спасти и Капи.

Я перечитал записку еще два или три раза, затем разжевал и проглотил ее. Теперь мне надо было хорошенько выспаться, поэтому я улегся на койку и спал до тех пор, пока тюремщик не принес мне еду.

Время прошло довольно быстро. На следующий день после полудня ко мне в камеру вошел незнакомый полицейский и велел мне следовать за ним. Я с удовольствием отметил, что он был довольно пожилой и неповоротливый человек. Все складывалось благоприятно и точно так, как писал мне Маттиа. Когда поезд тронулся, я уселся перед входной дверью, спиной к ходу поезда.¹⁹ Полицейский сидел напротив меня. Мы были одни в купе.

– Ты говоришь по-английски? – спросил меня полицейский.

– Немного.

– А понимаешь английский?

– Понимаю почти все, если говорят не слишком быстро.

– Тогда, мой мальчик, я дам тебе хороший совет: не хитри перед судом, сознайся в своей вине. Ты этим заслужишь всеобщее расположение. Нет ничего хуже, когда люди возражают против очевидности; поэтому тот, кто сознается, вызывает к себе расположение и доброе отношение. Так вот скажи, как было дело, и ты получишь от меня монету. Ты увидишь, деньги тебе очень пригодятся в тюрьме.

Я чуть было не ответил: «Мне не в чем сознаваться», но быстро спохватился и промолчал, решив, что мне нужно заслужить расположение полицейского.

– Подумай хорошенько, – продолжал он, – и когда оценишь мой совет, вызови меня к себе. Спроси тогда Дольфена, хорошо?

Я утвердительно кивнул головой.

Я стоял облокотившись о дверь, стекло которой было опущено. Я попросил у полицейского позволения смотреть в окно, а так как он тоже хотел «заслужить расположение», он ответил, что я могу смотреть сколько мне хочется. Чего ему было бояться?

Поезд шел полным ходом. Вскоре полицейскому стало холодно, так как ветер дул прямо в окно; он отошел от двери и уселся посередине купе. Что касается меня, то я не чувствовал холода. Тихонько высунув наружу левую руку, я повернул ручку двери, а правой придерживал ее, чтобы она не открылась.

Время шло. Вдруг паровоз засвистел и стал замедлять ход. Наступил долгожданный момент. Я быстро толкнул дверь, сильным прыжком выбросился из вагона и очутился в канаве. К счастью, я не расшибся, так как уперся руками в покрытый дерном откос, но удар был настолько силен, что я свалился с ног и потерял сознание.

Когда я пришел в себя, мне показалось, что я все еще еду в поезде. Однако – странная вещь! – все лицо мое было мокрое, на щеках и на лбу я чувствовал нежную и горячую ласку.

Я открыл глаза. Собака! Какая-то противная желтая собака лизала меня. Глаза мои встретились с глазами Маттиа, стоявшего рядом со мной на коленях.

– Ты спасен! – воскликнул он, отстраняя собаку и целуя меня.

– Где мы находимся?

– В повозке. Нас везет Боб.

– Как дела? – спросил Боб обернувшись. – Не знаю. Кажется, все в порядке.

– Попробуй пошевелить руками и ногами! – закричал Боб.

¹⁹ В заграничных пассажирских вагонах каждое купе имеет самостоятельный выход (дверь).

Я проделал то, что он мне велел.

– Отлично, – сказал Маттиа. – Ничего не сломано.

– Как все произошло?

– Ты благополучно выпрыгнул из поезда, но толчок оглушил тебя и ты свалился в канаву. Боб, видя, что ты не идешь, кубарем слетел вниз с пригорка и принес тебя на руках. Нам показалось, что ты умер. Натерпелись мы страха и горя! Но, слава богу, ты жив.

– А полицейский?

– Едет дальше в поезде, который, конечно, не остановился.

Я узнал самое главное. Оглядевшись вокруг, я увидел желтую собаку, нежно смотревшую на меня преданными глазами, похожими на глаза Капи. Но ведь мой Капи был белым!

– А Капи! – спросил я. – Где он?

Прежде чем Маттиа успел мне ответить, желтая собака бросилась ко мне и начала с визгом меня лизать.

– Да вот он! – сказал Маттиа. – Мы его выкрасили.

Тогда я, в свою очередь, стал гладить и целовать Капи.

– Почему ты его выкрасил? – спросил я.

– Это целая история, сейчас я тебе расскажу. Но Боб не позволил ему рассказывать.

– Правь лошадь, – обратился он к Маттиа, – и держи ее хорошенько. А я пока займусь повозкой. Надо ее привести в такой вид, чтобы ее не узнали на заставах. Наша повозка представляла собой обычную повозку с холщовым верхом, натянутым на обручи. Боб уложил обручи в повозку, сложил холст вчетверо и велел мне им накрыться. Затем посоветовал Маттиа тоже спрятаться под холст. Таким образом, повозка сразу изменила свой внешний вид: у нее не стало верха и вместо трех человек в ней сидел только один. Если за ним будет погоня, то приметы, какие будут давать люди, видевшие нашу повозку, всех собьют с толку.

– Куда мы едем? – спросил я Маттиа, когда он растянулся рядом со мной.

– В Литтльхэмптон. Это маленькая приморская гавань, где у Боба есть брат капитан небольшого судна плавающего за маслом и яйцами во Францию. Если мы спасемся – а мы наверное спасемся, – то будем всецело обязаны Бобу. Все сделал он. Что бы мог сделать я один? Боб придумал выдуть из трубки записку и научить тебя выпрыгнуть из поезда; он же уговорил своих товарищей дать нам лошадь. Наконец, он нашел судно для переезда во Францию, потому что если бы ты попытался уехать на пароходе, тебя бы наверняка задержали. Видишь, как хорошо иметь друзей!

– А кому пришло в голову увезти Капи?

– Мне. Но это Боб решил выкрасить его в желтый цвет, чтобы его не узнали, после того как мы стащили его у полицейского Джери, «сообразительного» Джери, как его назвал прокурор. На этот раз он не оказался таким сообразительным и проворонил Капи. Правда, Капи, почуяв меня, почти все сделал сам.

– А как твоя нога?

– Зажила, или почти зажила, право не знаю. Мне некогда было о ней думать.

По дорогам Англии нельзя так свободно разъезжать как по дорогам Франции. Повсюду находятся заставы, где за проезд взимают установленную плату. Подъезжая к таким заставам, Боб приказывал нам молчать и не двигаться, поэтому сторожа видели двуколку, в которой сидел только один человек. Боб отпускал им несколько шуток и спокойно проезжал мимо. Боб загримировался и выглядел настоящим фермером; даже те, кто его хорошо знал, не узнали бы его теперь.

Мы ехали быстро, лошадь была хорошая, и Боб прекрасно правил. Однако надо было дать ей передохнуть и поесть. Мы не стали заезжать на постоялый двор. Боб остановился в лесу, разнуздал лошадь и надел ей на шею полную торбу с овсом, которую достал из повозки. Почти совсем стемнело, и мы могли не бояться, что нас обнаружат.

Теперь я мог поговорить с Бобом и от всего сердца поблагодарить его. Но он не дал мне

сказать всего, что я хотел.

– Вы меня выручили, – сказал он, пожимая мне руку, – а сегодня, в свою очередь, я выручаю вас. Кроме того, вы друг Маттиа, а для такого хорошего малого, как Маттиа, можно многое сделать.

Я спросил его, как далеко мы находимся от Литтлхэмптона. Он ответил, что осталось не меньше двух часов езды и что следует торопиться. Судно его брата отплывает во Францию по субботам, а сегодня пятница, и он думает, что отлив начнется рано.

Мы снова улеглись под холстом, на соломе. Отдохнувшая лошадь быстро бежала.

– Ты боишься? – спросил меня Маттиа.

– Боюсь, чтоб меня снова не схватили.

– Не бойся, ничего не случится. Когда поезд остановится, твой полицейский станет писать рапорт. Но пока начнутся розыски, пройдет много времени, и мы будем уже далеко. Кроме того, они не могут знать, что мы собираемся отплыть из Литтлхэмптона.

Тем временем наша лошадь, хорошо управляемая Бобом, бойко бежала по пустынной дороге. По временам нам попадались встречные повозки, но ни одна не обгоняла нас. В деревнях, через которые мы проезжали, все было тихо, и только в немногих окнах виднелся свет. Одни собаки обращали внимание на нашу быструю езду и провожали нас лаем.

Теперь мы лежали под холстом уже не для того, чтобы прятаться, а для того, чтобы защититься от холодного северного ветра. Облизывая языком губы, мы ощущали вкус соли, следовательно, мы подъезжали к морю. Вскоре мы заметили свет, который то исчезал, то вновь появлялся через правильные промежутки времени. Это был маяк. Мы приехали.

Боб придержал лошадь, заставил ее идти шагом и осторожно направил ее на проселочную дорогу.

Сойдя с повозки, он велел нам оставаться в ней и держать лошадь, а сам пошел узнать, здесь ли его брат и сможем ли мы уехать на его судне.

Должен признаться, что время отсутствия Боба тянулось для меня очень долго. Мы с Маттиа молчали и слушали, как шумно бьется море о песчаный берег где-то недалеко от нас. Звуки эти усиливали наше волнение. Мы оба дрожали.

Наконец послышались шаги – это возвращался Боб. Сейчас решится моя судьба.

Боб оказался не один. Когда он подошел к нам, мы увидели, что его сопровождает человек в морской фуражке и клеенчатой куртке.

– Вот мой брат, – сказал Боб. – Он берет вас с собой и сам отведет вас на судно, а теперь нам лучше расстаться. Не надо, чтобы знали, что я здесь находился.

Я бросился благодарить Боба, но он прервал меня, крепко пожав мне руку.

– Не стоит благодарности, – объявил он. – Друзья обязаны помогать друг другу. Надеюсь, мы еще встретимся. Я счастлив, что выручил Маттиа. Мы последовали за братом Боба и, пройдя несколько тихих городских улиц, попали на набережную, где морской ветер дул нам прямо в лицо. Ничего не говоря, брат Боба указал рукой на готовое к отплытию судно. Через несколько минут мы были уже на судне, и он заставил нас спуститься в маленькую каюту.

– Я отправлюсь не раньше чем через два часа. Сидите здесь и не шумите.

Как только он запер на ключ дверь нашей каюты, Маттиа бросился в мои объятия и крепко поцеловал меня. Теперь он уже больше не дрожал.

ГЛАВА XX. «ЛЕБЕДЬ»

После того как капитан ушел, некоторое время все вокруг было спокойно и тихо; только ветер шелестел среди мачт и плескалась вода о подводную часть судна. Но мало-помалу судно оживилось: на палубе раздались шаги, упали канаты, заскрипели блоки, завертелись лебедки, сматывающие и разматывающие цепи. Матросы подняли паруса, заскрипел руль, и вдруг судно, наклонившись на левый бок, покачнулось. Мы отчалили от берега, – я был спасен!

Качка, сперва небольшая, вскоре усилилась. Судно ныряло и взлетало вверх, тяжелые морские волны бились о его правый борт. – Бедный Маттиа! – сказал я своему товарищу и взял его за руку.

В это время открылась дверь каюты.

– Если вы хотите подняться на палубу, то теперь это не опасно, – объявил нам капитан.

– А где меньше качает? – спросил Маттиа.

– Когда лежишь, качает меньше.

– Благодарю вас, тогда я останусь здесь и буду лежать.

И Маттиа растянулся на досках.

Я хотел остаться с ним, но он отослал меня на палубу, сказав:

– Все это пустяки по сравнению с тем, что ты на свободе. Вот уж никогда не думал, что даже морская болезнь может доставить мне удовольствие!

Когда я поднялся на палубу, то оказалось, что там можно стоять, только уцепившись за канат. В темноте ничего нельзя было рассмотреть, кроме белой пены. Наше маленькое судно несло среди этой пены, наклоняясь так, словно готово было опрокинуться. Но оно не опрокидывалось, а, наоборот, легко скользило по волнам, подгоняемое попутным ветром.

Я обернулся назад. Огни порта казались в туманном мраке маленькими светящимися точками, и, глядя, как они постепенно исчезают, я с радостным чувством освобождения прощался с Англией.

– Если ветер не уменьшится, – обратился ко мне капитан, – мы прибудем во Францию сегодня вечером. «Эклипс» – хороший парусник.

Так как «Эклипс» причалил к пристани только поздно вечером, капитан разрешил нам переночевать на судне. На следующее утро мы расстались с ним, горячо поблагодарив его за помощь.

– Если вы захотите вернуться в Англию, – сказал он, крепко пожимая нам руки, – то знайте: «Эклипс» отплывает отсюда по вторникам и он к вашим услугам!

С его стороны это было очень любезно, но ни я, ни Маттиа не имели ни малейшего желания воспользоваться этим предложением. У каждого из нас были на это свои основания.

Мы высадились во Франции, не имея с собой ничего кроме одежды и наших инструментов. Хорошо еще, что Маттиа догадался захватить мою арфу! Наши мешки со всем их содержимым остались в повозках семьи Дрискол.

К счастью, у Маттиа было припрятано двенадцать франков; к ним прибавились еще те деньги, которые мы выручили, выступая с Бобом и акробатами. Все вместе составляло около сорока франков, что для нас, было значительной суммой. Маттиа хотел отдать эти деньги Бобу на покрытие расходов, связанных с моим побегом, но Боб ответил, что за услуги, оказанные друзьям, не платят, и не захотел ничего взять.

Сойдя на берег, мы первым делом пошли купить старый солдатский мешок, а затем приобрели самые необходимые нам в дороге вещи и, наконец, то, что нам было всего нужнее: карту Франции.

Теперь предстояло решить, куда идти и каким путем.

– Что касается меня, – объявил Маттиа, – мне все равно. Я готов идти куда угодно, но прошу об одном. – О чем?

– Идти по течению реки или какого-нибудь канала. У меня есть на это свои соображения. Я не стал спрашивать Маттиа, что у него были за соображения, и он продолжал:

– Я тебе объясню, о чем я думаю. Когда Артур был болен, госпожа Миллиган возила его по реке, и таким образом ты повстречался с «Лебедем».

– Теперь Артур выздоровел.

– То есть сейчас ему лучше. Но он был очень серьезно болен, и мне кажется, что госпожа Миллиган снова возит его по рекам и каналам, где может проехать «Лебедь». Если мы пойдем по течению этих рек, то, вероятно встретимся с «Лебедем».

– Кто тебе сказал, что «Лебедь» во Франции?

– Никто. Но нам следует рискнуть. Я хочу во что бы то ни стало найти госпожу Миллиган и считаю, что мы ничем не должны пренебрегать ради этого.

– А как быть с Лизой, Алексисом, Бенжаменом и Этьеннетой?

– Мы их всех навестим, пока будем искать госпожу Миллиган. Надо только идти по течению реки или канала. Посмотри по карте, какая река к нам всего ближе.

Мы разложили карту на траве и принялись разыскивать ближайшую реку. Оказалось, что это была Сена. – Давай добираться до Сены, – сказал Маттиа. – Но тогда нам придется побывать в Париже.

– Ну и что же?

– Я слышал от Виталиса, что если ты хочешь кого-нибудь найти, ищи его в Париже. А если английская полиция вздумает разыскивать меня за кражу и арестует меня в Париже, то ради этого не стоило покидать Англию.

– Разве английская полиция может преследовать тебя и во Франции?

– Не знаю. Но если может, то в Париж идти нельзя.

– Тогда пойдем вдоль Сены до окрестностей Парижа, потом обойдем его, а за Парижем снова пойдем по ее течению. У меня тоже нет ни малейшего желания встретиться с Гарафоли.

– Понятно.

– Ну что ж, начнем по пути расспрашивать всех судовщиков и окрестных жителей, а так как «Лебедь» не похож на обыкновенные баржи, то его безусловно заметят. Если мы не встретим его на Сене, будем искать на Луаре, Гаронне и на всех реках Франции. В конце концов мы его разыщем.

Решив таким образом вопрос о маршруте, мы занялись Капи. Капи, выкрашенный в желтый цвет, был для меня чужой собакой. Мы купили жидкого мыла и в первой попавшейся по пути речке стали его усердно отмывать, сменяя друг друга, когда уставали.

Однако краска нашего друга Боба оказалась превосходного качества. Понадобились многочисленные купанья, бесконечные намыливания, потребовались недели и даже месяцы для того, чтобы Капи наконец принял свой натуральный цвет.

Когда с высоты покрытых лесами холмов, на повороте тенистой дороги, куда мы вышли после целого дня ходьбы, мы увидели перед собой Сену, плавно катящую свои тихие и могучие воды. Сену, покрытую пароходами, дым которых поднимался кверху и доходил до нас, Маттиа объявил, что этот чудесный вид примиряет его с водой. Он понимает теперь, как приятно скользить по этой спокойной поверхности, среди свежих лугов, возделанных полей и тенистых лесов, окаймляющих ее берега.

– Я уверен, что именно по Сене госпожа Миллиган возит своего больного сына, – сказал он.

– Сейчас узнаем. Давай спросим жителей этой деревни, расположенной внизу.

Вскоре, однако, выяснилось, что «Лебедь» здесь не проплыл ночью, так как никто его не видел.

К счастью, когда мы пришли в Шарантон, то нам в первый раз на вопрос о «Лебеде» ответили, что видели здесь такую баржу с верандой. Маттиа ужасно обрадовался и принялся танцевать на набережной. Потом схватил скрипку и с воодушевлением заиграл триумфальный марш. А я в это время продолжал расспрашивать и убедился наконец, что действительно был «Лебедь». Около двух месяцев тому назад «Лебедь» проплыл мимо Шарантона вверх по Сене.

– Два месяца!

За эти два месяца он уплыл, конечно, очень далеко, но что за беда! Мы в конце концов нагоним его, хотя «Лебеда» тянули две хорошие лошади, а мы могли рассчитывать только на свои ноги.

Следуя за «Лебедем», мы в то же время приближались к Дрези, где жила Лиза. Сердце мое сильно билось, когда я, смотря на карту, задавал себе вопрос: куда поплывет дальше госпожа Миллиган и выберет ли она путь через Нивернэйский канал?

Оказалось, что «Лебедь» направился вверх по течению Ионны. Значит, мы пройдем через Дрези и увидим Лизу. Лиза сама расскажет нам о госпоже Миллиган и Артуре.

С тех пор как мы начали догонять «Лебедь», мы мало уделяли времени нашим представлениям, и Капи, как добросовестный артист, не понимал нашей спешки. Почему не позволяли мы ему с чашечкой в зубах сидеть перед «почтенной публикой» и терпеливо ждать, пока она раскошелится? Выручка наша становилась все меньше и меньше, а капитал таял с каждым днем.

По вечерам мы не жаловались на усталость, несмотря на длинные дневные переходы. Напротив, на следующее утро мы стремились встать как можно раньше и снова пускались в путь.

– Не забудь разбудить меня! – говорил Маттиа, любивший поспать.

И когда я его будил, он немедленно вскакивал.

Чтобы сэкономить средства, мы сократили наши расходы, а так как было жарко, то Маттиа объявил, что он не хочет есть больше мяса, потому что летом мясо вредно. Теперь мы довольствовались куском хлеба с крутым яйцом, разрезанным пополам, или хлебом, слегка намазанным маслом.

У каждого шлюза мы узнавали новости о «Лебеде», потому что по этому каналу навигация была невелика и на него все обращали внимание. Нам не только говорили о «Лебеде», но даже рассказывали о госпоже Миллиган и об Артуре «мальчике, который почти всегда лежал на палубе под тенью веранды, увитой зеленью и цветами». Иногда, по их словам он вставал.

Значит, Артур чувствовал себя лучше.

Мы подходили к Дрези. Оставалось два дня, затем день и, наконец, несколько часов. Мы увидели лес, где прошлой осенью играли с Лизой, увидели шлюз и домик тетушки Катерины. Не сговариваясь, мы оба ускорили шаг. Затем мы с Маттиа уже не шли, а бежали. Капи, узнав знакомые места, мчался галопом впереди нас. Он сообщит Лизе, что мы пришли, и сейчас она выбежит нам навстречу. Но мы увидели не Лизу, а Капи, бежавшего обратно с таким видом, словно его выгнали. Мы мгновенно остановились, не понимая, что это значит. Так и не разрешив наших сомнений, мы снова двинулись вперед. Капи сконфуженно бежал за нами.

Какой-то человек приводил в движение щит шлюза, но это был не Лизин дядя.

Мы подошли к дому. Незнакомая нам женщина рас хаживала по кухне.

– Где тетушка Катерина? – спросили мы у нее. Минуту она смотрела на нас молча, ничего не отвечая, как будто бы мы задали ей нелепый вопрос. Наконец она ответила:

– Ее здесь больше нет. – А где же она?

– В Египте.

Мы с Маттиа растерянно переглянулись. В Египте?

Мы даже не знали в точности, что такое Египет и где находится эта страна. Мы смутно представляли себе, что это далеко, очень далеко, где-то за морями.

– А Лиза? Вы знаете Лизу?

– Еще бы! Лиза тоже уехала. Ее взяла с собой проезжавшая здесь англичанка.

Лиза на «Лебеде»? Нет, это сон! Женщина объяснила нам, как все произошло. – Вы Реми? – спросила она меня.

– Да.

– Ну вот, когда муж тетушки Катерины утонул начала она.

– Как утонул?

– Утонул в шлюзе. Ах, вы ведь не знаете, что он упал в воду и попал под баржу, откуда не мог выплыть, так как зацепился за гвоздь... В нашей работе такие вещи часто случаются. В ту пору, когда он утонул, Катерина осталась в очень тяжелом положении, хотя она женщина боевая. Ей предложили поехать в Египет, в ту семью, где она раньше служила кормилицей, но она не знала, как быть с маленькой Лизой. Однажды вечером у шлюза остановилась баржа, на которой плыла англичанка с больным мальчиком. Они

разговорились. Англичанка искала ребенка для игры с ее сыном, сильно скучавшим без детского общества. Она попросила отдать ей Лизу, обещала заботиться о ней, сказала, что постарается вылечить и обеспечить ее судьбу. Катерина приняла предложение этой англичанки, и Лиза переселилась на баржу. Тогда Катерина уехала в Египет. Теперь мой муж работает на месте ее мужа. Перед отъездом Лиза через тетку попросила меня рассказать это вам, когда вы сюда придете. Ну вот и все. Я был ошеломлен и не находил слов, но Маттиа не растерялся.

– Куда же направилась англичанка? – спросил он. – Не то на юг Франции, не то в Швейцарию. Лиза обещала написать мне, чтобы я могла передать вам ее адрес, но я еще ничего не получила от нее.

ГЛАВА XXI. МЕЧТЫ СБЫЛИСЬ

По-прежнему стоял я в полном недоумении и молчал. Маттиа опустил за меня то, что следовало.

– Мы очень вам благодарны, – вежливо сказал он и слегка подтолкнув меня, вывел из кухни.

– В дорогу! – объявил он. – Вперед! Нам предстоит встретиться не только с Артуром и госпожой Миллиган, но и с Лизой. Как все здорово получилось! Мы бы потеряли время в Дрези, а теперь можем, не задерживаясь, продолжать путь. Вот это удача! Нам долго не везло, авось, теперь повезет.

И мы, не теряя времени, пустились в погоню за «Лебедем», останавливаясь только на ночлег и чтобы заработать несколько су.

В Десизе, где Нивернэйский канал впадает в Луару, нам сообщили новые сведения о «Лебеде»: он отправился по обводному каналу, а оттуда должен был попасть в Центральный канал и по нему плыть до Шалона.

В Лионе перед нами снова возникло серьезное затруднение: какой путь избрал «Лебедь» – вниз или вверх по Роне? Другими словами, куда теперь направилась госпожа Миллиган: в Швейцарию или на юг Франции? Мы опросили всех матросов, лодочников и людей, живущих на набережных, и в конце концов убедились, что госпожа Миллиган поехала в Швейцарию. Тогда мы пошли по течению Роны.

– Из Швейцарии легко попасть в Италию, – сказал Маттиа. – Вот тоже счастливый случай, если, разыскивая госпожу Миллиган, мы попадем ко мне на родину! Как будет счастлива Кристина!

Милый мой, славный Маттиа, он помогал мне искать тех, кого я люблю, а я ничего не сделал для того, чтобы он мог обнять свою маленькую сестренку!

После того как мы вышли из Лиона, расстояние между нами и «Лебедем» стало заметно уменьшаться, потому что по Роне с ее быстрым течением труднее плыть вверх, чем по Сене. Однако, изучая карту, я сомневался, что мы сможем его нагнать раньше чем в Швейцарии. Тогда я еще не знал, что по Роне нельзя доехать до Женевского озера, и мы воображали, что госпожа Миллиган хочет попасть в Швейцарию на «Лебеде»; карты же Швейцарии у нас не было.

Пройдя в Сейсель, город, разделенный на две части рекой, над которой переброшен висячий мост, мы спустились на берег, и как же я изумился, когда издали заметил «Лебеда»! Мы бросились бежать. Да, несомненно, это был «Лебедь», но почему-то он казался необитаемым. Он прочно стоял на якоре под навесом. Все окна были заперты, цветов на веранде не было.

Что произошло? Что случилось с Артуром?

Мы остановились, задыхаясь от волнения. Однако надо было набраться мужества и пойти узнать, в чем дело.

Человек, охранявший «Лебеда», сообщил нам следующее:

– Англичанка, прибывшая на «Лебеде» с двумя детьми – парализованным мальчиком и

маленькой немой девочкой, – находится сейчас в Швейцарии. Дальше плыть вверх по Роне нельзя. Дама с детьми уехала оттуда на лошадях. Осенью она вернется на баржу, спустится по реке до моря и проведет зиму на юге.

Мы с облегчением вздохнули.

– А где же теперь эта дама? – спросил Маттиа.

– Она предполагала снять дачу на берегу Женевского озера, в Вевэ, но более точного адреса я не знаю. Там она проведет лето.

В дорогу, в Вевэ! В Женеве мы купим карту Швейцарии и разыщем этот город или селение. Поскольку госпожа Миллиган собиралась прожить на даче все лето, мы были уверены, что разыщем ее.

Через четыре дня после ухода из Сейселя мы уже разыскивали в окрестностях Вевэ, у самого берега голубого озера и на склонах местных гор, госпожу Миллиган, Артура и Лизу. Мы пришли как раз вовремя: в кармане у нас оставалось всего три су, а на башмаках отваливались подметки.

Но Вевэ совсем не такая маленькая деревушка, как мы воображали. Это город, и довольно большой город, потому что к нему прилегают еще многочисленные селения и предместья, составляющие с ним одно целое.

Мы очень скоро поняли, что бесполезно спрашивать, где живет госпожа Миллиган или просто «англичанка с больным сыном и немой девочкой». Город Вевэ и берега озера кишат англичанами и англичанками не меньше, чем курорты в окрестностях Лондона. Всего лучше самим продолжать поиски. Для нас это было нетрудно – нужно было только играть и петь наши песенки на всех улицах.

За один день мы обошли Вевэ, но никаких признаков госпожи Миллиган не нашли.

На следующий день мы продолжали поиски уже в окрестностях Вевэ. Мы шли наугад прямо по дорогам и играли под окнами домов, не обращая внимания на то, открыты эти окна или закрыты. Вечером мы вернулись ни с чем, хотя побывали почти всюду, осматривали все вокруг и по временам расспрашивали людей, которые казались нам симпатичными.

В этот день мы дважды обрадовались понапрасну. Один раз нам ответили, что прекрасно знают англичанку, о которой мы спрашиваем, только не знают ее фамилии, и послали нас в домик, выстроенный в горах; в другой раз уверили, что наша англичанка живет на берегу озера. Действительно, и на берегу озера и в горах жили англичанки но и та и другая оказались совсем не госпожой Миллиган.

Старательно обыскав окрестности Вевэ, мы пошли в сторону Клерана и Монтре, огорченные, но не потерявшие надежду. То, что не удалось нам сегодня, несомненно, удастся завтра Мы шли по проезжим дорогам, окаймленным с обеих сторон зелеными изгородями; по тропинкам, вьющимся среди виноградников и фруктовых садов; по тенистым дорожкам с огромными каштановыми деревьями, где под густой листвой, не пропускавшей воздуха и света, не росло ничего, кроме бархатистого мха. На каждом шагу встречались железные решетки или деревянные заборы, а за ними виднелись посыпанные песком дорожки и лужайки с цветочными клумбами и кустами. Вдали, среди зелени, стояли увитые вьющимися растениями красивые дома или нарядные дачи. Почти в каждом саду был просвет между деревьями или кустами, откуда открывался вид на сверкающее озеро, окаймленное темными горами.

Нам приходилось играть и петь очень громко, чтобы нас слышали те, кто жил в этих дачах, и к вечеру мы совсем выбивались из сил.

Однажды днем мы пели посреди улицы, перед решеткой одного сада; за ним возвышалась стена, на которую мы не обратили никакого внимания. Я пел во все горло первый куплет моей неаполитанской песенки и только хотел продолжать, как вдруг мы услышали позади нас, за стеной, крик, а затем какой-то странный и слабый голос запел второй куплет.

– Кто бы это мог быть?

– Артур? – предположил Маттиа.

Нет, не Артур, это не его голос. А между тем Капи проявлял все признаки радости, визжал и прыгал на стену.

Не в состоянии сдержать себя, я крикнул:

– Кто там поет? Незнакомый голос произнес:

– Реми!

Мое имя вместо ответа! Мы с Маттиа изумленно переглянулись.

Пока мы стояли в недоумении друг против друга, я заметил у конца стены, там, где начиналась изгородь, белый платочек, развевавшийся по ветру Мы бросились туда.

Подбежав к изгороди, мы увидели, что размахивает этим платочком Лиза.

Наконец-то мы нашли ее, а вместе с ней госпожу Миллиган и Артура! Но кто же пел? С этим вопросом мы с Маттиа одновременно обратились к Лизе, как только обрели дар слова.

– Я, – ответила она.

Лиза пела! Лиза говорила!

Правда, я тысячу раз слышал о том, что Лиза когда-нибудь заговорит и что, вероятно, это произойдет после сильного душевного потрясения. Но я не верил в такую возможность.

Однако чудо совершилось. Оно совершилось тогда, когда она услышала мое пение, когда узнала, что я вернулся к ней, в то время как она считала меня навсегда потерянным. Радость вернула ей дар речи. Я был настолько взволнован этой мыслью, что должен был схватиться рукой за изгородь, чтобы не упасть.

Но сейчас было не время предаваться своим чувствам.

– Где госпожа Миллиган и где Артур? – спросил я.

Лиза пошевелила губами, пытаясь ответить, но не могла ничего произнести.

Тогда, чтобы мы скорее поняли ее, она принялась объяснять знаками. Язык еще плохо повиновался ей. Я следил глазами за ее объяснениями.

Вдруг на повороте тенистой аллеи показалась колясочка, которую вез слуга. В этой колясочке лежал Артур, сзади него шла его мать и... я высунулся вперед, чтобы лучше разглядеть... Джеймс Миллиган! Мгновенно я спрятался за изгородь и приказал Маттиа сделать то же самое, совсем забыв, что Джеймс Миллиган не знал Маттиа. Когда первый испуг прошел, я подумал, что Лиза, вероятно, поражена нашим внезапным исчезновением. Немного приподнявшись, я сказал ей вполголоса:

– Не надо, чтобы Джеймс Миллиган видел меня, а то он вернет меня в Англию.

Лиза испуганно подняла руки.

– Не жестикулируй, – продолжал я, – и ничего не говори о нас. Завтра в девять часов утра мы снова придем сюда. Постарайся быть одна, а теперь уходи.

Она медлила.

– Уходи же, прошу тебя! Иначе ты меня погубишь! Мы скрылись за стеной, бегом добрались до виноградников, где и спрятались. Когда наша радость несколько стихла, мы смогли поговорить.

– Знаешь, – заявил Маттиа, – я вовсе не намерен ждать до завтра, чтобы увидеться с госпожой Миллиган. За это время Джеймс Миллиган может убить Артура. Я сейчас же пойду к ней и скажу ей... все, что мы знаем. Раз Джеймс Миллиган никогда не видел меня, нам нечего опасаться. Пусть госпожа Миллиган сама решит, как нам следует поступить.

Я согласился с Маттиа и отпустил его, условившись встретиться с ним под каштановыми деревьями, находившимися неподалеку. Там я смогу спрятаться, если, паче чаяния, внезапно появится Джеймс Миллиган.

Я очень долго ждал возвращения Маттиа, лежа на мху, и тысячу раз спрашивал себя, правильно ли мы поступили. Наконец он появился вместе с госпожой Миллиган.

Я подбежал к ней, а она обняла меня и, наклонившись, нежно поцеловала в лоб.

Она целовала меня второй раз в жизни, но мне показалось, что в первый раз она не сжимала меня так крепко в своих объятиях.

– Бедный мальчик! – проговорила она. Затем она отодвинула рукой со лба мои волосы и долго смотрела на меня.

– Да, да... – прошептала она.

Эти слова, по-видимому, отвечали каким-то ее тайным мыслям, но я был настолько взволнован, что не мог их понять. Я чувствовал нежность госпожи Миллиган, видел ее ласковые глаза и был слишком счастлив, чтобы думать о чем-нибудь, кроме настоящего момента.

– Дитя мое, – сказала она, не сводя с меня глаз, – твой товарищ сообщил мне очень важные вещи. Прошу тебя также рассказать мне о твоём приезде в семью Дрискол и о приходе к ним Джеймса Миллигана.

Я подробно рассказал все, о чем меня просила госпожа Миллиган. Она прерывала меня только несколько раз, для того чтобы уточнить некоторые подробности. Никогда никто не выслушивал меня с таким вниманием. Она не сводила с меня глаз.

Когда я кончил, она довольно долго молчала, продолжая смотреть на меня, и наконец сказала:

– Все это чрезвычайно важно для тебя и для всех нас. Но надо действовать осторожно, посоветовавшись сначала с опытными людьми. Однако с этой минуты ты можешь считать себя другом... – она немного запнулась, – даже братом Артура и должен вместе с твоим юным товарищем прекратить свою прежнюю, бродячую жизнь. Через два часа пройдите в гостиницу под названием «Альпы», я пошлю туда надежного человека приготовить для вас помещение. Там мы снова увидимся, а сейчас я должна вас покинуть.

Она опять поцеловала меня и, подав руку Маттиа, быстро ушла.

– Что такое ты рассказал госпоже Миллиган? – спросил я у Маттиа.

– То, что она тебе передала, и еще многое другое. Ах, какая это прекрасная, добрая женщина!

– Ты видел Артура?

– Только издали, но он сразу мне понравился. Мне хотелось еще о многом расспросить Маттиа, однако он почему-то уклонялся от ответов или отвечал неопределенно. Тогда мы принялись болтать о пустяках до того времени, когда по приказанию госпожи Миллиган, должны были явиться в гостиницу «Альпы».

Несмотря на то, что мы выглядели настоящими оборванцами, нас встретил слуга и сразу провел в отведенную для нас комнату. Ах, какая это была прелестная комнатка! В ней стояли две белые кровати. Окна открывались на веранду, находившуюся над самым озером; вид оттуда был чудесный. Когда мы вернулись обратно в комнату, слуга, ожидавший наших приказаний, спросил нас, что мы хотим заказать на обед, который он нам подаст на веранду.

– У вас есть сладкие пироги? – спросил его Маттиа. – Есть: с ревенем, с клубникой и со смородиной.

– Прекрасно. Подайте их нам.

– Всех трех сортов?

– Конечно!

– А что вы хотите на первое и на второе? Какие овощи?

На каждое предложение Маттиа широко раскрывал глаза, но нисколько не смущался.

– Это безразлично, – сказал он. Слуга степенно вышел.

– Я думаю, мы пообедаем здесь лучше, чем в семье Дрискол, – объявил Маттиа.

На следующее утро к нам пришла госпожа Миллиган. Она привела портниху, которая сняла с нас мерки, чтобы сшить нам новую одежду.

Госпожа Миллиган сообщила, что Лиза продолжает говорить и что врач считает ее выздоровевшей. Она пробыла с нами час, а потом ушла, нежно поцеловав меня и пожав руку Маттиа.

Так приходила она в продолжение четырех дней, и с каждым днем становилась все нежнее и ласковее со мной; но, казалось, что-то смущало ее, и она не хотела поддаваться своему чувству и показывать его.

На пятый день вместо нее пришла служанка, которую я прежде видел на «Лебеде». Она сообщила, что госпожа Миллиган приглашает нас к себе на дачу и что у дверей гостиницы

нас ждет экипаж. Маттиа тотчас же уселся в экипаж с таким важным и непринужденным видом, как будто с детства привык к этому. Капи, тоже ничуть не стесняясь, залез на сиденье. Ехать было недалеко. Переезд показался мне очень коротким. Я был как во сне. Нас провели в комнату, где я увидел госпожу Миллиган, Артура, лежавшего на диване, и Лизу.

Артур протянул ко мне руки. Я подбежал к нему и крепко обнял его, затем поцеловал Лизу, а госпожа Миллиган сама подошла и поцеловала меня.

– Наконец наступил час, когда ты можешь занять то место, на которое имеешь полное право, – сказала она.

Я смотрел на госпожу Миллиган, не понимая, что означают ее слова. А она пошла открыть дверь, и я увидел матушку Барберен, которая несла в руках детскую одежду: белую кашемировую шубку, кружевной чепчик и вязаные башмачки.

Она едва успела положить все вещи на стол, как я схватил ее в свои объятия. Пока я ее целовал, госпожа Миллиган давала какие-то распоряжения слуге. Услышав имя Джеймса Миллигана, я побледнел.

– Тебе нечего бояться, – ласково проговорила госпожа Миллиган. – Подойди ко мне и дай мне руку.

В это время дверь отворилась и в комнату вошел Джеймс Миллиган. Он, как всегда, улыбался, показывая свои острые зубы. При виде меня его улыбка превратилась в страшную гримасу.

Госпожа Миллиган не дала ему заговорить.

– Я пригласила вас сюда, – произнесла она медленно, слегка дрожащим голосом, – чтобы представить вам моего старшего сына, которого я наконец, к своему счастью, нашла, – и она крепко сжала мою руку. – Вот он. Вы с ним знакомы, вы видели его и справлялись о его здоровье у того человека, который его украл.

– Что здесь происходит? – спросил Джеймс Миллиган с искаженным лицом.

– Этот человек сидит теперь в тюрьме за кражу в церкви и во всем сознался. Вот письмо, которым он это подтверждает. В нем он рассказывает, как украл ребенка, как бросил его в Париже, как принял меры к тому, чтобы ребенок не был найден, для чего срезал метки на его одежде. Вот эта одежда; ее сберегла женщина, самоотверженно воспитавшая моего сына. Желаете ли вы прочитать письмо и посмотреть на вещи?

Джеймс Миллиган с минуту стоял неподвижно, испытывая, по-видимому, сильное желание удушить нас всех. Затем он направился к двери, но, прежде чем выйти, обернулся и заявил:

– Посмотрим, что скажет суд по поводу вашего подставного ребенка!

Не растерявшись, госпожа Миллиган – теперь я могу смело сказать, моя мать – ответила:

– Вы можете подать на нас в суд, но я не собираюсь привлекать к ответственности того, кто является братом моего мужа.

Дверь за моим дядей захлопнулась. Тогда я бросился в объятия своей матери и в первый раз поцеловал ее сам.

Когда наше волнение немного улеглось, ко мне подошел Маттиа:

– Скажи твоей маме, что я хорошо сохранил тайну. – Разве ты что-нибудь знал? – спросил я. За него ответила моя мать:

– Когда Маттиа рассказал мне все, я попросила его молчать, хотя в глубине души была твердо убеждена, что бедный маленький Реми – мой сын. Но мне нужны были веские доказательства, для того чтобы не совершить ошибки. Какое было бы горе для тебя, мой дорогой, если бы после того, как я признала тебя своим сыном, мне пришлось бы сказать, что мы ошиблись! Теперь все доказательства налицо. Отныне ты всегда будешь жить с твоей матерью, братом и с теми, – она показала на Лизу и на Маттиа, – кто любил тебя в несчастье.

ГЛАВА XXII. В СЕМЬЕ

Прошло много лет. В настоящее время я живу в Англии вместе с матерью, братом и женой.

Моя мать мало изменилась: ее лицо по-прежнему красиво и сохранило чудесное выражение нежности и доброты, только исчезла та грусть, которая омрачала его когда-то.

Артур, вопреки предсказаниям врачей и желанию нашего дядюшки Джеймса Миллигана, окончательно поправился и стал здоровым и крепким юношей, хорошим охотником и спортсменом.

Моя жена, – читатель, верно, догадывается, кто она, не правда ли? – моя жена – это та маленькая Лиза, которую вы уже знаете. Она выросла в доме моей матери и на моих глазах превратилась в прелестную молодую девушку, одаренную всеми совершенствами, потому что я люблю ее. Мы живем с Лизой очень дружно и счастливо.

Недавно у нас родился сын, маленький Маттиа, и нянчит его матушка Барберен. После того как я нашел семью, матушка Барберен, несмотря на все мои просьбы, не согласилась остаться у нас:

– Ты должен теперь учиться, и мне нечего делать возле тебя. Позволь мне вернуться в Шаванон. Не огорчайся, ведь мы расстаемся не навеки. Ты вырастешь, женишься, будешь иметь детей, и тогда, если захочешь, я приеду и помогу тебе их растить. К тому времени я стану уже старухой, но это не помешает мне хорошо ходить за твоим ребенком и очень любить его, и уж, конечно, я не позволю его украсть, как украли тебя.

Так мы и порешили. Незадолго до рождения нашего ребенка мы послали за матушкой Барберен в Шаванон, и она бросила все: родную деревню, свой домик, друзей, корову – дочку нашей коровы – и переехала к нам. Лиза сама кормит маленького Маттиа, но ходит за ним, забавляет его и возится с ним матушка Барберен. По ее мнению, это самый замечательный ребенок, какого она когда-либо видела.

В ближайшие дни нашему сыну исполнится год, и я решил по этому случаю пригласить к себе всех своих друзей.

Я уже получил телеграмму от Маттиа – он приезжает сегодня. Предсказание парикмахера Эспинассу из города Манта полностью сбылось: маленький уличный музыкант, мой товарищ и ученик, сделался теперь знаменитым скрипачом. Он по-прежнему остается моим самым близким другом. Я чрезвычайно горжусь его успехами, так как в них есть доля и моего участия, а Маттиа радуется моему счастью, как своему.

Кроме него, приезжает вся семья Лизы: отец Акен, тетушка Катерина, Этьеннета, Алексис и Бенжамен. Старый «учитель» из Варса еще жив и приедет вместе с ними. Ему очень хочется побывать на рудниках Уэльса и обогатить свою коллекцию новыми интересными экземплярами. Наш приятель Боб и брат его моряк, капитан «Эклипса», тоже должны приехать сегодня.

Только один дорогой мой друг не будет на нашем семейном празднике... Мой дорогой Виталис, как бы я был счастлив видеть вас у себя! Если несчастный, брошенный на произвол судьбы ребенок не пошел по дурному пути и не опустился на дно, то этим он обязан вам, вашим урокам, вашему примеру, мой любимый учитель! И я всегда буду свято хранить память о вас...

Все мои друзья собрались, как было условлено. После праздничного обеда, во время которого мы много говорили о прошлом, Маттиа подошел ко мне.

– Знаешь, – сказал он, – мы так часто играли для посторонних, что теперь должны сыграть для наших родных и друзей.

– Ты по-прежнему не можешь жить без музыки! Помнишь, как ты перепугал нашу корову?

– Давай сыграем твою неаполитанскую песенку.

– Охотно. Благодаря этой песенке Лиза начала говорить.

Маттиа вынул свою прежнюю, дешевую скрипку, лежавшую теперь в красивом футляре, а я достал из мешка арфу, дерево которой совсем потемнело от времени и дождей.

Все собрались вокруг нас. В этот момент появился пудель. Это мой милый, любимый

Капи. Бедняжка, он совсем старый и глухой, однако еще хорошо видит. Он спокойно лежал на своей подушке, но, заметив, что я взял арфу, прихрамывая пошел на представление. В зубах он держит блюдечко и хочет на задних лапках обойти «почтенную публику», но ему не хватает сил. Капи садится и, важно поклонившись присутствующим, прижимает лапку к груди.

Я не могу удержаться и целую его в нос, как тогда, когда он утешал меня в моих горестях.

– Ну вот, – смеясь, говорит Маттиа, – теперь вся «труппа Реми» в сборе. Начинаем концерт...

На этом я заканчиваю свои воспоминания, написанные для моих родных и друзей.